

**АНДРЕЙ
КОНСТАНТИНОВ**

НАРУЖНОЕ
НАБЛЮДЕНИЕ

**ЛОВУШКА
ФОРС-МАЖОР**

ПРОВЕРЕНО
ЧТЕНИЕМ!

**Игорь Шушарин
Евгений Вышенков
Андрей Дмитриевич Константинов
Наружное наблюдение:
Ловушка. Форс-мажор (сборник)**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7335615

Наружное наблюдение: Ловушка. Форс+мажор / Андрей Константинов при участии Евгения

Вышенкова и Игоря Шушарина: АСТ; Москва; 2008

ISBN 978-5-17-054486-8, 978-5-9725-1255-3

Аннотация

...В результате хитроумной многоходовой комбинации вора в законе Ребуса петербургский бизнесмен Игорь Ладонин оказывается в следственном изоляторе. Чтобы спасти своего товарища, бывшие участники экипажа наружного наблюдения снова собираются вместе. Очень скоро выясняется, что, помимо заклятого врага, им противостоят еще и продажный опер из ГУВД, загадочный Специалист и двое дерзких преступников, похитивших уникальный артефакт из главного музея страны.

Читайте долгожданную заключительную часть трилогии «Наружное наблюдение»!

Содержание

Ловушка	5
Пролог	5
Глава первая	18
Глава вторая	31
Глава третья	46
Глава четвертая	64
Глава пятая	76
Конец ознакомительного фрагмента.	88

**Андрей Константинов, Евгений
Вышенков, Игорь Шушарин
Наружное наблюдение:
Ловушка. Форс-мажор (сборник)**

© А. Константинов, 2008

© ООО «Астрель-СПб», 2008

* * *

Ловушка

Книга, которую вы, уважаемый читатель, держите в руках, – художественное произведение, поэтому все изложенное в ней – авторский вымысел. Возможное сходство с реально существующими людьми, организациями и обстоятельствами – случайно, а любые расхождения – наоборот, закономерны.

Пролог

В этот мексиканский ресторан, что на Петроградской стороне, первая персона нашего повествования заходила редко. Персона эта являлась мужчиной в том возрасте, когда случайные прохожие еще обращаются к тебе не иначе как «молодой человек».

Мужчина был подтянут и резок. В двадцатых годах его могли бы запросто задержать на улице как бывшего офицера. Мужчина любил тихие и уютные кафе, и в этом мексиканском заведении ему не слишком нравилось, поскольку подобные места, вне зависимости от таланта дизайнера, все равно напоминали ему банкетные залы. С той лишь разницей, что бывшие наглаженные ВИА сменились на искусственно расхлябанных диджеев. Кроме того, здесь всегда имелся шанс запросто угодить на тусовку неизвестно чьих ухоженных детенышей, шумно демонстрирующих окружающим свое умение лихо распоряжаться родительскими деньгами. А наш герой (хотя, если разобраться, какой он, на фиг, герой?) всегда зарабатывал сам. Каким образом – это дело другое. Пожалуй, его заработок можно было охарактеризовать фразой, которую мужчина в молодости услышал от одного солидного арестованного. Тогда, помнится, он грозно спросил: «У вас есть алиби?» И арестованный в ответ радостно кивнул: «Разумеется! А вам в какой валюте?..»

Впрочем, для предстоящей встречи заведение вполне подходило. Здешние официанты его не знали, а камера видеонаблюдения была всего одна, да и та на входе. Так что если самому не упереться в нее взглядом, а зайти, как бы оглядываясь на припаркованную машину, то лица на записи будет не рассмотреть. На самом деле мужчина отлично знал, что никто никакую камеру просматривать не будет, но мыслил верно и старорежимно – если ты и в ванной при входе жены будешь переворачивать телепрограммку, то в нужный момент на твоём рабочем столе всегда будет перевернуто то, что захочет подсмотреть твой соперник...

До закрытия ресторана оставалось чуть больше часа, посетителей в зале почти не было. Мужчина обратился к официантке, которая несла на подносе два матэ для сидящих у аквариума парня с девушкой:

– Где тут у вас столик с розеткой? Вернее, рядом с одной? Мне бы компьютер подключить...

– Вроде второй справа, у окна. Присаживайтесь, пожалуйста, я сейчас подойду, – ответила та, указывая рукой.

– Эспрессо захватите, двойной, – бросил он вслед тем корректным тоном, который не советовал медлить или приносить кофе холодным. А затем проурчал, втыкая штепсель в розетку: «Вроде – это у бабки в огороде. А мне нужно в самый аккурат».

Кстати, официанты (если, конечно, они хорошие официанты) мгновенно улавливают и настроение, и внутреннюю крепость посетителей. Девушка не сформулировала этого про себя, но почувствовала, что зашедший в столь поздний час человек в себе очень уверен и, судя по всему, не без основания.

Усевшись, мужчина еще раз оглянулся вокруг, проверяясь на предмет наличия камер – ничего не поделаешь, образ жизни вырабатывает привычки, которые со временем настолько врезаются в подсознание, что уже начинают напоминать инстинкты. Порой эти инстинкты раздражают, обещая превратиться в манию. Впрочем, увидеть эти особенности поведения может только такой же профессионал: воевавший всегда почует воевавшего, а для всех остальных он будет выглядеть совершенно естественно. Для большинства людей вообще все выглядит совершенно естественно, пока не выстрелили над ухом...

Включая ноутбук, мужчина как бы случайно уронил на пол зажигалку. Поднимая ее, он нагнулся и успел бросить взгляд на обратную сторону столешницы – нет ли микрофонов? Совершив сей маневр, он сам себе слегка улыбнулся – маразм, конечно, но куда денешься? Зато теперь он был внутренне спокоен. А это важно.

Этот его жест не ускользнул от внимания в одиночестве сидящего за самым дальним столиком молодого парня лет двадцати пяти. «Чего это он? Проверяется, что ли?» – машинально подумал парень, который по роду своей деятельности в подобных вещах кое-что соображал. От нечего делать он наблюдал за новым посетителем с того момента, как тот перешагнул порог заведения, и сам для себя окрестил его «манерным дядькой». И действительно, с одной стороны, мужчина был одет весьма демократично. Так, знаете, рабочий вариант: джинсы, легкая вельветовая куртка, мокасины. Но с другой – было заметно, что вещи дорогие.

Меж тем официантка, улыбаясь, принесла кофе. Пусть это была всего лишь рабочая улыбка в дорогом ресторане, но все равно смотреть на нее и мужчине, и наблюдавшему за ними парню было приятно. Официантки же, как известно, всегда смотрят на клиентов с точки зрения возможных чаевых. А в данном случае, судя по внешнему виду, чаевые вполне могли иметь место.

Ничего примечательного во внешнем поведении припозднившегося посетителя более не обнаружилось, а потому офицер милиции, водитель оперативной машины наружки Паша Козырев (а это был он) потерял к нему интерес. Во-первых, в столь поздний час Паша находился здесь не по службе. Во-вторых, был он если не пьян, то, как минимум, крепко выпивши. И, наконец, у него и без того имелось о чем подумать и поразмышлять. Например, на кой черт он поперся в такое дорогущее заведение, где за пару часов спустил весьма серьезную для себя сумму?..

Внятного ответа на этот, не самый заковыристый, вопрос у Паши не было. Вроде бы и рабочая неделя выдалась не из самых напряженных, да и в будничной, внеслужебной жизни особых волнений и потрясений не случилось, а вот поди ж ты – захотелось выпить! До свода скул захотелось. Хотя... Скорее всего, именно от осознания факта, что ничего существенного не произошло и в обозримом будущем не предвидится, и захотелось.

И то сказать: жизнь Козырева в последние месяцы текла предсказуемо, внешне правильно и праведно. Приторно праведно. Ну получил он недавно старлея, а скоро вполне светит еще и старший опер. Ну машину новую дали (служебную, естественно). Ну зарплату прибавили. Впрочем, прибавили ощутимо: если бы не снимал комнату, вполне мог позволить себе отпуск в какой-нибудь Турции-шмурции. И что с того? Так и кати теперь с грузом по жизни до майорской пенсии?..

Что ж, если особо повезет, то лет эдак через десять есть шанс стать начальником гаража – вершина карьеры механика без высшего образования. Можно, конечно, поставить целью заочно закончить Академию МВД. Без блата это нелегко, но, теоретически, новоиспеченный Лямкин родственник вполне может устроить. Тогда есть шанс выслугу лет встретить толстозадным подполковником. Правда, и здесь не все так просто, ибо не подлижешь –

не поедешь. Насмотрелся он на всех этих шлёмных и мышлаевских, которые за должность родную мать, может, и не продадут (а кто тогда с их сопливыми детьми сидеть будет?), но вот секреты Родины – запросто. Хотя, положи руку на сердце, какие там, на фиг, секреты? Объект «Гнусавый» встретился со связью «Картавый» и раскатал с ним жбан «Немирова»? О да, это серьезный секрет!.. Неудивительно, что по версии отдела собственной безопасности нет у подлых представителей организованной преступности иной задачи, кроме как завербовать одного из грузчиков.

А вот то, что грузчики эти в свободное от работы время, а то и во время таковой, за долю малую таскают коммерческих объектов, давно ни для кого секретом не является. В том числе для самих объектов. Потому как сегодня они груз, а завтра, глядишь, уже потенциальные заказчики. Почему за малую? Да потому что большая до рядовых исполнителей просто не доходит, оседая в карманах все тех же шлёмных, мышлаевских и иже с ними. Все правильно: одним – весы и гири, другим – леса и горы. В этом и есть наша главная военная тайна. Если кто до сих пор еще не в курсе.

Но зато сколько пафоса на совещаниях! Сколько апломба и чуть ли не имперских амбиций!.. Бойцы невидимого фронта! Господа офицеры, чудо-богатыри!.. Мы на переднем крае борьбы!.. Если не мы – то кто же?! Так назначено судьбой для нас с тобой!..

Ага, щас! Судьба играет человеком, а человек играет в казино. Правда, не всякий человек. К примеру, младшему офицерскому составу пока не по чину. С другой стороны, есть к чему стремиться. Главное – не заморачиваться на деталях и не забывать лизать. Что же до гидры преступности... Так потому она и гидра, что победить ее в принципе невозможно! Все башки ведь не посрубаешь – запаришься.

В общем, философия немудреная, хотя и в ней без стакана не разберешься. Вот, собственно, поэтому Козырев и решил сегодня выпить. И не в шумной и предсказуемой компании грузчиков и механиков, а в гордом, гнетущем одиночестве. И не в дешевом, пропитавшемся запахом подгорелого масла и селедочным духом шалмане, а за чистой скатертью и с видом на экзотических рыбок в аквариуме. И не так, как обычно, – по-шоферски символически, а чтоб до положения риз! Благо, ксива была, как у взрослого, – на кармане. И вообще, как говаривал покойный бригадир Нестеров: «Да дайте же человеку раз в жизни спокойно!!!» Ну и вот она, мечта идиота, во всем своем великолепии... И что дальше? А дальше – гарантированная головная боль с утра и недельная бутербродная диета, должная закрыть пробоину в личном бюджете. Так стоил ли свеч этот геморрой? «Э-эх, надо было хоть Светку Лебедеву с собою взять!.. – в очередной раз укорил себя Паша. – Если уж вздумалось козлику в лес погуляти, то хотя бы по полной программе – с девочкой, с солеными огурцами и поездкой в номера. А так...»

Светка, сидевшая в их отделе на секретном делопроизводстве, сохла по Козыреву давно. Но пока у Паши тянулся красивый, хотя и невнятный роман с Полиной Ольховской, она разумно не вмешивалась в их отношения, понимая, что в данной ситуации ее шансы близки к нулю. Однако после того, как Полина ушла со службы и переехала жить к «богатому папику» (эту новость в Оперативно-поисковом управлении обсуждали месяца три, не меньше), Лебедева встрепенулась и перешла в контрнаступление. Не то чтобы эта ее войсковая операция завершилась безоговорочным успехом, но все же пару-тройку раз ей удалось затащить Козырева «в кино». Всякий раз сценарий такой «фильма» был примерно одинаков: действие первой серии происходило в кафе (до кинотеатра все как-то ноги не доходили), а второй – в постели Лебедевой. Каких-то особых чувств к Светлане он не испытывал, зато общение с ней всегда было удивительно легким и в высшей степени беззаботным. К тому же и мужское начало не могло бесконечно только лишь начинаться. Ему, началу, периодически требовалось продолжение, и Светка, к чести ее (либо к бесчестию – это уж кому как нравится), отнеслась к этой козыревской проблеме с должным пониманием. К тому же

на фоне других знакомых девушек Лебедева выгодно отличалась наличием свободной квартиры.

Вот так они и жили – периодически спали не врозь, но от детей благоразумно предохранялись. Показательный пример с залетом подруги Лямки и последующей вынужденной женитьбой заставил Козырева относиться к таким вещам в высшей степени осмотрительно...

В зале появилась официантка, и Паша изобразил рукой жест, означающий: «Барышня, счет, пожалуйста». Поняв, что голосом, внятно и членораздельно, произнести такую простую фразу он уже не в состоянии, Козырев принял решение закругляться. Вот только тащиться к метро, а затем ехать к себе на Лиговку дико не хотелось. «Может, взять да и завалиться ночевать к Светке?» Это был действительно не самый плохой вариант, поскольку та жила минутах в пятнадцати неспешной ходьбы.

Козырев потянул было руку к мобильнику, но в последний момент все-таки передумал. «Да ну, к черту!.. Отказать, конечно, не откажет. Но ведь придется битых два часа сидеть, поддерживать светскую беседу. Не скажешь ведь вот так вот, с ходу: „Светка, я пьян, я устал, пошли в койку“. Да и с пустыми руками вроде как неудобно. А свой лимит на сегодня я уже перебрал, причем с избытком. Так что придется переться в метро...»

Рядом зацокала каблучками официантка. Пашка скосил глаза, и в поле его зрения случайно попал склонившийся за ноутбуком припозднившийся посетитель. Мужчина оторвал взгляд от экрана, скосил глаза на часы и поморщился. «Опаздывает твоя женщина. Или вообще не придет», – не без злорадства подумал Козырев. В самом деле, с кем еще назначать свидание в таком дорогом заведении и в такой поздний час?

Между прочим, подумал Паша правильно. В том смысле, что мужчина действительно пришел на встречу, а вот его визави опаздывали. А среди тех немногих обстоятельств, которые в этой жизни заставляли мужчину нервничать, была именно непунктуальность. Он был убежден, что в делах «палочки должны быть попендикулярны», а посему всегда злился, когда опаздывали к нему, и еще больше – когда опаздывал он сам. Часы над стойкой бара показывали 22:50. Встреча должна была начаться десять минут назад, и настроения это не улучшало. Тем более что он специально назначил на «неровное» время, дабы проверить точность своих собеседников.

Накануне ему позвонил старый деловой приятель по известному только троим-четверым номеру и попросил об одной услуге. Услуга эта состояла в том, чтобы в течение двух академических часов дать консультацию по вопросам обеспечения информационной безопасности бизнеса. Это если выразаться красиво и нейтрально. А на самом деле нужно было за полтора часа рассказать двум незнакомым любознательным парням про некоторые особенности проведения кое-каких специальных технических мероприятий из ОРД.

Необходимо заметить, что подобный короткий импровизированный семинар оплачивался как выступление поп-звезды среднего калибра в дорогом ночном клубе. С той лишь разницей, что «попы», они с коллективами приезжают, а в его деле «третий – лишний».

Время от времени мужчина не отклонял подобные предложения. Потому как, если будешь иметь сто друзей – будешь иметь сто рублей. Думал ли он при этом о том, что раскрывает некоторые секреты родины? В принципе, о том, что он довольно цинично нарушает служебную тайну, мужчина, конечно, знал, но такие мелочи его взволновать не могли – у него на одном только рабочем столе этих самых секретов было, как на гуталиновой фабрике гуталину.

Последние два года мужчина занимал такую должность, на которой через предусмотренный в положении о службе срок на его погоны с двумя просветами упадет еще по одной большой звезде, и тогда он станет настоящим полковником. Руководить серьезными коллек-

тивами он умел, «политику партии» чуял. Он отлично знал, что если реальность с последней расходится, то... тем хуже для реальности. Фактически им руководил даже не начальник его управления, а некто из высоко. А для высоко было аксиомой, что если факты не сдаются, то их побеждают. Немудреная алгебра, не правда ли? При этом их подразделение отправляло за решетку не только мелочь, но и... Словом, того, кого надо. А самая сокровенная мечта была в том, чтобы жулики жуликовали только там, где им бы (в данном случае, естественно, ему и К°, а не жуликам) хотелось.

Кстати, после полковника его собирались на пару лет поставить начальником областного подразделения в провинции. А некоторые губернии у нас, между прочим, поболее, чем некоторые страны в Европе. А оттуда уже и до лампасов недалеко. А где лампасы, там и Москва. А где Москва, там и Кремль. Такая вот своего рода Пулицеровская премия...

Козырев гусарским жестом оставил в кожаной книжечке-счете двадцать рублей чаевых и не самой твердой походкой направился к выходу. В дверях он притормозил, пропуская внутрь двух стильно, хотя и разношерстно одетых уже не вьюношей, но мужей. Первый, повыше ростом, был в черной байкерской куртке с гоночными нашивками, начиная с «Курт Кобейн жив» и заканчивая слоганом десанта США «Рожденные в небе». Второй был в холщовом мятом костюме и в туфлях с острыми носами. Даже Паша, который слабо ориентировался в ценниках недоступных шмоточных магазинов, с ходу прикинул, что такие ботиночки стоят долларов под четыреста.

Выйдя на улицу, через витринное стекло Паша увидел, как эти двое напрямик направились к столику посетителя с ноутбуком. «Похоже, на этот раз дедукция меня подвела, – автоматически отметил Козырев. – „Манерный дядька“ подждал вовсе не барышню, а эту сладкую парочку. Интересно, что между ними общего?.. Может, они педики?..»

Это предположение, кстати сказать ничем не обоснованное, его почему-то очень развеселило. Довольный собой, он перешел дорогу и неторопливо двинулся в сторону «Петроградской». Если бы в этот момент Паша мог предположить, что в относительно недалеком будущем сия троица станет причиной если не судьбоносных, то, по крайней мере, весьма крутых перемен в его жизни, он наверняка постарался бы не просто задержаться в этом ресторане, но и попытаться уловить содержание их беседы. Но, увы! Предугадать нам не дано, чем их слова нам отольются...

«Ученики» зашли в ресторан с опозданием на пятнадцать минут, но при этом никаких признаков торопливости не обнаруживали. Обоим на вид было слегка за тридцать. Выглядели и держались уверенно. Пока они подходили, «белогвардеец» распрямился в своем уютном кресле-стуле, резким движением двумя большими пальцами чуть заправил на спине рубашку и, так же как и Козырев, отметил для себя, что с модой во времени парни не промахнулись: одеты стильно, со вкусом, хотя и по-разному. Даже ботиночки за четыреста долларов не ускользнули от его профессионального взгляда. Но ведь дороже, согласитесь, и не надо – чай, не депутаты Госдумы.

– Рады знакомству, – за двоих поприветствовал тот, что был в байкерской куртке, и подвинул к себе стул. Рук они друг другу, разумеется, не протянули.

Здесь «разумеется», так как есть определенная условность в некоторой вежливости, которая исходит к дремучим законам хрущевского искоренения преступности под ноль. В самом деле: подашь соспеху случайному знакомцу лапу, а паренек-то «дырявый»! Или – подашь пятерню, а через час его, собеседника дорогого, валить. Нелогично ведь!

Вместо ответа «белогвардеец» немного театрально, с юмором, как в немом фильме, вскинул запястье с часами, чтобы укорить в опоздании.

– Не по государственной зарплате хронометр, а? – присаживаясь, не совсем верно отреагировал один из подошедших на блеснувший швейцарский «Лонжин».

– А зовут меня Павел Андреевич, – на ходу придумал себе имя и отчество «учитель». – И четверть времени, за которое мне заплатили, уже прошла. Поэтому если вы хотите поговорить со мной о проблемах декларирования чиновничеством своих подспудных творческих активов, то я готов к жесткому диспуту, но... По «лонжиновской» таксе. Вас семантика моей речи не смущает?

– О'кей, – улыбнулся тот, что в мятом костюме, понимая, что мужику палец в рот не клади, а клади деньги, и в руку.

– Да, кстати, а у вас что, «командирские»?

– Ладно, ладно! Торопились мы. Честное бойскаутское! – примирительным жестом поднял перед собой обе руки знаток дорогих часов. – Меня Эдик зовут, а этого легионера пампасов – Стас.

– Как вас звать, хлопцы, мне, в принципе, неважно. А вот вы имена свои настоящие зря называете, уж поверьте. Предлагаю такой вариант: никто имен друг друга более не называет. Звать вас я буду мистер Серый и мистер Чёрный. Не согласны?.. На-пле-вать, – спокойно и без оскорбляющего вызова произнес «учитель».

– А с чего это мы с порога и бешеные¹? – поинтересовался Стас, улыбнувшись.

– Хорошо – не бешеные... – отмахнулся тот. – Но ведь псы?

Эдик не очень понял, но для него это было неважным. Зато он чуть было не вспыхнул из-за иного: только сейчас до него дошло, что фраза за «командирские» часы могла намекать на их принадлежность к органам. В принципе, так часто бывает, когда люди говорят на одном языке.

Стас посмотрел на официантку, и та мгновенно подошла к их столику.

– Три эспрессо и спички принеси, – сказал он ей, при этом разжевывая сказанное руками так, что его понял бы и китаец.

– Три? – все равно переспросила девушка в переднике с ацтекским узором. Похоже, движения его тела ее запутали.

– Дос – по-испански – это два. А трэс – три. Это три коротких эспрессо, – сыронизировал Стас.

К его удивлению, девушка не растерялась, а, улыбнувшись, ответила бодро, отдав честь:

– Пасаремос! – и ушла за заказом.

Конечно, для официантки это было не слишком уместно, но настроение посетителей она почувствовала правильно, поэтому получилось в тему.

– Хороший человек, – заискрились глаза у Стаса.

– Конечно! – раскатисто поперхнулся «ничем» Эдик и намного тише, как сплюнул в сторону: – Небось уже трехлитровую банку спермы слотнула!..

Стас зло отвернул лицо.

– Итак: попробуйте четко сформулировать суть интересующих вас вопросов, – недовольно начал Специалист, обращаясь к Эдуарду.

Произнося эту фразу, он подумал, что мистер Серый вряд ли окончил школу с углубленным изучением испанского языка, но, скорее всего, много путешествовал, а потому внимателен и отчасти романтичен.

Стас улыбнулся и, чтобы немного снять возникшую напряженность, рассказал анекдот: «Рыбак достает из банки червяка, а тот и говорит: „Мужик, ты очень резко не подсекай, а то уши закладывает!“»

---

¹ Мистер Серый и мистер Чёрный – персонажи фильма Квентина Тарантино «Бешеные псы».

«Учитель» искренне рассмеялся:

– Смешно!..

Ухмыльнувшись еще раз, он прогнал историю с червяком через себя, чтобы лучше запомнить. Завтра вечером он расскажет этот анекдот своему знакомому сенатору из Сов-Феда и поднимет его настроение.

– Слушаю.

– Да случилась тут у нас... канитель одна... Короче, тему настроили, как в Большом театре арфу. Неделю шлифовали. Сам сын турецкоподданного лучше бы не выстроился. Главное, оригинально было... – чуть туманно, но уже по существу заговорил Эдик.

– Ну, никто подробностей знать не мог! – язвительно подхватил Павел Андреевич.

– Если только третий глаз у кого из красных не открылся... – продолжил рассуждать Эдик.

– В общем, деньги мы потеряли большие, – подытожил Стас, немного сетуя прилагательным «большие». – Флики знали, где собаке порыться. «Слушали» нас.

– Не может быть! – «ахнул» Павел Андреевич. Его слова прозвучали почти насмешливо, и в другой ситуации после таких интонаций вечер легко мог перестать быть расслабленным.

– Короче, козу nostru останавливать не будем, но повторения мы не хотим. Отсюда вопрос – как работаете вы? – Эдик очень постарался не обратить внимание на иронию.

Специалист окончательно убедился, что ему не послышалось: Стас, то есть мистер Серый, действительно говорил с акцентом: то ли Прибалтика, то ли вообще Пиренеи. Странно, и кожа смуглая, обветренная... Но не солярий – точно. К «несолярию» добавлялась скрытая внутри этого человека пружина вкупе со способностью ударить, уловив отражение врага в немой витрине.

– Если я правильно понял, вас интересует, какие именно оперативно-технические мероприятия возможно осуществить в целях контроля общения? А также методика их выполнения и приемы ухода от такого рода наблюдения? Правильно? – вслух произнес он.

– Слушайте, ваше превосходительство, – огрызнулся Эдик, давая понять, что знает, откуда взялось имя «Павел Андреевич». – Мы в школу абвера «Рига-два-два» опоздали, а из уругвайской контрразведки наши анкеты вернули почтой – ценз образовательный не прошли наши аттестаты колхозные. Посему давайте ближе к народу выражаться.

– Это мы-то с тобой народ? М-да... – прикуривая от фирменных спичек редкий «Житан», поднял брови Стас.

А Эдик добавил:

– Полосатые курсанты к началу занятий по информационной подготовке готовы!

– Ну, до «тигров» дело не дойдет, – поморщился Стас, подразумевая полосатую черно-серую робу особо опасных рецидивистов в лагерях.

Специалист «разбудил» ноутбук. Пока техника просыпалась, он уловил, что и Стас неплохо осведомлен о нюансах лагерной жизни РФ. «А что сиженый, вроде не похоже...» – удивился «учитель». Он достал несколько бумаг из своей папки, положив их перед собой текстом вниз, и, вздохнув, приступил к лекции:

– Интересные вы пассажиры, говоря вашими ассоциациями. Да, пометьте себе на ум, чтобы не забыть: может, в вашем коллективе «стук-постук» – дятел появился? Если так, то найдем и его, правда, это очень дорого. Но – как это у классика? – «Начнем, пожалуй». Спецслужбы, не побоюсь модной терминологии, сегодня могут не все, но очень многое. Для одних это хорошо, для других – не очень. Марксизм! В конечном итоге все зависит от степени технической оснащенности, степени заинтересованности и банального человеческого фактора. Без последнего, кстати, никуда. Сколько великих замыслов было загублено (а сколько бездарных спасено!) рядовыми исполнителями. Это закон жизни: «Догова-

риваться нужно не с генералом, а с прапорщиком. А в идеале – с обоими». Но принципиально все начинается одинаково: любые мероприятия кто-то сначала инициирует, потом их санкционируют, ну а потом исполняют. Здесь, я надеюсь, понятно?

Стас и Эдик синхронно кивнули. Лица их при этом сделались спокойными и серьезными.

– Ну а раз понятно, пойдем дальше. Примите как данность: если неглупый оперативник будет вести вашу разработку и будет знать, какими возможностями обладает техническая служба его ведомства, то найти типовой бланк задания, заполнить его без грамматических ошибок и украсить необходимыми автографами у него получится, если не с первого, так со второго раза. Выглядеть это будет примерно так...

С этими словами Специалист перевернул одну из лежащих перед ним бумаг.

– Можете ознакомиться для общего развития. Потому как на бином Ньютона все равно не тянет.

Пока слушатели рассматривали заполненный непонятным «медицинским» почерком типографский бланк, в верхнем правом углу которого недвусмысленно значилось «сов. секретно», наставник продолжил:

– В принципе это все, что вам нужно знать по теории вопроса. Дальше пойдем по вещам прикладным, причем в научно-популярном ключе. Квантовая физика, она ведь тоже – два тома по двести пятьдесят страниц для начинающих. Но если интересно рассказывать, то часика за полтора, в чем там проблема, объяснить можно... А посему делаем ударение на словосочетании «технические возможности». Запомните: слушать вас можно по-разному, и принципиально ничего подделать с этим вы все равно не сможете. Отсюда ваша задача: во-первых, помнить об этом, а во-вторых, научиться с этим жить. Жить хотите?

Последней фразой он вскинулся и, не надеясь на ответ, продолжил:

– Для примера: не стоит в общественном месте пытаться разглядеть направленный микрофон – у них удаление до пятидесяти метров, так что все равно не увидите. Нужно просто всегда думать, что он есть и батарейки в нем отнюдь не севшие, поэтому пишет он четко. А коли так, то за речью своей надо следить и по возможности разговаривать образами, ассоциациями личными, словом, так, чтобы смысл до конца понимали только вы и ваш собеседник... Идем дальше: в полевых условиях «кафе – улица» ваш разговор может слышать сотрудник наружного наблюдения. Увидеть наружку можно, но это другая история и разговор отдельный. Если стоит задача полного контроля, то радиомикрофоны ухитряются прикрепить и на одежду, и в машину. Или устанавливают стационарные в квартире. Последние, кстати, лучше всего по качеству. Они, как правило, дают неплохие результаты, но при этом очень трудоемкие и зависят от массы частных случаев, так что используют их редко, только по особым случаям...

– А для нас каждый такой случай в России – особый, – вставил Стас.

– А вот комментировать меня не нужно! – огрызнулся Специалист.

Он видел, что ребята не из пугливых, но своими репликами они его отвлекали. Глотнув кофе, «учитель» агрессивно продолжил:

– А что касается географического места Русь... В Неметчине я вам также не советую на всю ивановскую кричать. Тем более что демократия и коза ностра у них сочетание довольно сомнительное. Продолжим... Никогда не говорите «прослушка» и «слежка». Вы джентльмены удачи или журналисты?! Запомните, есть мероприятие «двойка», или ПТП². Не забывайте, как расшифровывается ПТП, – просто ПТП. Ферштейн?

– ДТП... ПТП... – поразмышлял вслух мистер Чёрный, скрипнув кожей щегольской куртки.

---

² ПТП – прослушивание телефонных переговоров.

– Основной принцип всех разведок мира: ноль информации всегда лучше, нежели ложь. Лжи надо учиться, ложь можно распутать. Самое страшное оружие – молчание. Я бы его вообще запретил в эфире специальным указом.

– Это как в прокуратуре пятьдесят первая статья? – с ухмылкой понял Эдик.

– А ты что, людей убивать собрался? – конкретизировал Спец.

– Да Господь с вами!

– Тогда видь разницу: есть прокурорские подследственности, а есть ментовские. Я это говорю не для того, чтобы цепляться, а для того, чтобы вы слышали нюансы. Нюансы – это бахрома. Именно в ней все и всегда путаются. Вам не надо знать тонкости. Знайте одно: прослушать можно все и всех.

– Даже вашего Путина? – оживился Стас.

– Естественно. Теоретически и его. У него ведь «Билайн». Но ни мне, ни вам это не грозит. И слава богу! Итак: считайте, что априори вас слушают всегда и по любому телефону. Теперь внимание! При деловых разговорах называйте себя прозвищами других людей, а героям второго плана давайте свои прозвища. У вас есть дольщик, который косноязычно говорит? Тогда назовите его, скажем, «филолог», а местом его работы пускай будет не торговый центр, как есть на самом деле, а Университетская набережная. Таким образом, кто-нибудь, распутывая бахрому, подумает, что ваш компаньон окончил филологический факультет ЛГУ, что на той самой набережной. Но, честно говоря, это не мудрено. А вот найти настоящего выпускника, замазанного в криминале, да создать из него свою матрицу, да поместить в свой мир, чтобы навести на ложную цель... У-у!.. – Специалист заворуженно ухнул. – Но это уже и не наш департамент, а ПГУ.

– В смысле: ГПУ? – неправильно расшифровал мистер Чёрный.

– В смысле: СВР, Служба внешней разведки. И еще – постарайтесь обойтись без дешевой конспирации. У нас тут одни красавцы пару лет назад на Кумарина покушение готовили. Так мало того, что на видеокамеру снимали, как он по городу катается, так еще и друг дружке на пейджер сообщения слали. Что-то типа: «„Безрукий“ обедает в „Европейской“, машина та же, смени меня, бабу хочу». А ведь это каждому молодому оперативнику известно, что псевдоним агента или объекта чаще всего может быть производным от фамилии или указывать на какую-либо особую примету. Теперь, кстати, и вы в курсе...

– Запутаемся, – серьезно заметил Эдик.

– Тогда вас стреножат. Считаете, что занимаетесь серьезным делом? Тогда считайте, что и я серьезен. Кто знает, может, и я вас когда-нибудь слушать буду.

Стас и Эдик переглянулись.

– А как вы хотели? Или, может, вы решили, что теперь мы братья? Ни хрена! Не пожалейте – выведу за амбар без сапог по мокрой росе и шлепну.

– Рахмат, – натянуто улыбнулся Эдик.

– Мы тоже кое-что умеем... – добавил Стас.

– Мэй би, только не в моей профессии... Следующее и главное: интонации разговоров на бумаге не передаются. Так что необязательно искрометно шутить. Вот, читайте, как пример...

Специалист передал каждому из них по отскерокопированной странице сводки ПТП.

секретно

экз. един.

Разослать:

Романов Н. Н.

Рыбаченко С. С.

Соколов А. А.

СВОДКА № 4 Рег. № 0332/1237с

По объекту ПТП-С-37–1676–03 за 25.04.2003

13:26:23–13:29:16 Вх. 9094354

(Леша (Л) разговаривает с Сашей (С))

Л – Ты когда приехал, в субботу?

С – Нет, э-э, в пятницу вечером, «Красной, э-э, стрелой».

Л – Ну и как столица, бурлит?

С – Да не говори, от вокзала до этого, э-э, бизнесцентра навороченного два часа перлись, пешком быстрей.

Л – Ясно. Как там партия и правительство? К нам собираются?

С – Да, рядами и колоннами с ВВП во главе.

Л – Я вчера сюжет в новостях видел – в Эрмитаже кондишены новые ставили. Ну, типа, чтоб высокие гости не вспотели.

С – И что такого? Правильно делают.

Л – Да у меня идея родилась классная: если б террористы творчески мыслили, взяли бы и закачали в эти аппараты газ какой-нибудь страшный, и, когда президенты пойдут с Пиотровским, как фыркнуло бы на весь мир.

С – Да, фэсэошники, э-э, к такому точно не готовы.

МН 0332/1237с

Копий не снимать, аннотаций не составлять

– ...Дошутились, Петросяны! – продолжил Специалист после ознакомления «мистеров» с бумагами. – Это ж на трехсотлетие было! За ними тогда с месяц ходили и чуть ли не в задницу заглядывали. Плюс ко всему у этих друзей строился дорогой магазин, и не в Коломягах за оврагом, а где-то на пути следования кортежа. Так вот, магазин, конечно, открылся, но не сразу, а месяца через два после трехсотлетия. Они, дурилки картонные, до сих пор не ведают, отчего и пожарные их драконили, и СЭС свирепствовала, и участковые молдаван выселяли, и так далее и тому подобное... Короче, жидкое дерьмо черпали большими деревянными ложками. Смешно?!

– Животики надорвали, – за двоих ответил Эдик.

Ему все больше нравилась эта «лекция», и он уже жалел о том, что по дороге в ресторан взялся подвезти до «Горьковской» двух симпатичных студенток, ждавших маршрутку на Большом проспекте. Там и ехать-то две минуты, но пока уговаривали... вот и получилось четверть часа познавательного общения в минусе.

Плавная, сбиваемая юмором и метафорами речь Специалиста, как туман, обволокла и Стаса. Он вроде бы слушал, но думал при этом о том, что этого мужика им бы тогда в Южную Африку! Как советника, а то французы в тот раз больше на выживание налегали. А ведь в этой самой Африке, где большие крокодилы, есть и огромные многомиллионные города со своим подпольным миром, оснащенным такими же техническими средствами...

– Еще момент, не под запись, – продолжал давать информацию Специалист, и после этих слов Стас «проснулся». – Трубка с сим-картой связаны, как шерочка с машерочкой. Поясняю: если есть конкретная трубка, значит, можно установить все симки, которые в нее когда-либо вставляли. То есть судьбу ее трудную поднять и развернуть.

– А можно поподробнее! – попросил Серый.

– Можно. Только вам не подробности нужны, а сам принцип и примеры яркие, чтоб в памяти остались. Иначе говоря, видно, как трубка из рук в руки ходила. Соответственно, можно определить всех ее владельцев. Их, кстати, именно так и ищут. Ну, не с краж карманных, конечно, но по серьезным преступлениям ищут и находят. По убийствам, например. Ты купил трубку в скупке, сэкономил вроде, доволен, сидишь названиваешь, а через неделю приходят два опера с выемкой: извините, мол, трубка ваша с трупа нашего, расчлененного. Вещественное доказательство – вынь да положь. Спасибо, до свидания...

– Дела! Это ж я так по двухкопеечным автоматам скоро скучать начну... – задумчиво произнес Эдик.

– Мы трубки в скупках не берем, – чуть возмутился Стас.

– Знаю – мать писала. Вот вам такой факт: в Колумбии деловые люди меняют трубки и сим-карты каждые двенадцать часов, – не останавливался Специалист. – Но мы не в Колумбии, а посему просто имейте по два телефона: один для всех, другой только для связи между вами. Номера второго никому не давайте и, если вдруг на него позвонит кто-нибудь и спросит Машу, долго не раздумывайте – выбрасывайте его в Фонтанку, целее будете...

– Вопрос у меня, Павел Андреевич, – услышав паузу, встрял Стас.

– Давай, удиви креативом... Чай будете?

– Можно и почирить, – улыбнулся Эдуард.

Он заказал черный чай с лимоном и вернулся к разговору:

– Не слышу вопроса, мистер Серый.

– А как делают так, что на местности в городе тебя находят по сотовому?

– Вроде даже в «Мегафоне» услуга такая есть для всех. «Радар» называется или «Пеленг», – вспомнил мистер Чёрный.

– «Локатор» она называется, радисты, – резко ответил Специалист. – Работает по принципу базовых станций – это вышки такие с антеннами, которые по всему городу и области понатыканы.

– И много их в Питере, например?

– У «Мегафона» уже за четыреста.

– Вопросов нет.

– А нет, значит, слушаем дальше: каждый звонок проходит через ближайшую к тебе станцию с известным адресом, и вся эта информация остается в компьютере – вот и весь секрет фирмы.

– Нормально! Да ну его к лешему, этот технический прогресс. Не телефон, а маяк за пятьсот баксов в кармане носишь! – осерчал Эдик.

Девушка принесла заказ и поставила рядом с чайником маленькие песочные часы. Песок тоненькой струйкой побежал вниз.

– Это что, типа пять минут до закрытия заведения, что ли?.. – удивился Стас.

– У Бродского есть такие строчки, если помните: «А что на свете происходит без усилий? Течение времени, Василий», – глубокомысленно продекламировал Специалист.

– Не понял, – нахмурился Эдик.

– Это фишка такая, чтобы чайник раньше времени не дергать, пока не заварится. Здорово придумали, – догадался Стас.

– Кстати, по поводу манерных трубок тоже замечание имеется. Искали мы, помню, мошенника одного серьезного: банковские вклады, левые кредиты... в общем, с высшим образованием был человек, интересно работал. Так вот, снимал он деньги по карте в банкомате, про камеру знал, а потому кепку нацепил, очки темные. Словом, ни узнать, ни опознать. Вот только один момент: пока он в очереди к банкомату стоял, по сотовому разговаривал. Это на записи очень хорошо видно было, а потом, когда он карточку-то в банкомат пихал, то трубку так в руке и держал. Так вот вторая камера, та, которая не в лицо, а на руки направ-

лена, трубку эту отчетливо запечатлела. Модель телефона была редкая, дорогая. Поэтому, когда записи подробно смотреть стали, оказалось, что в это время только три таких трубки в окрестном районе и разговаривали... Ну, дальнейшее объяснять не надо.

– И что с ним случилось? – поинтересовался Эдик.

– Сейчас анализирует теорию относительности.

– Это как?

– А так, что когда ходит, лежит, стоит, то все равно получается, что сидит, – развел руками Специалист.

– Тут вот какое дело, Андреич... Ты же понимаешь, бизнес у нас такой специфический – дальше некуда, – понизив голос, начал Эдуард. – Если кидок и жив останешься, то в ментовку заявлять не побежишь...

– Поэтому общаться приходится много. И между собой, и с людьми разными. А с вашими технологиями не то что лишнее слово сказать – лишний раз звонить не хочется, – добавил Стас.

– Ну, вы тогда на печке спали, когда мы Варшаву брали, – не смог удержаться, чтобы не съязвить, Специалист.

– А как дальше жить-то, профессор? Вас, к слову, не интересует, почему нынче опиум для народа? – вроде бы пошутил Эдик, но это был вопрос.

– Меня эти нюансы абсолютно не волнуют. А вот вы проговариваетесь и уже даете мне информацию. На данный момент – совершенно лишнюю, – отрезал Специалист.

– Извини, занесло на повороте, – поправился Эдик.

– Попробуйте для конспирации устроиться – хотя бы формально – на работу. А если Интернетом не умеете пользоваться – учитесь. Создайте по почтовому ящику и пишите туда. Примерно раз в неделю удаляйте все и создавайте снова, но с другими адресами.

– Так у нас компьютеров нет. Да и к офису будем привязаны, – засомневался Стас.

А Чёрный заржал:

– Некоторые ради денег могут пойти на все, даже устроиться на работу!

– В городе полно Интернет-кафе, большинство работают круглосуточно, вот и пользуйтесь, но к одному месту тоже не привыкайте, – объяснил Специалист, плохо сдерживая ухмылку.

– Это все хорошо, только письма – не разговор. А иногда нужно срочно перетереть и нет времени выражения выбирать? – ставил новые задачи Эдик.

– Тогда используйте чаты, их тоже навалом на любой вкус, – предложил Специалист. – Например... по собаководству. Псевдонимы себе придумайте и общайтесь. Не прямой речью конечно, но близко к тексту можно и достаточно безопасно, если только сами никому не расскажете.

– Мы что, на хакеров из ЦРУ похожи? Я и слов-то таких не знаю – «чаты», – возмутился Стас.

– А я тоже не компьютерный ликбез для вас провожу, – парировал Специалист.

Неожиданно у Эдика запиликал телефон, он ответил и через секунду переменялся в лице.

– Летчик ты кукурузный!.. – почти крикнул он в трубку. – Опять почки неправильно сработали – моча в голову ударила?!

Выслушав ответ, добавил уже спокойнее:

– Не умеешь договариваться – страдай. Но за свой счет!

После этого он сбросил звонок. Сидевший напротив Стас только ухмыльнулся – очевидно, он понял, что произошло.

– Что, красные в городе? – поинтересовался Специалист.

– Да так, парень один, с делами нам помогает... Только что права забрали за двойную сплошную, а завтра за город нужно ехать...

– У таких помощников я бы сам право на долю отобрал, – спокойно заметил Спец.

– А у тебя на примете есть нормальные парни – этой блевотиной теплой заниматься? – огрызнулся Эдик. – Нет? Тогда давай, дьявол, учи пулемету!

– Э, нет, милые мои, на сегодня все, время, оно не резиновое, – еще спокойнее ответил «учитель».

Стас посмотрел на часы. Они показывали 00:15 – время занятия действительно истекло пять минут назад. Добавил про себя: «Кое-что усвоили».

Они вместе подошли к кассе, чтобы не ожидать расчета. Специалист достал бумажник.

– Я заплачу, – сказал Эдик и протянул девушке кредитную карту «Visa». Пока та выполняла необходимые операции, Специалист тихо сказал:

– Совет в порядке бонуса: платите наличными. Карты удобны, но информативны, почти как сотовый, а вам это ни к чему.

– Спасибо, учтем, – уважительно ответил Эдик.

А Стас добавил:

– Было очень интересно познакомиться.

– И вам не скучать! – Специалист толкнул от себя входную дверь.

Когда мистер Серый с мистером Чёрным вышли на улицу со словами последнего: «Надо бы подтянуть этого чекиста на договорной основе...» – Специалист похлопал его по плечу, внезапно нарисовавшись из-за ниши около входной стеклянной двери.

Эдик не покраснел, но незаметно смутился.

– ...А напоследок небольшой постскриптум, чтобы снять напряжение. Студент хвастается перед товарищами в аудитории: «Из разного хлама собрал собственноручно отличный радиоприемник. Всю Европу ловит!» Тут неожиданно входит преподаватель, слышит это хвастовство и вставляет: «Да, и всю сразу!»

– Грамотно... – по-доброму улыбнулся Стас. – Научи, разведка!

– Тогда вам необходимо срочно бросить пить и курить, – потребовал Специалист.

– Внимание притупляется?.. – буркнул Чёрный.

– Да нет. Просто копите деньги, чтобы счет оплатить.

И они во второй раз не пожалели друг другу руки.

Ребята уселись в неверно припаркованную спортивную «тойоту»-купе, вырулили, остановив поток, и пересекли в нужном им направлении сплошную двойную.

«Если можешь так ездить, то давай...» – подумал Специалист, открывая со скрежетом дверь служебной сине-зеленой «девяносто девятой» с несуществующими номерами, которая стояла в грязном дворе за входом в ресторан.

Выезжая и пропуская поток, он поговорил по телефону. В данном случае ключевыми словами для нас были следующие: «...не в коня корм. Никто и не сомневался... Номер срисовал, секунду их телефонного разговора запомнил, чек от карты незаметно взял себе... Единственно, что радуется: эти не сдадут – ни друг друга, ни нас...»

Переключаясь со скрежетом с первой на третью скорость (вторая не втыкалась), наша персона подумала о том, что неплохо бы этого Стаса использовать. Вот только где и как... «Начнет бодаться – поднимем веки, и полный перитонит!» – решил Спец, после чего эти его мысли оборвал модный сигнал эскорта из двух блестящих машин от которого Специалист презрительно уклонился в сторону...

Выйдя из управления, он сел в новенькую «Ауди-100» и уехал в свой загородный дом с камином и кондиционером.

Глава первая

– Вам известно постановление Ученого совета? – осведомился Тоций.

– Мне, товарищ Демин, известно, что понедельник начинается в субботу, – угрюмо сказал Корнеев.

Братя Стругацкие.

Понедельник начинается в субботу

Санкт-Петербург, август 2006 года

Если и случается в Питере солнечный день, тем более день летний, когда после долгих месяцев холода и сырости замученные простудами горожане могут выйти на улицу с настроением «погодка шепчет», да к тому же суббота, то куда устремляется большинство населения? Естественно, на острова, на Елагин и Крестовский. «В ЦПКиО», как говорят те, кто, несмотря на имперские претензии Петербурга, все равно называют свой город Ленинградом. Потому что учились они в ленинградских школах, и бабушки у них жили здесь в ленинградской блокаде, а внутренне это гораздо ближе, чем «окно в Европу».

Вот и сегодня утром, обсуждая на кухне, как провести семейный выходной, Смоллов так и сказал жене и дочке:

– А давайте махнем в ЦПКиО?

Женщины долго думать не стали. Еще бы! Папка дома, да к тому же на целый день! Да раз такое дело – мы готовы хоть на матч «Зенит – Спартак» в фанатский сектор!..

Собрались быстро. Жена, даром что профессорская дочка, интеллигенция в четвертом поколении, но семь лет гарнизонной жизни, как ни крути, дисциплинируют. Из Купчино через Центр проскочили без пробок, а вот на самом Крестовском пришлось помучаться с парковкой – желающих вкусить не балующего своим вниманием питерского солнышка было хоть отбавляй. Но кто ищет – тот находит, и Смоллов с ювелирной точностью втиснул свои «Жигули» между фонарем и киоском «Роспечати». Автомобиль сиял чистотой, его пришлось помыть после того, как кто-то из коллег-шутников написал на пыльной крышке багажника: «Машина охраняется клопом-спидоносцем».

Народ в парке был разный, все разбредались по интересам: кто на яркие шумные аттракционы, кто подальше и потише, к Елагину. Дочка, конечно, сразу потащила в «Диво-Остров», на карусели.

– А тебе плохо не будет, Терешкова? – поинтересовался Смоллов, недоверчиво глядя на бешено вращающуюся во всех плоскостях капсулу.

Сам он с детства не переносил всего, что связано с поступательно-вращательными движениями. Когда сдавал экзамены в училище, думал: если на комиссии начнут на табурете раскручивать, то все – «прощайте, адмирал Нельсон»! Но тогда обошлось – снаряд был всего один на все потоки, так что его к летчикам на весь день поставили. Вот их, бедолаг, будущих истребителей-перехватчиков, тогда разгоняли!.. У-ух... Смолова и сейчас от одной только мысли об этом начинало мутить.

– Да нет, не будет... Пап, а можно мне ваты? Ну, пожалуйста, – весело улыбаясь, ответил ребенок. Ребенку было уже почти тринадцать, но ведь дети – они как деньги: какими бы большими ни были, все равно кажутся маленькими.

– Вежливость, красота и непосредственность – страшное оружие в руках маленьких принцесс, – обреченно вздохнул Смоллов и полез в карман за наличностью. – Вот, это на билет и леденцы. Беги, а мы с мамой отсюда посмотрим... Только смотри, аккуратно.

– Ну, папа!..

– Давай, давай...

С сахарной ватой на чудо техники не пустили, и Лене пришлось отдать ее на временное хранение родителям. Потом все начало раскачиваться и крутиться. Смолов успел два раза помахать в ответ дочке рукой и, не выдержав, отвернулся и закурил.

– И что ты все куришь, а? – с раздражением высказалась жена.

– Вера-а... – успокаивающе протянул Смолов.

– А что Вера, что Вера? Я уже сорок... Неважно, сколько лет Вера, а ты все дымишь и дымишь, – набирала обороты борьба за мир во всем мире.

– Вера-а-а, – с легким удивлением от неожиданно эмоционального настроения супруги, но достаточно мягко произнес Смолов.

– Нет, я просто не понимаю, что это за удовольствие такое – свое здоровье самому же и гробить?! – с непонятной решимостью выяснить это раз и навсегда, здесь и сейчас, заявила жена.

– Вера!.. – Теперь в голосе Смолова звякнули стальные нотки.

Жена внимательно, не моргая, посмотрела на него и «все поняла». После этого ей мгновенно стало безразлично само существование никотина в природе.

– Я курю, – добавил он после паузы.

Аттракцион остановился. Прибежала довольная Ленка и вернула себе лакомство. Она была совершенно не восприимчива к нагрузкам на вестибулярный аппарат. Глядя на нее, Смолов улыбнулся, испытывая в эту минуту смешанное чувство гордости и зависти.

После каруселей были еще «русские горки» и «машинки», на которых Смолов с дочерью так увлеклись взаимными преследованиями, таранами и бортами, что катались три раза подряд.

Вдоволь накричавшись и нагонявшись, они вылезли из «болидов» под мамины аплодисменты и пошли гулять в парк, куда Смолов заманил своих женщин рассказом о лебедях, которые берут булку с руки. Булочных по дороге не было, поэтому они взяли сосисок в тесте. Смолов уверил, что это то что нужно и что за такое угощение птицы обязательно исполнят им «Танец маленьких лебедей». Если Ленка, конечно, правильно напоеет мотив...

Как и предсказывал глава семейства, три лебедя благородно качались на середине водоема. Выглядели они вполне упитанными и сытыми и подплывать к берегу в ближайшее время явно не собирались.

Лена пыталась подавать птицам разные призывные знаки, по ее мнению наглядно иллюстрирующие то, как много здесь вкусной и полезной лебединой еды. Смолов же, присев на корточки у берега, с абсолютно серьезным видом раскрошил по воде в радиусе полутора метров одну сосиску с тестом и для закрепления результата начал издавать звуки, отдаленно напоминающие криканье охотничьего манка на утку.

Вера с Леной смеялись в голос. На что отец семейства невозмутимо отвечал, что звук и запах прекрасно передаются по поверхности воды, и если девушки не будут так хохотать, то лебеди обязательно проникнутся к нему родственным чувством и подплывут поближе. Но, несмотря на все приемы и уловки, птицы по-прежнему продолжали мерно раскачиваться там же, где и раньше. Энтузиазм дочери стал постепенно иссякать, и тогда Смолов решил зайти с другой стороны:

– А вы знаете, что лебедь, когда теряет подругу, поднимается высоко в небо, а потом бросается оттуда на камни и погибает?

– А почему он так делает? Разве ему не больно? – задала вполне естественный вопрос Лена.

– Конечно, больно. Просто одному, без нее, ему еще больнее, – задумчиво ответил Смолов.

– А разве других красавиц-лебедушек вокруг нет? – искоса взглянула на него жена.

– Эх, Вера, Вера!.. Вот сколько живем с тобой, а ты все не понимаешь разницу между одной и остальными, – вздохнул Смолов.

– Почему же они не возьмут и не улетят отсюда? Туда, где им хорошо? – спросила дочь.

– Так им, Ленка, крылья подрезают, чтобы много о себе не думали... – ответил Смолов, улыбнувшись, чтобы спрятать грусть.

Наконец царь-птицы словно почувствовали, что на берегу говорят о них, и, похоже, это пробудило в них гораздо больший интерес, нежели намокшая булка. Лебеди развернулись и стройным флагманским маршем направились туда, где стояли Смолов с семьей. Через минуту они уже подбирали с поверхности воды разбросанную провизию и ловили клювом подброшенные кусочки хлеба.

Лена взяла самый, по ее мнению, лакомый кусочек и смело вытянула руку вперед. Одна из птиц, оценив гастрономические прелести предложенного угощения, целенаправленно двинулась к ней. Ленка затаила дыхание... и в этот момент пустая пивная бутылка с брызгами врезалась в воду. Напуганные лебеди кинулись врассыпную. За спиной Смолова раздалось довольное ржание.

Он медленно развернулся. Развернулся неохотно, так как все остальное должно было быть вполне банально и предсказуемо.

Чуть позади стояли трое парней лет эдак по двадцать пять. Двое держали в руках недопитое «Петровское». Третий, судя по всему, допил. Весело им было одинаково, а общее состояние близилось к обманчивому чувству стайки и безнаказанности. «Как это все всегда типично, – посетовал про себя Смолов. – Типично и вечно. Похоже, мир не изменить».

– Парни, так вы в людей попытайтесь пошвырять, – нехорошо прищурился Смолов и сделал шаг навстречу троице.

– Витя, может, пойдём? – скорее для приличия сказала Вера, зная характер главы семейства. Она была не из тех жен, которые во время драки виснут на руках у мужей. Лена же смотрела на отца, широко раскрыв глаза.

– Чего тебе, дядя? – нагло сказал один из парней, тем самым обнаружив себя как цель, по которой надо бить в первую очередь.

– Ничего особенного. Просто я здесь с дочкой гуляю. Не мешаю?

– Мне – нет, – безразлично ответил один.

– Гуляешь? Вот и гуляй дальше! – отправил его второй.

– Я ждал хамства, и я его получил, – с неприятным чувством вздохнул Смолов.

– Дядя, ты пользуешься тем, что с ребенком? – пригрозил первый и подошел ближе.

– Блин, сколько раз я видел подобное в дешевых фильмах... – тихо произнес Смолов, а затем более громко развил свою мысль: – У тебя, красавец, есть несколько вариантов. Первый: ты бьешь меня бутылкой по голове. Я падаю. Умираю. Тебя судят. Ты раскаиваешься. Выходишь лет так через пятнадцать, еще большим дебилом, чем сейчас. Второй: ты пытаешься ударить меня бутылкой по голове. Я ломаю тебе руку. Ты орешь. Бежишь в травму. Со мной разбирается участковый. Я получаю гемморой.

Смолов проговорил это спокойно, но жестко, глядя парню прямо в глаза.

– Отец, ну че нам теперь, в воду нырять? – примирительно извинился второй.

– Я этого не сказал. – Смолов захотел улыбнуться, но сдержался.

– Лады, эти мы до урны донесем...

– Ребята, спасибо за понимание, – сказал Смолов и отвернулся.

Единственное, чего он сейчас опасался, так это демонстративного броска бутылки в воду. Типа: «Ну, че!» Однако этого не произошло. Парень вернулся к своим и, оправдываясь, шепотом пояснил: «А ты глаза его видел?! Окажется „морским котиком“ каким-нибудь. В натуре руки с ногами местами поменяет...»

– Мой папка – герой! – восхищенно повисла на шее отца Ленка.

– Странно, что на этот раз обошлось без кровопролития, – скептически заметила Вера. На самом деле в этот момент ей было чертовски приятно, как было бы приятно любой нормальной женщине, рядом с которой оказался такой мужчина.

К тому времени лебеди вернулись туда, откуда их с таким трудом получилось выманить. Похоже, для них это был предел удаления и уединения.

– Лен, если сделать замечание хаму – героизм... – скривился Смолов.

– Может, они вернуться? – с надеждой спросила Лена, подразумевая, естественно, не парней с пивом, а лебедей.

– Это благородные птицы. Они не выносят хамства и скотства. Так что, может быть, в другой раз, – сказал Смолов.

Болтая, они дошли до Гребного канала, на котором уже тренировались спортсмены на байдарках и каноэ. Те на скорости разрезали воду и, казалось, скользили без всякого напряжения. Смотреть на них было приятно. Чуть в стороне, совсем на других скоростях и эмоциях, слегка зигзагообразно, но уверенно и шумно по отношению к цели, по каналу двигался шестивесельный ял, как опытным глазом определил Смолов. Когда-то в училище он сам ходил на таких, отрабатывая простейшие команды и приемы.

Экипаж яла составляли семеро молодых ребят в одинаковых синих форменных куртках и пожилой мужчина в черной выцветшей военно-морской форме с погонами кап-два. Целью их виляющего курса нетрудно вычислялся магазин «Продукты», расположенный на берегу канала. Достигнув берега, те, которые сидели спереди, спрыгнули на берег и втащили нос посуды на песок. Далее было видно, как весь экипаж, за исключением кап-два, сбрасывается и двое «гонцов» устремляются к дверям магазина.

Смолов не смог сдержать улыбки. Ему стало интересно, что это за «варяги».

– А может, по мороженому треснем? – как бы между прочим предложил он. – Вон и магазин как раз рядом.

– Я буду трубочку и замороженный сок, – высказала свои предпочтения Лена.

– Вот. – Смолов протянул дочери деньги. – Сходите с мамой и купите.

– А ты чего? – недоверчиво спросила Вера.

– А я тут покурю.

Жена вздохнула и пошла с Леной в магазин за мороженым.

Смолов закурил и не спеша приблизился к ялу.

– Бог в помощь! – обратился он к кап-два.

– И вам доброго здоровья! – в тон отвечивал мореман.

– Позвольте полюбопытствовать: порт приписки?... – спросил Смолов с видом коллекционера в антикварном салоне.

– Учебная база Санкт-Петербургского государственного морского технического университета. В народе – Корабелки. – Ответ прозвучал четко, как рапорт.

– А экипаж? – не унимался Смолов.

– Военная кафедра, студенты, четвертый курс, – объяснил кап-два.

– Капитан третьего ранга в отставке Смолов Виктор Васильевич, Северный флот.

– Кап-два, отставной, Якшин Сергей Михалыч, балтиец, – протянул руку капитан яла, вставая.

– Курить будете? – предложил сигареты Смолов.

– А чего ж не покурить? Спасибо, свои у меня. – Якшин достал пачку «Примы», продул папиросу и прикурил от зажигалки Смолова.

– И как на преподавательской?... – спросил Смолов после того, как оба со вкусом выпустили дым в небо.

– Ну, не так страшен пирс, как к нему швартуют.

– А корабли, как братья, похожи друг на друга только внешне.

Оба заулыбались старым флотским шуткам.

– Я после училища на Северный распределился, в Гаджиево, командиром БЧ-4 на подлодку, – начал рассказывать Смолов. – Жену с собой потащил после педагогического, дочка там родилась, вон они, на мосту эскимо трескают... Потом перестройка. Союз развалился, а чем меньше внешняя военная угроза для страны, тем в большей опасности находится флот и жизнь его кораблей. Деньги, понятное дело, не платили месяцами, снабжения никакого, да и походы прекратились – все в базах стояли... Нет, нищеты, конечно, не было, но бедность была. А тут еще дочка заболела: бронхит, лекарств нет, врачи говорят, мол, воздух другой нужен, сосны там разные, а у родителей жены как раз дача в Комарово. В общем, выбор не большой, но понятный. Уволился, переехали. Ничего, живем. Почти не жалею, вот только море... снится.

– Да, море, оно не отпускает, – задумчиво согласился кап-два. – Что же до остального... Это как у Дюма, помнишь? «Короли приходят и уходят – Франция остается». Хотя... Вон недавно отдали часть русла Амура китайцам. Слышал?

Смолов хмуро кивнул.

– Там на Даманском столько парней зазря полегло! А теперь – берите даром, нам ни к чему! Скотство это самое натуральное, обкрученное в высший дипломатический смысл!.. Дело ведь не в километре каменного берега. Брестская крепость тоже никакого смысла не имела и немцев ни на час не задержала. Но стала символом и этим стране помогла!

– Когда-нибудь мы вспомним это, и не поверится самим, – убежденно сказал Смолов.

Они могли поговорить еще о многом: о «стальных гробах адмирала Деница», шифровальной машине «Энигма», торпедных атаках на «Тирпитц», тайных высадках лодок в Южной Америке в июне 1945 года. Но Вера на мосту уже начинала проявлять явные признаки беспокойства: в самом деле, пошел отдыхать с семьей, а уже полчаса как разговаривает непонятно с кем, а жена с дочкой должны умирать от скуки. «Господи, укрепи и дай мне сил!» – подумал Смолов и стал прощаться:

– Было очень приятно познакомиться и поговорить. Но нужно идти, семья... Семь футов...

– И тебе удачи, акустик, – пожелал Якшин и пожал руку.

Смолов поднялся на мост. То, что сейчас произойдет, он, в принципе, знал. Другое дело, что семнадцать лет назад он не знал, что, смирившись с этим один раз, ему придется терпеть это всю оставшуюся жизнь.

Вера начала вполне предсказуемо:

– Смолов, ну вот что ты за человек, а? Один раз за полгода соберешься со мной и дочерью в люди выйти, так тебя все равно куда-то несет!.. И почему это мы должны тут стоять и ждать, пока ты наговоришься с очередным боцманом?!

Смолов меньше всего хотел сейчас ругаться и выяснять отношения. Впрочем, он никогда этого не хотел. Со всеми другими он мог вести себя по-другому. А с Верой нет! Хотя, может, и стоило. Но он не мог. Наверное, потому, что любил ее и знал, что если ответить ей жестко, то она разревется. А потом пройдут две-три минуты, и он начнет себя винить и просить прощения, как мальчишка.

...«Посмотрите на эти лица! Все это опытные моряки!» – вдруг неожиданно и громко прозвучала голосом Олега Борисова фраза Джона Сильвера из телефильма «Остров сокровищ». Вера вздрогнула, Ленка рассмеялась.

Смолов достал свой сотовый и ответил на звонок:

– Слушаю... Здорово, Иваныч. Чего стряслось?.. Ну, понятно... Так, а мы каким местом?.. Справедливо... Ладно, в течение часа буду... Нет, ребятам я сам позвоню... Все, давай...

– Извини, мне нужно ехать, – сказал он Вере, потрепал по затылку дочку, улыбнулся и пошел к машине.

Вера посмотрела ему вслед. Она видела, как, уходя, муж позвонил кому-то, произнес несколько фраз, после чего убрал телефон в карман и зашагал быстрее.

* * *

– ...Ой, девки, мне так хреново после вчерашнего!.. Представляете, утром Димон за мной заехал, в тачке сразу полез целоваться – так меня чуть не вырвало! – простонала платиновая блондинка Майя, пятнистая кожа которой свидетельствовала о неумелом наложении искусственного загара.

– А я ведь тебе говорила: когда за стойкой Дэн, абсент у него лучше не брать, – лениво посочувствовала раскинувшаяся в шезлонге грудастая девица. Кажется, ее звали Эльвирой. – Мне Костик-секьюрити по секрету рассказывал, что Дэн абсент дома бодряжит, а потом в баре в бутылки из-под настоящего переливает.

– Интересно, как это можно дома забодяжить абсент? – полюбопытствовала Лиза, чей прадедушка в свое время был известным поэтом-песенником, автором либретто к кантате «Красные авиаторы». Это в наши дни ее с трудом припомнят даже люди преклонного возраста, а вот в тридцатые годы незамысловатые строчки: «Кразнозвездный истребитель, / Пролетая над Кремлем, / Нет, вы только поглядите! / Машет Сталину крылом!» – распевала хором вся страна. За этот свой опус прадедушка был удостоен Сталинской премии и персональной дачи в Солнечном. Собственно, на веранде этой самой дачи сейчас и разворачивалась столь содержательная дискуссия.

– Да там, блин, такой прикол. Прикинь, оказывается, всего-навсего надо смешать сироп «Доктор Мом» с медицинским спиртом. Получается такая бурдень, которую ни по цвету, ни по запаху, ни по крепости от абсента не отличишь. Тем более в коктейле.

– А чего ж охрана клуба молчит, если знает?

– Так они с Дэном в пополаме. Прикинь, какие лавэ можно делать, если бутылка абсента в «Опиуме» под сотку баксов стоит?

– Да не была я вчера в «Опиуме»! И абсент не пила! – проскрипела Майя. – Мы с Димоном в FC Lounge ходили. Это меня, наверное, от фуа-гра так мутит...

– А от нее что, у женщин тоже бывают побочные эффекты?

– Дура ты, Лизка, – захохотала Эльвира. – Не виагра, а фуа-гра – французский деликатес такой. Хотя на самом деле просто пахнет из гусяной печени. Знаешь, как настоящий фуа-гра делают? Берут гуся и насильно перекармливают, набивая ему в зоб кукурузные зерна. От гниения остатков неусвоенного зерна у гуся образуется болезнь, от которой его печень увеличивается в несколько раз. Потом...

– Фу, гадость какая! – поморщилась Лиза.

– Эта, с твоего позволения, гадость, между прочим, стоит под штуку за порцию.

– Если абсент в России готовится из смеси лекарства от кашля и спирта, боюсь, что этого несчастного гуся довели до болезни тоже отнюдь не кукурузными зернами, – скептически заметила доселе молчавшая Катя. – И вообще: гусь ли это был?..

– Девки, перестаньте! А то меня сейчас и правда вырвет! – взмолилась Майя.

– А тебе, Майка, если действительно траванулась, это сейчас как раз самое то, – назидательно сказала Эльвира. – Ты вон «бифитрика» стаканчик без закуски дерни и сразу «верблюдика» в затылок пыхни – через пару минут точно блеванешь, гарантирую.

– Да не могу я! Ни пить, ни курить... Просто смотреть на выпивку не могу!

– Тогда остается последнее народное средство – два пальца в рот, и вперед.

– Не, – скривившись, замотала головой Майя. – Сама себе... Не, не буду.

– А ты Диму попроси, пусть он опять поцелует. Или сам пальцы в рот тебе засунет, свои, – как вариант предложила Аня.

– А еще лучше, пусть он тебе в рот кое-что другое засунет! – немедленно подхватила Эльвира. – А чего? Он у него большой. Да и тебе, наверное, так привычной будет.

Все девицы, за исключением Кати, дружно захохотали. Даже «хворая» Майя, которой эта идея, похоже, показалась не лишенной здравого смысла.

Поморщившись, Катя вытащила из лежащей на столике пачки «Кэмела» сигарету, прикурила и направилась к выходу.

– Кать, ты куда?

– Пойду прогуляюсь.

– Смотри, сейчас мальчишки вернутся, шашлык привезут.

– Ничего, можете начинать без меня.

– А если Виталик будет интересоваться, где тебя искать?

– Скажите, на залив пошла.

– Ну-ну... – усмехнулась Эльвира и, дождавшись, пока Катя удалится на достаточное расстояние, добавила, обращаясь к «своим»: – А понтов-то, понтов! Ишь, выделяется! Типа, запахло ей с нами, дурами, общаться. Главное, с какого такого перепугу у нее понты?... Честное слово, девки, вот не вкуриваю я, чего в ней Виталя нашел?

– Это точно, – поддержала подругу Аня. – Положим, личико еще ничего, но фигура... Смотри, какие плечи широченные! А руки!

– Так она же спортсменка, Лесгафта закончила. Вроде как даже кандидат в мастера спорта по стрельбе. Из лука, – проявила свою осведомленность Майя.

– Во-во, разве что из лука. Глазками-то она ни фиги не попадет... Эх, бедный Виталя, намается он с ней. Но, с другой стороны, сам виноват – вечно ему хочется чего-то экзотического попробовать.

– Ага, «попробовать», как же! Он мне недавно по пьяни все плакался: мол, уже столько времени знакомы, а она ему до сих пор ни разу не дала. Прикинь?

– Ну, девки, тогда я вообще ни хрена не понимаю! – возмущенно нахмурила брови Эльвира.

И надо сказать, что в данном случае ее возмущение было абсолютно искренним...

От академической дачи до залива, если напрямки, метров сто, не больше. Но продирается сквозь заросли Кате не хотелось, поэтому она дала небольшого кругаля и минут через пять, брезгливо обогнув все чаще встречающиеся в этих краях стихийные свалки мусора, вышла к большой воде. Народу на пляже практически не было, хотя, казалось бы, в такую погоду дачники и праздные гуляки должны валить к морю валом. Конечно, назвать Финский залив морем можно только с большой натяжкой, но ничего не поделаешь – другого моря у питерцев все равно нет...

По шуршащей гальке Катя подошла к самой кромке воды. Подошла так близко, что отдельные, самые нахальные волны касались ее ног, норовя забраться в кроссовки. Немного поразмышляв, в какую сторону направиться, она автоматически побрела на восток и через пару секунд усмехнулась, сообразив, что на подсознательном уровне ее, дитя города, все равно тянет в сторону большой цивилизации. В качестве ориентира Катя выбрала уходящую в залив гряду, не спеша добрела до нее и по скользким камням, предельно осторожно, доскакала до самого большого валуна, покрытого грязно-зеленой подушкой водорослей. Здесь она опустила на влажный камень, обхватила колени руками и, закрыв глаза, подставила лицо под припекающее летнее солнышко.

Переполнявшие Катерину эмоции были вполне искренними. Такими же, как и у «кажется Эльвиры». Она корила себя за то, что позволила поддаться уговорам

Виталия, купившись на ключевые слова «море» и «воздух». Но по приезде выяснилось, что никакой прогулки на залив не намечалось вовсе. А намечалась самая обыкновенная пьянка на прокуренной веранде элитной дачи в компании малознакомых и малоинтересных отпрысков, которых с каких-то непонятных фигов в наши дни принято причислять к так называемой «золотой молодежи». Катя была девушкой начитанной и знала, что этот термин появился еще в девятнадцатом веке. Однако тогда под ним подразумевались исключительно образованные и эстетически воспитанные юноши и девушки высокой нравственности. Съехавшиеся же нынче на дачу гости, все эти «внуки и внучки Соловьевых-Седых, Лаппо-Данилевских и Преображенских», к таковым явно не относились. От вулканической энергии их предков осталось разве что самомнение, что они – внуки. Плюс, естественно, амбиции. О, это да! Эти были вполне сравнимы с метровым членом. Тот ведь тоже: с одной стороны – впечатляет, но с другой – абсолютно бесполезен. (Здесь Катя снова усмехнулась, подумав, что такое сравнение «дачным» девицам, безусловно, пришлось бы по вкусу.) Безусловно, все они: Виталик, Димон, Аня, «кажется Эльвира» и прочие – были достаточно образованными личностями. Еще бы! Чай, не на чтецов-декламаторов в Институте культуры учились, а на юристов и менеджеров. Одна беда – осваивая эти трудные и востребованные ныне профессии, все они довольно плохо представляли, каким образом и откуда, кроме как от родителей, появляются деньги.

Катя очень смеялась, когда недавно по телевизору услышала, как какой-то депутат, скорее всего, папаша одного из таких же отпрысков, на полном серьезе заявил, что «золотая молодежь» нам очень нужна и важна. Мол, это (ни много ни мало!) будущий мыслящий класс России. Но в отличие от всех этих ребятков, сама Катерина по долгу службы неплохо разбиралась в теории происхождения капиталов в постсоветской России. Поэтому особых иллюзий на счет «золотой молодежи», в отличие от депутата, она не питала. Ибо, как говаривал ее шеф, капитан Смоллет: «Хошь не хошь, но от осинки не родятся апельсинки».

Громкий всплеск от камешка, плюхнувшегося совсем рядом, заставил Катю вздрогнуть. Она обернулась – проторенным маршрутом к ней подкрадывался Виталий с початой банкой «Золотой Балтики». Судя по выражению лица и неуверенной походке, эта банка была не первая.

– Ага, вот ты куда забралась! Что, русалочку поманила родная стихия?

– Любишь сказки?

– Увы! Предпочитаю интересоваться исключительно реальными вещами и событиями.

– А как ты их различаешь?

– Ну, знаешь, на мой взгляд, «Русал» господина Дерипаски намного реальнее и уж всяко интереснее «Русалочки» господина Андерсена.

– Спорный вопрос.

– Ох, Катенок, я бы с удовольствием с тобой поспорил, но нам надо торопиться – мясо стынет, а водка, наоборот, нагревается.

– Иди без меня.

– А ты?

– А я не хочу ни мяса, ни водки.

– А чего ты хочешь?

– Пожалуй, я хочу домой.

– Вы поссорились? Если так, то напрасно – они классные девчонки.

– Я ни с кем не ссорилась. И, наверное, они действительно классные.

– И в чем тогда дело?..

– Ни в чем. Просто я захотела домой. Могут у меня быть капризы?

– Могут.

– Тогда считай, что это они. Ты меня отвезешь?

– Понимаешь, – Виталик замялся, – я уже выпил немного. Вот, видишь? – В качестве доказательства он продемонстрировал пустую банку и виновато развел руками: – А до этого еще там, на даче...

– Понимаю, – кивнула Катя. – Это действительно серьезная причина... Ну, тогда я пойду на электричку.

– Здесь наверху, на шоссе, остановка маршруток. Прямо до «Озерков». Может, дать тебе денег на дорогу?

– Не надо. Оставь себе, мало ли что... Вдруг на гаишников пригодятся...

– В каком смысле?

– Вдруг не успеешь к вечеру протрезветь. Поедешь в город, нарвешься...

– Так мы сегодня возвращаться и не собирались. Спальных мест полно, ночевать есть где.

– Ах вот даже так? То есть ты заранее знал о ночевке, но мне ничего не сказал?

– Я боялся, что при таких раскладах ты вообще откажешься от этой поездки, – скорчил якобы виноватую мину Виталий.

– Замечательно. А вот интересно, если бы я согласилась остаться, кого бы ты предпочел – меня или Эльвиру? Или, может быть, обеих?

– О чем ты?

– Да так, знаешь ли... Стучит у меня одна мысль в мозгу. Прямо как пепел Клааса в сердце. В доме всего три спальных, как ты это называешь, места. Два внизу и диван наверху. Так? Но поскольку Эльвира приехала одна, получается, что ни пары, ни дивана для нее не остается. Вот я и спрашиваю – ты пригласил ее как запасной вариант?

– Как ты могла такое подумать? – возмутился Виталик. Он сделал это столь нервно и эмоционально, что Катерина поняла: «подумала» она абсолютно правильно. – Если бы ты осталась, я, конечно, пошел бы ночевать в машину.

– Ну, такую жертву с твоей стороны я принять не могу, – чуть насмешливо протянула Катя и, поднявшись с камня, протянула Виталику руку (мол, хоть до берега проводи, кавалер). – В конце концов, мы с тобой не настолько близки...

– Вот именно, – буркнул себе под нос кавалер. Кстати, ему очень повезло, что этих его слов Катерина не услышала.

Они молча добрались до берега, при этом Виталик не удержался и, поскользнувшись, угодил ногой в воду, едва не утопив свой шлепанец. Выбравшись на земную твердь, он, чертыхаясь, первым делом принялся подворачивать намокшую штанину, демонстрируя Катерине свою мохнатую лодыжку. В принципе, в ней (в лодыжке) не было ничего сверхъестественного, но Катю вдруг в буквальном смысле передернуло, когда она мысленно представила, что сегодня ночью эти волосатые ноги, в принципе, рассчитывали на интимное переплетение с ее ногами. Катя не была ханжой и уже давно (прости, мамочка) не была девственницей, но сама мысль о гипотетической возможности провести ночь с Виталиком сейчас представлялась ей особенно омерзительной. Притом что в общем и целом парень он был неплохой. По крайней мере не хуже, а в чем-то и лучше других. Но накопившееся раздражение этого дня, который Катя собиралась провести совсем иначе, не оставляло ему сегодня никаких шансов. Короче, Виталик огреб карму по совокупности...

Здесь же на пляже они и распрощались. Поначалу Виталик порывался проводить ее хотя бы до шоссе, однако Катерина была настроена решительно, категорически заявив, что прекрасно доберется сама. Спорить с ней в такие минуты было бесполезно, горе-кавалер прекрасно об этом знал, а потому быстро сдался и махнул рукой. Целоваться и оглядываться они не стали.

Две набитые под завязку маршрутки просвистели мимо. Катерина уже намеревалась направиться на станцию, однако в этот момент неожиданно подал голос мобильник. Мелодия из «Крестного отца» недвусмысленно давала понять, что на вербальный контакт направляется непосредственный начальник.

– Слушаю, Виктор Васильевич.

– Привет, Катюша. Извини, что беспокою в столь дивный день и час.

– Да бросьте вы. Что-то случилось?

– Есть такое дело. Ты сейчас где обретаешься?

– В Солнечном.

– Ох, далехонько, – крикнул Смоллов. – До нашей гавани за сколько добраться сможешь?

– Если на частнике, то минут за сорок. Но вы так и не сказали, что стряслось?

– Вах! Такие вещи спрашиваешь... Даже неудобно отвечать, – отвечал Смоллов голосом Фрунзика Мкртчяна. – Тревога тревожная у нас. Волк украл зайчат. Короче, похищение с целью выкупа. Подробности при встрече.

– Поняла. Еду.

– Ах да, забыл поинтересоваться... Я тебя не шибко напрягаю? Если у тебя запланированы не терпящие отлагательств дела, попробую управиться сам.

– Я приеду.

– Тогда все. До встречи. Целую. Пух...

Катерина отключила трубу, вышла к шоссе и через пару минут тормознула дедка на выцветшей, а потому весьма приблизительного цвета «копейке».

– Скажите, а это колесо доедет до Суворовского?

– До «Озерков» доедет точно. А там поглядим, – игриво отвечал еще крепкий дедок, не без удовольствия разглядывая ее голые коленки.

– Хорошо, давайте начнем с «Озерков», – рассмеялась Катя.

«А ведь братья Стругацкие были правы, – подумала она, забираясь на переднее сиденье развалюхи. – Оказывается, бывают в жизни моменты, когда и правда очень хочется, чтобы понедельник начинался в субботу...»

* * *

Козырев, хотя и проснулся неприлично поздно, около одиннадцати, но расставаться с диваном не спешил. Не было никакого смысла навёрстывать бездарно продреманные часы: сегодня он заступал на смену с трех, так что времени на активную внеслужебную деятельность все равно толком не оставалось. Печально, конечно, – судя по картинке за окном, денек обещал быть на редкость приятственным. Впрочем, питерская погода вступает в извечный антагонизм по отношению к графику работы сменных экипажей. «Такова она наша шпионская жизнь, – невесело подумалось Паше. – Вечно у нас исключительно где-то далеко идут грибные дожди».

Прямо в постели он выкурил первую за день сигарету, затем какое-то время листал подобранную с пола книгу, настоятельно присоветованную соседкой. Посвященная провокатору и перевертышу Азефу, книга действительно оказалась не лишена занимательности, хотя приноровиться к нормальному восприятию текста получилось далеко не сразу: сначала Паша постоянно спотыкался на всех дореволюционных ятях. Но потом ничего, освоился.

«...Повторяя известные уже разоблачения о провокационной и террористической деятельности Азефа, Вл. Бурцев пытался доказать, что Азеф никогда в сущности не был ни революционером, ни агентом департамента полиции; он провоцировал революционеров, сам лично участвовал в террористических убийствах, затем доносил об этом полиции,

но делал все это не как революционер и не как агент департамента полиции, а как хладнокровный уголовный преступник, действовавший из личной выгоды».

Козырев дважды перечитал этот кусок и понял, что голова, по причине явного пересяпа, категорически не желает включаться.

Он отложил книгу и мысленно отмерил себе еще десять минут ничегонеделания, после которых все же следовало начинать выходить из горизонтального положения. Но не прошло и минуты, как в коммунальном коридоре послышались громкие торопливые шаги, нараставшие по мере приближения к козыревской каморке, которая располагалась в самом тупике их воронье-лиговской слободки.

В дверь постучали. Но исключительно для проформы, ибо уже в следующую секунду она распахнулась («Ну вот, опять забыл на ночь запереться», – вспомнил Паша) и на пороге появилась включенная Людмила Васильевна Михалева – единственно приятный во всех отношениях человек из числа полутора десятка прочих козыревских соседей. Будучи директором Музея политического сыска, она «по совместительству» выступала поставщиком редких книг, исторических сенсаций, вкусно-здоровой пищи, а также обстоятельных нравоучений ко двору «их благородия грузчика Козырева».

– Пашка, черт эдакий, ты что, дрыхнешь до сих пор?! Включай скорее телевизор. Там такое!.. – с ходу выпалила соседка.

Продолжавший лежать под одеялом Козырев замялся. Людмила Васильевна недоуменно посмотрела в его сторону, но тут же поняла, в чем дело, и рассмеялась:

– Пашка, кончай смущаться. Хорошего же ты обо мне мнения, коли считаешь, что за всю свою жизнь я ни разу не видела мужика в трусах.

– А если я сплю без?.. – провокационно поинтересовался Козырев.

– Ой, да видала я и без трусов, и в оных... Равно как в кальсонах, в плавках, в семейных парашютах и в набедренных повязках. Ну все, хватит изгаляться над почтенной женщиной! Включай, а то у меня РТР отвратительно показывает.

Делать нечего – Козырев выбрался из-под одеяла, доскакал до «лентяйки» и принялся щелкать каналами.

«...как нам рассказали в пресс-службе музея, пропажу заметили во время плановой проверки. В хранилищах, где находились образцы русского ювелирного искусства, не оказалось около двухсот ювелирных экспонатов, в основном эмалей. Проверку начали еще в начале весны, поэтому, когда точно произошло хищение, пока выяснить сложно. Завтра руководство собирает прессу в Эрмитажном театре, чтобы сделать официальное заявление. На прямой связи со студией с Дворцовой площади наш журналист Екатерина Мельниченко...»

– А ничего себе девочка! – прокомментировал Козырев появление на экране тележурналистки. – Фигурка, ножки, все такое...

– Пашка, помолчи, а?! – шикнула на него Михалева. – Дай послушать.

«...утром служащие Эрмитажа шли на работу, потрясенные сообщением о краже. Многие строят догадки, как могли пропасть музейные ценности, некоторые вообще не верят в похищение. Полагают, что это ошибка, связанная с инвентаризацией...»

– Ага, как же! Ошибка! Двести единиц хранения! Хорошо устроились ребята, даже в ошибках, и в тех не мелочатся!

– Людмила Васильевна! Дайте послушать! – «отомстил» Козырев.

«...напомним, пять лет назад всех поразило дерзкое похищение картины Жана Леона Жерома „Бассейн в гареме“. Эксперты не считали эту кражу заказным преступлением – рядом в экспозиции находятся куда более ценные полотна Делакруа и Энгра. Что же произошло на этот раз? Сегодня информация о возможной краже из Эрмитажа поступила в отдел музеев Роскультуры. Пока там даже нет списка пропавших предметов – по информации

АЖУРа, в нем очень много страниц, и все еще не успели переслать по факсу. Но в ближайшее время в Петербург направят специальную комиссию для расследования».

Далее пошел сюжет про отремонтированные подъезды и железные двери. Такое вот веяние времени: жилые дома превращаем в крепости, а государственные музеи – в проходные дворы.

– Обалдеть! – Других комментариев к услышанному у Козырева не было. – Это что ж такое на белом свете делается?!

Только сейчас сообразив, что до сих пор стоит «в неглиже», он принялся торопливо натягивать штаны.

– Нет, это я хочу спросить, господин офицер милиции, что у вас делается? – передразнила его Михалева. Она достала из кармана халата пачку сигарет, закурила и принялась нервно расхаживать по комнате.

– Мы-то здесь при чем?! – немного обиделся за «контору» Паша.

– Ах да, лично вас поставили исключительно подглядывать! Потому вроде как и взятки гладки. Так, что ли? Но, между прочим, это не снимает с вас вины...

– Ага, мы, значит, менты поганые, музейные экспонаты просрали, а вы, музейщики, тут ни при чем и все в белом, в шоколаде?

Михалева вполголоса выругалась.

– Ладно, Пашка, брек. Тут ты прав, здесь мне крыть нечем... Нет, но вот интересно, что за цифра такая магическая – двести? На глазок прикинули? Или они там у себя договорились сообщать о пропажах из хранилищ исключительно строго дозированными порциями?

– В каком смысле?

– Да в таком, что, к примеру, в девяносто седьмом у них тоже обнаружилась пропажа, и тоже сразу двухсот экспонатов.

– Чего-то я такого случая не помню...

– А об этом широкой общественности и не сообщалось. На фига выносить сор из эрмитажной избы работы господина Растрелли? Но я точно знаю, что тогда после смерти хранителя недосчитались двухсот экспонатов фонда бронзы и металлов. В основном, самоваров. И, кстати сказать, до сих пор ничего не нашли.

– Тью-ю! – разочарованно протянул Козырев. – Самовары! Да кому они нужны? Разве что в скупку на металл сдать...

– Да, самовары. А вот ты, Пашка, чайник! Ну и «почем в Америке башенные краны», а? Между прочим, рядовой антикварный самовар в питерской антикварной лавке в среднем стоит порядка тысячи долларов. А представь, сколько может стоить посуда, из которой, возможно, когда-то пили чай члены императорской фамилии? Неплохой подарочек на дачу какому-нибудь братку-олигарху.

– Н-да, это я действительно... как-то сразу и не сообразил. Людмила Васильевна, а вы-то откуда эту историю знаете? Она же «широкой общественности» не сообщалась?

– Из осведомленных источников, мой мальчик. Из очень осведомленных. У меня в Эрмитаже подруга, почитай, лет двадцать в отделе кадров работает. Мы с ней вместе истфак заканчивали. Правда, было это, страшно подумать в каком лохматом году...

– А если она так хорошо осведомлена, почему молчит? Почему не борется за народное достояние?

– Господи, Паша, и это говорит старший лейтенант милиции! В твоём возрасте, а тем паче в твоём звании, нельзя быть таким наивным. Это Система, понимаешь? У вас, в милиции, она своя, а в Эрмитаже – своя. А посему надо либо быть человеком своей Системы, либо уходить из нее. Всё – третьего не дано. Вот ты мне сам постоянно жалуешься на ваш бардак, на вашу продажность, на бессилие и безнадегу. Но при этом сам почему-то не увольняешься. Значит, согласен примириться и принять такие условия игры. Разве не так?

– Ну, это все-таки разные вещи... – промямлил Козырев, прекрасно осознавая, что в данном случае соседка во многом права.

– Ладно, не будем на больную мозоль, – заметив его смущение, примирительно сказала Людмила Васильевна. – Да, и еще: имей в виду, украсть что-либо из запасников музея, тем более такого огромного, как Эрмитаж, в общем-то, плевое дело. Учитывая, что в последние годы инвентаризации в музеях не проводятся в принципе (хотя и должны быть регулярными), то спохватиться экспонатов могут лишь лет эдак через тридцать – пятьдесят. Да-да, я знаю, что говорю!.. Но, естественно, при условии, что речь идет не об особо ценном объекте... А знаешь, Паш, на самом деле мне сейчас безумно интересно понаблюдать, как из этой скандальной ситуации будет выкручиваться Михал Борисович и его вассалы. Слушай, эта девочка-репортерша в сюжете что-то говорила про пресс-конференцию... Ты случайно не запомнил, когда?

– Вроде завтра. А вы думаете, Пиотровский может быть как-то причастен ко всем этим делишкам? Или он вам просто не нравится?

– Нет, ну чтоб до такой степени, это, конечно, вряд ли. Но он директор, и если в его заведении творится бардак, то, естественно, за этот бардак в том числе должен отвечать и он лично. Конечно, наш музей сравнивать с Эрмитажем не совсем корректно, но... Финансирование у нас в разы меньше, зато порядка в разы больше. Парадокс? Что же до нравится–не нравится... Как мужчина Пиотровский немного не в моем вкусе. А вот как музейщик... Что ж, он большой профессионал, умный, образованный, с деловой жилкой... Вот только, по мне, до такой степени духовно богатый, что иногда становится даже как-то неприятно... Все, Паш, извини, что я тебя с утра так сильно загрузила, но сам понимаешь, такие вещи не каждый день случаются. И, слава Богу, что пока еще не каждый день. Ладно, пойду Илонке позвоню, узнаю, что там у них сейчас творится...

– Думаю, ничего хорошего.

– Это точно...

Михалева ушла, а Паша в задумчивости снова плюхнулся на диван. Ничего из того, о чем ему только что поведала соседка, он раньше не знал и даже не слышал. До сих пор он был убежден, что украсть из Эрмитажа – это все равно что... Все равно что ограбить крупный банк. Или Кремль. На деле же выясняется, что тема не только решается в принципе, но еще и поставлена чуть ли не на поток. Вот такие самовары...

Впрочем, вскоре на смену праведному гневу в голову не замедлили явиться более земные мысли. К примеру, где бы оперативно перехватить двести баксов. Ибо на следующей неделе, кровь из носу, нужно расплатиться с хозяином за комнату. А в запасниках Козырева, в отличие от эрмитажных, нынче шаром покати.

Вот такие, понимаешь, самовары!

Глава вторая

Снимать кино может каждый, а хороших сценаристов всего одиннадцать.

Мел Брукс

Смолов добрался на Суворовский всего за пятнадцать минут. Выходной, он и в Африке выходной: в центр, да по такой погоде, обывателя не шибко тянет. В массивных дверях Главка Виктор Васильевич столкнулся с Димой Травкиным, и тот коротко набросал ему некоторые подробности похищения, из-за которого и разгорелся весь сыр-бор. В Димкиной интерпретации тема представлялась непростой, но все ж таки не убийственной. Так что Смолов снова укорил себя за то, что высвистал на тревожный сходняк Катерину, – сегодня он вполне мог управиться и в одиночку.

Общий сбор назначили в кабинете замначальника УУР, который, к несчастью своему, в этот день был ответственным дежурным по ГУВД. Разномастный народ, без особого энтузиазма стекавшийся на «мозговой штурм», по большей части Смолову был знаком. Службы, а, соответственно, задачи у этих людей были разными, но каждому из них хотя бы раз в год (а то и не один десяток раз) доводилось пользоваться услугами ведомства, в штате которого имел честь состоять Виктор Васильевич. А как вы хотели? На дворе эпоха НТР, всякие там хай-теки и прочие великанские технологии, в конце концов мобильная связь. Куда нынче без этого добра? Ну разве что в Красную Армию...

К тому же молодые опера, коих с каждым годом в Главке становилось все больше, в своих мировоззрениях были не столь консервативны, как их предшественники. Эти ребята быстро прощелкали, что некогда базовый оперской тезис «волка ноги кормят» морально устарел. Железный конь даже в нашей, технологически отсталой стране все-таки пришел на смену крестьянской лошадке. А потому молодежь не видела особого смысла напрягаться там, где за тебя это легко, а главное быстро могут сделать другие. Взять, к примеру, банальную установку связей подозреваемого: обход жилмассива, задействие агентурной сети и прочие телодвижения, кои, как известно, являются мероприятиями хлопотными и малоинтересными. Куда проще заполнить специальный бланк – и, пожалуйста: вот тебе связи через личный автотранспорт; вот биллинги мобильных телефонов; вот адресаты электронной почты. На любой вкус: хоть в пределах города, хоть «от Финских скал до пламенной Колхиды». И все это, заметьте, не выходя из кабинета, не отрывая задницы от стула. Так что пусть участковый Анискин на своих двоих по деревне шастает. А нам, пацанам, запахло.

Впрочем, в отличие от большинства «стариков», Смолов вовсе не видел в таком подходе ничего дурного. Все правильно, время не стоит на месте. Сам Виктор Васильевич, сколько себя помнил, всегда был двумя руками за прогресс. До сей поры, с поистине юношеским азартом, он старался отслеживать и обучаться всему новому и интересному. И в этой части вполне мог дать фору иному продвинутому юзеру. Другое дело, что, погружаясь в безграничные возможности компьютерных прибабасов, молодежь невольно оставалась обделенной в части Школы. Именно так, с большой буквы. Ей не хватало школы общения с людьми, школы анализа, школы наблюдения и подмечания мелочей... И вот это категорически не есть «зер гут». Опять же потому, что время не просто шло – оно летело. А Смолов полностью разделял некогда услышанную гипотезу о том, что после двадцати пяти лет люди не умнеют.

На большом П-образном столе, занимавшем более половины площади кабинета Зама, чьей-то заботливой рукой были расставлены редкие по нынешним политкорректным време-

нам пепельницы, что само по себе свидетельствовало о серьезности предстоящей работы. В обычное время смолить в стенах Главка можно было только в специально отведенных местах. Впрочем, на кабинеты начальников это правило, как водится, не распространялось.

Пока народ подтягивался и с шумом рассаживался, Димка Травкин, оправдывая фамилию, как обычно балагурил и травил байки, коих у него в заглазнике имелось великое множество. Правда, большинство не имело никакого отношения к его реальной жизни оперативника, а было банально позаимствовано из дешевых бульварных листков и копеечных сборников анекдотов. Благо последних ныне расплодилось великое множество.

– ...Нет, ты только прикинь, Леха, – грохотал Травкин, обращаясь к Серпухову, оперу из розыскного. При этом грохотал с таким расчетом, чтобы его могли услышать и остальные. – Вчера обмывали мы звание Якимчука. Он майора получил, ты в курсе?

– Ага, – кивнул Серпухов. Из-за сегодняшнего ЧП у него сорвалась рыбалка на Ладоге. Посему был он мрачен и не расположен внимать травкинским анекдотам.

– Так вот, возвращаюсь я домой где-то во втором часу. Естественно, на бровях. Мечтаю только обо одном – чтобы Наташка спала. Но ни фи́га – сидит на кухне, караулит. Понятное дело, встрепенулась, руки в боки: «Где был? С кем пил? По какому поводу?»

– А ты бы ей сразу в бубен, – вклинился в разговор незнакомый Смолову опер из Центрального РУВД. – Я вот своей всегда, когда бухтеть начинает... Верное средство.

– Фи, Колюня, это же неэстетично. Женщина не просто может, она обязана, как ты выражаешься, бухтеть. Ибо данная функция заложена в нее самой природой. Это у них на гормональном уровне, понимаешь?

– Давать она обязана, а не бухтеть, – не сдавался Колюня.

– А вот это, мой юный друг, из другой оперы. Здесь важно, чтоб было чем брать... Ну да мы отвлеклись. Короче, я своей честно, как на духу, – так, мол, и так, был в кабаке, повод серьезный, Андрюха Якимчук майора получил. Она мне: «Ну ничего себе! Ему ведь всего тридцатник с фитюлькой, не больше. И уже майор?» Я ей: «Подумаешь! У нас в Управе полно моих ровесников-майоров. Звания, они ведь через определенный срок присваиваются. Так что при правильном старте к тридцати годам вполне можно до майора дослужиться». Она: «Надо же! Все у вас по графику. Прямо как у женщин».

– И чего? – буркнул Серпухов. – Когда смеяться-то?

– И подумалось мне тогда: а ведь точно, все у нас, как у баб, по физиологическому графику: звания, процентовки по выслуге, дополнительные дни к отпуску. Но все это, заметьте, – Травкин выждал многозначительную паузу, – все это пока не залетишь!..

Народ захохотал. Поддавшись общему настроению, снисходительно улыбнулся и Смолов, хотя, в отличие от остальных, эту байку знал. По долгу службы он ежедневно по несколько часов просиживал в Интернете и наравне с простыми смертными также нет-нет да и заглядывал на развлекательные сайты навроде «анекдот.ру» или «фишек. нет». Ничего не поделаешь! Слаб человек, и велики бесы...

В кабинет вошел Зам, и все разговоры и смехуечки разом прекратились: Диме – Димино, а Кесарю – Кесарево. Как витийствовал бывший флотский начальник Смолова: «Всему свое время. Время раздавать зуботычины и время огребать за них».

Вслед за Замом, величаво прошествовавшим во главу стола, в дверь влетела запыхавшаяся Катерина. И хотя Зам терпеть не мог, когда на совещания кто-либо приходил после него, на этот раз он лишь снисходительно улыбнулся, сделав поблажку единственной в данный момент представительнице прекрасного пола. Зам не был чужд прекрасного, и от созерцания сотрудницы, примчавшейся на общий сбор в дурашливых бриджиках и легкомысленной маечке в мелкую сеточку, получал не меньшее эстетическое наслаждение, нежели остальные присутствующие. Пожалуй, один лишь Леха Серпухов оставался непреклонно

мрачным: летне-курортный прикид Катерины в очередной раз напомнил ему о безнадежно загубленном выходном.

Катя шумно плюхнулась на застолбленное Смоловым место и виновато зашептала:

– Уф-ф, еле успела. Минут десять с частником торговалась.

– Да они сами должны тебе доплачивать, частники эти. За одну только возможность подвезти такую красивую девушку.

– В том-то и дело. Такой забавный старикашка попался. Денег не взял, но без домашнего телефончика ни в какую не отпускал.

– И ты дала?

– А куда деваться? И так пригорала капитально.

– Катерина, сколько раз я тебе говорил, что личные телефоны незнакомым людям нельзя оставлять ни в коем случае! – проворчал Смолов.

– Так я ж не свой, – улыбнулась Катя.

– А чей?

– Катерины Ивановны, из нашей бухгалтерии. Представляете, что она с дедом сделает, если тот и вправду позвонит?

– Да уж, с твоей стороны это довольно жестоко...

– Ничего, в следующий раз будет знать, как незнакомых девушек якобы ненароком за коленки лапать.

– Ненароком – это как?

– Слишком часто скорости переключал. А в «копейке», сами знаете, какая теснотища...

Между тем Зам разложил перед собой бумаги, надел очки и красноречиво кашлянул, призывая к полной тишине и готовности собравшихся внимать.

– Значит, так, народ. Прошу отнестись к моим словам со всей серьезностью. И дело не только в том, что эта хрень произошла именно в мое дежурство... Хотя, как вы понимаете, лично мне это, мягко говоря, неприятно... И не только в том, что со всеми этими эрми-тажными делами Главк стоит накануне грандиозного шухера с вытекающими отсюда авралом и аналом. Это все будет, сей чаши нам не миновать, но... Это будет завтра. А сегодня, на данный момент, у нас имеет место еще один и весьма нехороший геморрой, по-заграничному именуемый киднеппинг. Ибо похищенной является фактически вчерашняя школьница. А конкретно – выпускница одиннадцатого класса 481-й средней школы Лена Капралова.

– Да такой школьнице впору в «Плейбое» сниматься! – не выдержав, хохотнул Травкин, который уже обзавелся фотографией жертвы.

– А ну отставить шуточки! – осерчал Зам. – Раз ты у нас такой осведомленный, встань и доложи по существу: что известно и что к настоящему времени удалось сделать? Только давай без этой твоей петросянщины.

– Есть доложить без петросянщины. – Травкин поднялся. – В общем, так: сегодня утром, примерно в 8:30, имел место телефонный звонок в квартиру Капраловых. Трубку снял глава семейства Семен Михайлович Капралов, занимающий – здесь внимание! – должность коммерческого директора ликеро-водочного завода «Пагода».

– Это где ж такой? – живо заинтересовался кто-то из собравшихся.

– Сам завод где-то в Киришском районе, но офис здесь, в Питере.

– Знаю я эту «Пагоду», – подал голос опер Колюня. – Дерьмовая у них водка. Но недорогая – что есть, то есть...

– Оставить комментарии, – сверкнул очами Зам.

– Даже по существу? – обиженно пискнул Колюня.

– Как же, дожدهшься от вас по существу... Кстати, а почему я не вижу Урманова? Водка, потребительский рынок – это ведь его зона ответственности?

– Разрешите пояснить? – приподнял свою филейную часть над стулом явно представитель линии БЭП. – Старший оперуполномоченный по особо важным делам Урманов направлен каким-то животным в кадрах на повышение квалификации в город Сусуман. Для справки: лично я этот поселок городского типа на карте родины не нашел. Тем не менее в кадрах клятвенно обещали: привезет комплексные знания.

– Угу, с триппером неизлечимым... – опять встрял Колюня.

Зам настолько опешил от услышанного, что даже не среагировал на столь циничный прогноз.

– Хорошо, садитесь. Продолжай, Дима.

– Не представившись, неизвестный, уточнив, что трубку снял именно отец Лены, сообщил Капралову, что его дочь похищена и вывезена за пределы города. За сведения о местонахождении дочери Капралову предложено выложить сумму в рублях, эквивалентную пятидесяти тысячам долларов США, которую следует собрать и подготовить к семнадцати часам. О времени и способе передачи денег будет сообщено дополнительно. Неизвестный также заявил, что в противном случае отец больше никогда не увидит свою дочь. Вернее... – Травкин скосил глаза в раскрытый перед ним ежедневник. – Дословно было сказано следующее: «В противном случае он больше никогда не увидит свою дочь. По крайней мере не увидит ее живой и здоровой». Затем обычная в таких случаях пурга: дескать, в ментовку не ходи, все равно за домом следят, а телефон прослушивают. Ну и так далее... Если кому интересно, я отскерокопировал показания отца, можно взять, ознакомиться. Да, еще одна деталь – голос звонившего был молодым. То есть звонил не ребенок, но и не мужик. Последнее, естественно, со слов Капралова. Является ли он обладателем абсолютного музыкального слуха, я не в курсе. Идем дальше...

– Высчитать телефон, как я понимаю, не удалось? – перебил его Смолов.

– Нет. Капралов и сам потом все убивался: дескать, по фильмам знал, что в подобных случаях ни в коем случае нельзя разрывать соединение, однако разволновался, растерялся и после разговора чисто машинально трубку положил. Можно понять человека – все-таки единственная дочь. Хорошо хоть сразу в милицию догадался обратиться, не стал самостоятельность разводиться.

– Понять-то можно, – подал реплику с места Серпухов. – Вот только я одного не догоняю. Звонок был в половине девятого утра, так? А до этого времени папаша, что ж, не волновался по поводу того, где его ненаглядная дочь пропадает?

– Поясняю. Вчера, примерно в 20:15, Лена Капралова со своего мобильного позвонила домой и сказала, что на всю ночь идет с друзьями на вечеринку в клуб «Росси». Она просила родителей не волноваться, мол, почти белые ночи, компания большая и всё такое... Примерно в половине второго супруга Капралова пыталась связаться с дочерью, однако мобильник Лены находился вне зоны действия сети. Мать не сильно встревожилась по этому поводу, поскольку Лена не первый раз ходила в этот клуб и ранее уже жаловалась, что в помещении отвратительный прием.

– Н-да, высокие отношения в семье. Дочь всю ночь пропадает неизвестно где и неизвестно с кем, а родители дрыхнут и в ус не дуют. А ей, между прочим, следовало бы не по клубам шастать, а к поступлению в институт готовиться.

– Проехали. Все экзамены уже давно прошли. Да и на фига ей готовиться?! У нее папаша богатый, наверняка на платное устроил, – прокомментировал незнакомый Смолову опер. – Папаша, кстати, звонил минут пятнадцать назад: уже собрал требуемую сумму. Прикиньте: пятьдесят тонн баксов наличкой за каких-то пару часов!

Последняя реплика, в которой явно слышались завистливые нотки, повисла в воздухе. Каждый из присутствовавших невольно задумался о собственном материальном благополучии.

Зам вопросительно посмотрел на Смолова, и тот незаметно толкнул под столом Катерину: клубно-тусовочная жизнь априори была зоной ее ответственности. «Азбуку жестов» шефа она поняла и, собравшись с духом, поднялась.

– Да вы сидите-сидите, можно с места, – замахал руками Зам.

Катя послушно села:

– Что касается связи... Клуб «Росси» располагается в полуподвальном помещении дома 1/3 по улице Зодчего Росси. Заведение модное, пользуется большим успехом у молодежи. В первую очередь как раз у шестнадцати – восемнадцатилетних. пятницу-субботу-воскресенье шоу-программы и тематические вечеринки продолжаются до шести утра. Стены в помещении старой, толстой кладки. Так что теоретически могли иметь место проблемы с прохождением сигнала, однако в клубе, насколько мне известно, установлен специальный усилитель.

– То есть, по-вашему, проблем со связью быть не должно?

– Проблемные зоны могут существовать в любом закрытом помещении. Скажем, подсобные помещения, кухня, туалет... Но, понимаете, если бы родители не могли дозвониться до Лены в течение какого-то промежутка времени, тогда можно было бы сделать какие-то однозначные выводы. Не может же человек в течение часа, к примеру, не выходить из туалета? Но по одному неприятному звонку трудно сказать что-то определенное.

– Почему не может? – снова встрял неугомонный опер Колюня. – Ежели сильно прищипит, то... Ну чего вы ржете? Я серьезно. Может, у нее эти... месячные.

– Ага, длиною в месяц, – не выдержав, усмехнулся и Зам. – Ладно, посмеялись и будет. Давайте ближе к делу: кто конкретно ездил в этот клуб?

– Так наш специалист по женской физиологии и ездил. Колюня, доложь...

– Да нечего особо докладывать, – поднялся с места Колюня. – К тому времени, как мы получили команду проверить клуб, работавшая ночью смена уже разошлась. Официантки, охрана, обслуга, даже кухня. Мы получили у администратора список домашних адресов и телефонов, в настоящий момент пытаемся найти хоть кого-то. Но, сами понимаете, кто-то еще отсыпается и просто не снимает трубку, а кто-то махнул за город, на дачу – погодка-то какая... Правда, удалось найти бармена – показали ему фотку. И хотя он эту девку в принципе помнит, действительно, частенько у них появлялась, но именно этой ночью он ее не видел.

– Это еще ни о чем не говорит, – подала реплику Катя. – Не женское это дело – к бармену подходить. В смысле, если в компании были мальчишки, Лена вполне могла и не попасть в поле зрения бармена.

– Очень плохо. Насколько я понимаю, у нас так и нет ясности в том, была ли она вообще в этом заведении. Я уже даже не говорю – с кем.

– Мы отработываем всех школьных приятелей, подруг, знакомых, – принялся оправдываться за Колюню Серпухов. – Параллельно мои ребята мотанулись в Кириши, на завод, разузнать, не оттуда ли ноги растут. Но пока пусто – никто ничего не знает. И, кстати, проблемы схожие – никого дома не застать. После двух недель дождей всех на солнышко потянуло.

– Отвратительно работаем. Получается, в дождь – еще туда-сюда, а как солнце выглянуло, так все? Не в состоянии? – прорвался Зам.

В кабинете некоторое время стояла напряженная тишина, затем слово взял Смолов:

– Я предлагаю отпустить сейчас Екатерину Михайловну на рабочее место. На данном этапе она получила достаточное количество информации, и полагаю, что в течение часа-полтора она сумеет вытянуть данные о перемещениях Лены Капраловой за последние сутки. К тому же, установив людей, с которыми Лена в течение дня общалась по мобильному, мы сможем существенно сузить круг поисков связей и возможных свидетелей.

– Я не возражаю, Виктор Васильевич, – откликнулся Зам. Он посмотрел на Катю и невесело улыбнулся: – Что ж, Екатерина Михайловна, как говорится, на одну вас уповаем. Справитесь?

– Я постараюсь.

– Держи меня в курсе, – шепнул ей напоследок Смолов.

– И вы меня тоже, – кивнула Катя.

* * *

Двенадцать квадратных метров общей служебно-жилой площади рабочего кабинета, который на двоих делили Смолов и Катерина, с лихвой компенсировались высотой потолка, составлявшей примерно шесть старопондических аршин. Точнее никто не измерял – высоко, а стремянки у коменданта все равно не допросишься.

У него вообще ничего не допросишься. Больше года Смолов вел отнюдь не любовную переписку с верховным руководством, добиваясь установки в кабинете кондиционера. И не потому, что сторона солнечная, а окна, так же как и потолок, громадные, старорежимные. То, что летом людям здесь невозможно не то что работать, а просто отбывать номер, – это еще полбеды. Как раз к этому людям не привыкать: понимаем, не в офисе – на «передовой» служим. Но так ведь здесь же еще и серверы установлены. Целых три штуки, между прочим. И они, ящики эти высокоинтеллектуальные, в отличие от людей, как раз таки железные. Они на солнце греются. И им это очень вредно. В какой-то момент начальство сломалось: то ли спонсор удачно подвернулся, то ли просто под Новый год потребовалось срочно избавиться от ненужных остатков на счете, однако кондишен Смолову купили. Правда, скоро будет полгода, как он стоит в углу кабинета нераспечатанным – у коменданта нет времени, а главное – нет людей, способных водрузить сей дорогостоящий предмет на подобающее ему место. И то сказать – не набирать же шабашников с улицы для проведения монтажных работ в здании, где даже туалетная бумага в нужнике, и та имеет учетный номер?.. Короче, дело серьезное, с кондачка не решишь. Опять же и отдел собственной безопасности предвительно должен провести вскрытие заграничного прибора. Вдруг враги отечества нашпиговали его вибродатчиками и прочей шпионской нечистью, позволяющей читать мысли обитателей дома на расстоянии? А мысли, между прочим, здесь все больше секретные, а то и с двумя «эсами».

Но что говорить за кондиционер, если даже лампа дневного света – и та овдовела несколько месяцев назад, а параллельная ей уже давно даже не подмигивала. В минуты творческого застоя либо когда глаза просто начинали слезиться, доведенные до истерики хоть и жидкокристаллическим, но все равно монитором, Катерина устало поднимала глаза к потолку и всякий раз невольно размышляла над тем, что будет, если и последняя лампа отживет свое. Как их приспособили на лепку и кто теперь рискнет их менять? Впрочем, отсутствие комфорта в кабинете возмещалось обилием самой современной техники (а-ля мечта хакера) на столах и под, а также избытком обжитого уюта и ироничного здравого смысла. Без последнего в их работе никуда.

Смолов появился на рабочем месте через полтора часа. Войдя в кабинет, он плотно закрыл за собой дверь, подошел к холодильнику и запихнул в морозилку три банки пива. Немного поразмышляв, одну вытащил обратно, открыл, жадно сделал несколько глотков и с наслаждением выдохнул:

– Ох! Хорошо-то как! Бусыгин, хлопнешь рюмашку?

– Спасибо, Виктор Васильевич, не хочется, – среагировала Катя, не отрывая взгляда от экрана монитора. Она давно привыкла к тому, что в общении шеф частенько использовал

цитаты из отечественных кинофильмов. Привыкнуть было нетрудно, поскольку кинематографические вкусы у них в целом совпадали. Даже невзирая на то, что разница в возрасте Смолова и Кати составляла почти двадцать лет. Целое поколение, между прочим.

– А я люблю, когда работаю, – закончил каноническую фразу Смолов. В один присест он высосал пиво, метко швырнул смятую жестянку в мусорную корзину и шумно упал на старенький диван.

– Что-то вы слишком долго заседали. Толк-то был? – поинтересовалась Катя. При этом, по-прежнему не оборачиваясь, она продолжала сосредоточенно стучать по клавиатуре.

– Да какой там, на хрен, толк? Вместо того чтобы делом заняться, битый час слушали бредовые версии главковских аналитиков. Если бы не периодически выдаваемые Колнуей перлы, задремал бы стопудово.

– Так вот зачем «опушник» нарисовался?! Всё никак не успокоятся, пытаюсь доказать, что их служба тоже не лаптем щи хлебает?.. А хотите, я угадаю, какую версию они предложили? Похищение девушки может быть связано с профессиональной деятельностью ее отца. Так?

– Ну, что-то типа того. По их данным, у папашки этого героического какие-то проблемы с акциями-шмакциями, эмиссиями-комиссиями. И потому неизвестные злодеи якобы и замыслили доченьку похитить, дабы тем самым на папашку непокорного надавить. Оно, конечно, может, так все и было. И, может, я чего-то не понимаю, но... При чем здесь тогда требование выкупа? Да еще столь пошлая сумма? Граждане решили и выпить, и бутылки сдать? Ежели так, то, на мой стариковский взгляд, они – полные идиоты. Самоуправство и похищение человека – гремучая смесь в одном флаконе. Хотя... Может, все проще? Может, действительно банальные отморозки?

– Меня тоже сумма выкупа настораживает. – Катя поставила точку, отправила документ на печать и только теперь повернулась к Смолову, лихо крутанувшись в своем кресле. – И еще кое-что...

– Ну давай, не томи, рассказывай. Сейчас, я только пиво себе возьму. Кстати, ты точно не будешь? Я на тебя рассчитывал.

– Во-первых, от пива толстеют. Во-вторых, согласно распоряжению подполковника Стрельникова, распитие спиртных напитков, равно как приравненных к ним, в рабочее время и на рабочем месте карается нещадно и беспощадно. В-третьих...

– А, в-третьих, лейтенант Востроилова, перестаньте читать нотации начальству и переходите к делу. Родина ждет от нас подвига. В конце концов, пока вы тут упражняетесь в остроумии, несчастная выпускница школы томится в грязных лапах злоумышленников. И, скорее всего, лапы эти немывты, ошпарены и отморожены. Короче, докладай: телефон Капраловых на прослушку поставили? Интересные звонки были? Похитители не объявились? Симку Лены отследила?

– Поставили. Не было. Не объявлялись. А вот относительно несчастной выпускницы, как мне кажется, вы немного преувеличиваете.

– А вот с этого места прошу поподробнее, – оживился Смолов. – Поясни?

– Мы отследили маршрут передвижений Лены за последние шестнадцать часов. В клубе «Росси» ее не было. Это раз.

– Это точно?

– В 20:15 она позвонила домой со своего мобильного, находясь в районе станции метро «Площадь Александра Невского». Затем двигалась по Невскому и примерно в 20:50 оказалась в районе улицы Думской. В этом квадрате она пробыла часа полтора, после чего отключила мобильник.

– А до какого часа у нас работает «Гостиный Двор»? – перебил ее Смолов.

– Я проверила – шопинг исключен, универмаг работал до девяти. К тому же в наше время только гости города и разные обсосы одеваются в Гостинке. Это неприлично.

– Почему?

– Вам, Виктор Васильевич, слишком долго объяснять, – язвительно заметила Катя. – Так вот: через «полицейский режим» удалось установить, что в этом квадрате Лена находилась вплоть до половины пятого утра. А коли так, есть всего лишь одно более-менее нормальное место, куда в прайм-тайм, то бишь в пятницу, могла пойти тусоваться на всю ночь модная девушка.

– И что это за место?

– Думская, 9. DJ-бар «Дача».

– Ты уверена?

– Почти на все сто.

– Надо звонить Травкину. Пусть поедет проверит сам или заряжает на это дело Колюню. Да, постой, ты сказала, до половины пятого, а потом?..

– А потом она двигалась исключительно и строго на север.

– Машина?

– А ни на чем другом в такую пору до Кавголово не доберешься.

– Кавголово, говоришь? Но ведь еще есть вариант с электричкой?

– Ну, Виктор Васильевич...

– Ах да, «на электричках в наше время ездят только гости города и разные обсосы». Ну что ж... Кавголово, безусловно, существенно сужает круг поисков, но тоже не подарок. Сколько там может быть дач? Пара тысяч, как минимум. Но в любом случае, пора докладывать.

– Подождите, Виктор Васильевич, есть еще один интересный момент.

– Блин, Катька, если ты мне сейчас скажешь, что вычислила похитителей, я сразу сажусь писать рапорт об уходе на пенсию. Ибо мне в этом кабинете решительно больше нечего делать.

– Успокойтесь, гражданин начальник, вам еще удастся принести пользу родине. Я всего лишь на скорую руку проанализировала биллинг Лены за последнюю неделю и обнаружила, что чаще всего та звонила на трубки некоей Афанасьевой Риммы Сергеевны, 1958 г. р., и Ольги Ключевой, 1989 г. р. Я решила набрать их наудачу и поспрашать о Лене.

– И?..

– Первая оказалась вне зоны действия сети. Ну да эта тетка нам не так интересна. В отличие от Ольги, ровесницы Лены, которая еще и проживает неподалеку. В общем, я дозвонилась, представилась подругой и наплела, что ищу Лену по важному делу.

– Это по какому такому?

– Ну, это наши девичьи секреты... Короче, про вечер пятницы Оля ничего не знает, хотя раньше они и правда в «Дачу» частенько захаживали. Но зато в процессе разговора Ключева прониклась ко мне такой симпатией, что, взяв с меня слово никому не говорить, рассказала про очень серьезные Ленины проблемы. В общем, у нее есть парень.

– Да уж, серьезный секрет, – хмыкнул Смолков.

– Он на шесть лет ее старше, – продолжила Катя, сделав вид, что не заметила иронии шефа, – и последние полгода у них просто чумовая, по выражению Оли, любовь. А сейчас внимание: любовь чумовая настолько, что Лена Капралова практически перестала ходить в гимназию, предпочитая проводить время со своим молодым человеком. В результате завалила выпускные экзамены, вместо полноценного аттестата ей выдали всего-навсего справку. А теперь самое главное – родители до сих пор не в курсе!

– Очень интересно, – задумался Смолов. – А ну, дай-ка мне биллинг Капраловой. Ну-тка... Ага... Слушай, Катерина, ты давай, звони Диме Травкину, в общих чертах обрисуй ему ситуацию. Но про школу пока ничего не говори.

– Почему?

– Лейтенант Востроилова, кру-у-гом!.. Исполнять.

– Есть, мон генераль.

Пока Катя дозванивалась до Травкина (это оказалось делом непростым – Дима, как один из руководителей оперативной бригады, в эти часы был необычайно востребован), Смолов засел за свой компьютер и принялся листать виндовские окошки. Минут через пятнадцать, когда Востроилова сумела-таки прорвать информационную блокаду и успела доложить Травкину почти все свои соображения по поводу похищенной, Смолов, хитро потирая руки, отобрал у нее трубку и попросил Диму уточнить еще один момент. А именно: какая загородная недвижимость зарегистрирована на имя Афанасьевой Риммы Васильевны?

Заметив удивленный взгляд Катерины, Смолов отключил трубку и загадочно произнес:

– Извини, но пока это мой девичий секрет. Да, в последний раз спрашиваю: пиво, холодное, будешь?

– Буду, – надула губы Катя. – А я вам, между прочим, все всегда рассказываю.

– И это правильно. Потому что только чистосердечным раскаянием и своим признанием и рассказом о вашем прошлом вы расчистите себе дорогу к новой жизни. Кстати, откуда фраза?..

– Из «Места встречи», – буркнула лейтенант Востроилова.

– Молодец. Считай, пиво заслужила, – похвалил ее Смолов и полез в морозилку.

* * *

«Семь-три-седьмой» экипаж Эдика Каргина отстаивался на Сиреневом бульваре четвертый час кряду. Даже рядовых грузчиков, занявших наблюдательные позиции по обе стороны дома № 17 (окна квартиры фигуранта выходили и туда, и сюда), и тех уже невыносимо тяготило вынужденное безделье. Хотя, казалось бы, именно сегодня грех жаловаться: солнце припекает, птички щебечут, девки молодые в мини и бикини взад-вперед фланируют... Знай себе сиди на лавочке, вдыхай кислород, покуривай да созерцай прекрасное. Ан нет: и пятая точка на жесткой лавочке поистерлась, и курево к концу подходит, да и мини-бикини, если честно, примелькались-приелись. Тем паче, что все прогрессивное человечество на пляжи ломанулось (вон, до тех же Озерков всего-то четыре остановки!), и только ты, как магометанин, сидишь, вперившись взглядом в сторону востока. И в этом твоём взгляде, собственно, и заключается нынешнее «тонкое дело».

Словом, если уж молодняк, до живой работы не шибко охочий, и тот затосковал, то что ж тогда говорить про бригадира и механика? А ведь они, в отличие от своей пехоты, проводили время в куда более комфортных условиях. Загнав служебный «Форд» на близлежащий пустырь, они распахнули все дверцы, настроились на «Наше Радио» и расстелили на земле предусмотрительно захваченную не первой свежести газетку. Вывалив на прессу взятую из дома немудреную снедь, Эдик Каргин и Паша Козырев работали легенду «завтрак на траве». Но работали вяло, поскольку изображать в течение нескольких часов перекусывающего человека – это вам не монолог Гамлета читать. Экспрессии, прямо скажем, маловато.

И Эдик, и Паша были профессионалами, и в какой-то момент каждый из них интуитивно почувствовал, что тянут они явную пустышку – не будет сегодня объекта в движении. Почему? А хрен его знает! Но не будет. Даже несмотря на клятвенные заверения предыдущей смены, что со вчерашнего вечера объект из дому не отлучался и гостей не принимал. Меж тем, исходя из полученных вводных, принять должен был непременно. И вот

как раз по окончании этого приема экипажу «семь-три-второго» и предписывалось сесть гостю на хвост. По информации заказчиков, хозяин квартиры приторговывал оружием и прошедшей ночью (на крайняк с утраца) к нему должен был зайти очередной покупатель. Но вот уже и солнце скоро должно было начать клониться к закату, а ничего похожего «грузчики» трех сменивших друг друга смен так и не зафиксировали.

– ... Может, гранаты у него не той системы? – лениво попытался пошутить Эдик.

– А может, мы его все-таки того? Маханули? – более приземленно предположил Паша.

– Не, ни фига. Мне отсюда, хоть и плохо, но все равно подъезд видно. Последние минут сорок в него вообще ни один мужик не заходил.

– А если покупатель – баба? – не сдавался Паша.

– А вам, товарищ водитель, тоже нехудо иногда на инструктаж ходить. Особливо когда речь идет о делах, находящихся под контролем начальника ГУВД. Инициатор четко обозначил: мужик, 30–35 лет, рост выше среднего, небольшая залысина. Ну и так далее... Нет, бывают, конечно, случаи, когда объекты под бабу маскируются, но сегодня явно не тот случай. Пришлось бы ноги брить, да и в парике жарковато. Опять же не всякий ствол в дамской сумочке поместится.

– Интересно, а откуда они все это узнали?

– Кто?

– Да заказчики.

– Блин, Козырев, ты будто первый год замужем. Откуда!.. От верблюда! А верблюду дятел нашептал.

– Ну, тогда, значит, это не у него гранаты, а у них дятел не той системы, – подвел итог Козырев.

Оба заржали.

Лишь через пару дней они узнают, что в данном случае пресловутый «дятел» как раз таки шепнул как надо. А вот грузчики, наоборот, облажались. Правда, к «семь-три-седьмому» экипажу никаких претензий быть не могло – прокол случился у смены, стоявшей на Сиреневом в ночном. А летняя ночь в Питере, если кто не знает, даром что белой прозывается, а на самом деле и в ней есть темная фаза, хотя и не столь продолжительная, как в других местах. К тому же и ночные температуры дневным не чета. Вот потому-то малость и схалтурил экипаж «семь-три-второго», каких-то пару часов протусовавшийся полным составом в теплом салоне оперативной «десятки». Опять же для перекуса самое время – здесь, на Сиреневом, бывшая Пельше, на этой местной Кудыкиной горе, только чужие в такую пору шастают.

Вот он и пришастал. Правда, совсем не с той стороны, откуда его ждали. Вызвонил покупатель хозяина по мобиле, да и подошел тихонько к его балкончику. Продавец, благо всего второй этаж, вниз на веревочке сумку спустил, а вот наверх уже денюжку, аккуратненько так, втянул. Кстати сказать, в этот самый момент бригадир «семь-три-второго» Женя Рогожин ни с того ни с сего вдруг бутербродом с колбасой подавился. Кто знает, может, то знак был свыше, ну да «грузчики» в основной массе своей народ неверующий, а посему правильно истолковать его не смогли. Ну а на рассвете они снова по своим точкам разбрелись, а вскоре и вовсе новой смене пост передали и со спокойной совестью укатили отсыпаться. Вот вам и весь сказ. Немудрена история – таких в наружке много случается. Всех и не упомнишь.

– М-да, тоска, Анфиса.

– Тоска, Раиса, – подтвердил Козырев.

– Черт с ним, с покупателем. Хоть бы сам объект на свет, вернее, на Просвет божий выглянул. За пол-литрой там в магазин смотался. Или к бабе в гости. Все какая-то движуха.

– Или кота закопал, – как вариант предложил Паша.

– Или кота, – равнодушно согласился с ним бригадир.

Историю «за кота» в свое время Каргину по пьяни рассказал эфэсбэшный куратор наружки. Со слов старого чекиста, в свое время очень много хлопот питерским комитетчикам доставлял атташе по культуре консульства Франции. В КГБ откуда-то узнали, что дипломат занимается шпионской деятельностью, а посему решили во что бы то ни стало эту деятельность пресечь. Но иностранец держался настороже и не давал им для этого ни малейшего повода. За французом и его русской подругой была установлена постоянная слежка. И вот однажды на видеокамеру удалось заснять, как парочка посреди ночи выходит из дома, направляется в ближайший детский садик и что-то закапывает на его территории. Утром опергруппа выехала на место, произвела раскопки и обнаружила... труп кота. Чекистов, понятное дело, охватила легкая грусть. Однако их начальник, напротив, обрадовался страшно. Ведь, похоронив животное в неполюженном месте, иностранец совершил на территории Российской Федерации административное правонарушение! В общем, МИД честь по чести направил в консульство Франции соответствующее представление, и в результате шпиону-дипломату все-таки пришлось покинуть нашу страну.

– ...Все, Пашка, больше я жрать не могу, – сказал Каргин, вставая и отряхиваясь. – Пойду ноги разомну. Сменю пацанов по очереди, пусть тоже похавают. А то вон Юрка, поди, совсем на слюну изошел, на нас гляючи.

– Давай, гони его сюда. У меня в машине сыр остался и полбатона со вчерашнего лежит.

– Ага, как же, будут они черствый батон жрать! Это ж новое поколение. Им шаверму подавай. На крайняк – хот-дог. Как говорится, скажи мне, что ты ешь, и я скажу, кто ты.

– Не, скорее: «...и я скажу, сколько ты получаешь», – поправил Козырев.

– Да ты, брат, философ! Так, глядишь, я скоро за тобой записывать начну.

– Ты бы меня лучше на премию квартальную записал...

– Во, я про то и говорю – натуральный философ! Какая премия, Пал Андреич, побойтесь Бога? У нас в минувшем квартале по установленным связям «минус двенадцать», а по уликовым – «минут семь».

– Выходит, плохо молодежь учите, товарищ бригадир.

– Угу, выучил одного такого на свою голову.

– И что?

– А то, что хамит старшему без зазрения совести. Видать, забыл народную наружную мудрость...

– Это какую?

– А такую, что «не спорь с начальством – денег не будет»... Все, Паш, хорош. Я к ребятам, а ты пока прибири этот наш срач – неудобно как-то. Может, нам еще и завтра здесь пасть придется.

– Типун тебе на язык.

– Типун не типун, а что-то не нравится мне эта пьеса в трех актах без антрактов...

Козырев собрал остатки импровизированного караван-сарая, убрал в багажник и нырнул в салон на раскалившееся водительское сиденье. Закурил, глянул на часы – оказывается, больше половины смены они уже отработали. Вернее, отмучились. Паша терпеть не мог подобную «стоячую» работу – в такие дни время тянулось как резиновое. А если и случалась под конец какая-то веселая карусель, то, как правило, заканчивалась она паручасовым зависанием. А за переработанные часы платить в конторе исторически было не принято. Да и не в этих копейках дело – просто всякий раз рушились какие-то личные планы, летели к черту былые договоренности, срывались встречи. Это ведь только Светка Лебедева да Лямин могли понять, войти в положение, потому как были свои. (Плюс Михалева, хотя

это и грубое нарушение всех существующих на сей счет инструкций.) Всем же остальным приходилось что-то врать, что-то такое выдумывать...

А вот Лямин вспомнился совсем некстати. «Через час будет, гад такой, сидеть в обитом бархатом кресле и черную икру вискарем запивать, – подумалось Паше. – Причем наверняка устроится где-нить рядом с Полиной. И будут они дружески болтать, хохотать. А то и начнут перебивать косточки ему, Козыреву. Почему бы и нет, собственно?» И хотя в данном случае Лямка был абсолютно не виноват («Его пригласили – он и пошел. Точно так же и тебя, дурака, приглашали – если б захотел, поменялся сменами и тоже поехал, ведь так?»), в эту минуту зол был на него Паша до неприличия. Хорошо еще, что от черных завистливых мыслей обратно на землю его очень скоро спустил неожиданный и резкий хрип станции...

Экипаж запрашивал дежурный с «центральной усадьбы», а, как известно, в рабочее время от него редко можно услышать что-нибудь хорошее.

– «Семь-три-сдьмой», «семь-три-сдьмой», ответьте центральному диспетчеру!

– На приеме «семь-три-сдьмой», – откликнулся Козырев, слегка подкручивая ручку громкости и одновременно заглушая неуставные УКВ-шные рок-н-рольные волны.

– Ваша настроечка?

– На складе.

– Понял вас. Для вас выписана новая путевочка. Снимайтесь со склада и направляйтесь в Кавголово.

– Ку-уда?

– В Кавголово. А бригадиру срочно отзвониться в контору «семь-ноль-сдьмому».

– Ну вот, блин, накаркал, – не выдержав, ругнулся Паша.

– Что? – немедленно откликнулся диспетчер.

– Я говорю, «семь-три-сдьмой» понял вас. Нам в Кавголово и отзвониться.

– Срочно отзвониться!

«Да в курсе я, в курсе... У вас, ежели что приспичит, так всегда все срочно».

* * *

Полина Ольховская второй час прихорашивалась перед зеркалом. В данную минуту она попеременно одергивала то юбку, то пиджак новенького кремового костюмчика, стоимость которого превышала ее былую ментовскую зарплату месяца эдак за три. Но совсем не деньги, выложенные Ладониным в мерцающем витринами бутике за кремовую шмотку, сейчас волновали и злили Полину. Настроение было скверным – то, что в миру обычно именуют как «не радует». А посему она в очередной раз одернула юбку и, не сдержавшись, ударила себя кулаком по бедру.

– Прекрасно выглядишь. – Ладонин, заглянувший в спальню, сделал вид, что не заметил ее раздражения. – Ты случайно не знаешь, где мои запонки? Ну те, зеленые?..

Полину всегда удивляло и даже немного раздражало паталогическое пристрастие ее мужчины к старомодным заклепкам, коих у него скопилось целая шкатулка. О существовании «сокровищницы» она узнала лишь через пару месяцев совместного проживания с Ладониным, когда нечаянно столкнула ее с заваленной ворохом галстуков полочки в гардеробе. Реакция Игоря, который до той поры не то что не кричал, а даже не повышал на нее голоса, на сей малозначительный факт оказалась совершенно непредсказуемой. Разразилась настоящая буря, причем, по мнению Полины, буря в стакане воды.

На этот раз она заставила себя улыбнуться и покорно нашла нужные запонки. Приладив их к манжетам, Ладонин поинтересовался:

– Ну что, пошли?

Полина вернулась к зеркалу и снова одернула юбку.

– Может, надеть что-то другое?

– А, по-моему, тебе очень идет. Ты же сама выбирала.

Игорь в полном обмундировании стоял в дверях спальни. Он повернул к себе Полину, убрал ей за ухо локон, а потом тихонечко подул в глаза. Полина зажмурилась, ожидая поцелуя, однако Ладонин всего лишь наклонился и прошептал:

– Солнце мое, я все понимаю. Дело не в costume, а просто ты ищешь причину не идти. Но и ты пойми – там будут мои партнеры по бизнесу и разные нужные люди. Они придут поздравить меня с днем рождения. Придут с женами. Большинство из них лично мне так же неприятны, как и тебе. Но общение с ними – тоже часть моей работы. Назвался щепнем – полезай в кузов.

Полина открыла глаза и отвернулась. Игорь, как всегда, был прав: перспектива провести пять-шесть часов с женами «партнеров по бизнесу» ей совсем не улыбалась. Она не умела говорить о последних веяниях в моде, о том, как трудно в наше время найти хорошую домработницу и в чем прелесть новой книжки Оксаны Робски. В свою очередь, и они вряд ли стали бы внимать рассказам Полины. К примеру, о трудностях жизни «грузчиков». Это по первости она ненадолго купилась на открытые белозубые улыбки и участие в ее судьбе («...у меня есть отличная портниха, я дам вам ее телефон», «не ешьте этот сыр, от него полнеешь...»), но любые попытки наладить отношения вне ресторанных сборищ наталкивались на равнодушное «давайте созвонимся позже». За свою этот пул ее долгое время не принимал – присматривался. А потом и ей самой надоело заискивать перед напыщенной, чопорной и не самой приятной публикой. С этого момента Ольховской все сложнее удавалось сохранить на лице веселую, беззаботную улыбку. Причем в минуты подобного вынужденного «гримасничанья» ей все чаще казалось, что бесценные минуты ее жизни утекают сквозь пальцы.

Меж тем Ладонин продолжал увещевать, и Полине стало стыдно: все-таки это был его праздник, а она вела себя как «большой нехочуха». Она улыбнулась ему как можно шире:

– Подашь мне плащик?

Пока Ладонин ходил за плащом, Ольховская еще раз осмотрела себя в зеркале. «Поправилась на барских харчах, вот и животик появился», – снова оправляя юбку, подумала она. От последней мысли сердце подскочило и тут же бухнулось в самый низ живота. Думать о ребенке сейчас было никак нельзя.

Последние полгода они с Ладониным усиленно «работали» в этом направлении. Однако ничего не получалось. Какое-то время Полина усиленно грешила на себя: мол, вот они, результаты двух аборт. Но затем случайно застигнутый печально-укоризненный ладонинский взгляд заставила ее тайком от мужа обратиться к врачу. Результаты обследования обрадовали и опечалили одновременно. Вердикт медиков был однозначен: с репродуктивной функцией у нее все в порядке. «Приводите мужа», – прощаясь у дверей клиники, констатировал седовласый еврей-гинеколог.

Представить Ладонина посещающим врача и проходящим унизительную процедуру сдачи всевозможных анализов было практически нереально, поэтому Полина всякий раз откладывала процедуру обстоятельного серьезного разговора. Вот и теперь, вспомнив о неприятном, она лишь качнула головой, словно вытряхивая из головы мысли, как труху из старого мешка, и вышла вслед за мужем в коридор их необъятной и все еще до конца не обжитой квартиры.

В машине они долго молчали. Поскольку Ладонин планировал сегодня пропустить пару рюмочек, он вызвал Севку, а говорить по душам при постороннем ни он, ни она не хотели. И все-таки хоть о чем-то поговорить следовало. Ладонину не нравилось ее настроение, и он решил приободрить Полину, огорошив новостью:

– Вообще-то, я хотел сделать тебе сюрприз по приезду на место, но, пожалуй, скажу сейчас.

– Считай, что я вся дрожу от предвкушения, – усмехнулась Полина, мысленно приготовившись получить в подарок очередную ювелирную цапку, коих за последнее время у нее накопилось не меньше ладонинских запонок.

– Я пригласил на эту вечеринку Лямку с супругой.

– Игорь – ты прелесть! – по-ребячьи взвизгнула Полина.

Она захлопала в ладоши и чмокнула Игоря в щеку.

– Он, правда, долго отнекивался, – продолжил Ладонин, явно гордясь произведенным на Полину эффектом, – говорил, что у него нет соответствующего банкирского наряда. Ну, ты же знаешь Лямку... А потом долго выспрашивал, чего именно мне не хватает в моей коммерчески успешной жизни. В конце концов, мы договорились, что подарить человеку, у которого есть все, вернее, почти все, можно только сильную эмоцию.

– Какую же?..

– А ту самую эмоцию, которую только что подарила мне ты.

Полина прижалась к Ладонину. Именно в такие, не столь уж и частые минуты она понимала, как сильно к нему привязана. Наверное, это и есть любовь. Вернее, то, что осталось у нее от той Большой и Настоящей Любви, на которую она когда-то была способна. Тем более что любая нормальная женщина хочет быть именно что за мужем, а не замужем. В «среднем по стране» – за мужчинами. Но, увы-увы, как это ни прискорбно, статистика впечатлений и наблюдений говорит об обратном. И как раз Ладонин в данном случае был редким по нынешним временам исключением из правил.

Игорь был из той породы мужиков, отношение к дамам которых заключалось не в мимозах разного калибра на Восьмое марта, а в уверенности женщин, что: им всегда уступят место («даже» в трамвае); в рыло хаму всегда заедут, если он оскорбит; им всегда купят «помаду» на «последнюю бутылку»; им всегда... А ведь подобное отношение мужчин к миру, по сути, и есть нравственная температура общества. При таких установках даже пресловутое Восьмое марта становится особенным. А без мужчин с нормальной буквы государственный праздник имени Клары Цеткин становится армейским положняком, на котором мужики имеют право нализаться и потребовать доставки домой на руках тех, кто в силах остановить коня.

– ...Кстати, я просил ребят захватить с собой и Козырева, но он, со слов Лямки, сегодня работает в вечернюю смену. Скорее всего, соврал, ну да чего уж теперь...

– А почему ты решил, что Пашка соврал? – насторожилась Полина.

– Да потому что он меня на дух не переносит. Наверняка ждет не дождется, когда меня пристрелят. Или когда я сам дуба дам. Но вот хрен ему – не дождется.

– Игорь, как ты можешь?!

– Ой, слушай, вот только не надо затягивать «наговариваете вы на собачку» и прочую подобную муру. А то ты не в курсе, что я для него так и числюсь в соперниках и персональных врагах? Этакий негодяй и подонок: сначала втерся в доверие, а затем отбил, по его мнению, Его девушку. И ладно, если так. В смысле, хорошо, если «отбил», а не, скажем, «купил». В противном случае с его стороны имеет место явное неуважение к суду. Ведь, надеюсь, все ж таки «она его за муки полюбила», а? – дурашливо усмехнулся Ладонин и теперь уже сам попытался притянуть Полину к себе.

– Ага, «а он воспользовался тем, что она в дым», – невесело отшутилась та и уткнулась носом в его плечо. Не из-за проявления схожих чувств, а, скорее, чтобы в эту минуту Ладонин не смог разглядеть выражения ее лица.

Ольховская в очередной раз вынуждена была признать, что Игорь прав. И вот эта-то извечная его правота, проявлявшаяся даже в самых незначительных мелочах, порой раздра-

жала больше всего. Но что касается Пашки, то на самом деле все так и было. Последний раз они случайно столкнулись на Невском пару месяцев назад. «Привет-привет, пока-пока...» Несколько ничего не значащих фраз. За две-три минуты «общения» он так и не смог посмотреть ей в глаза. Да и сама Полина не смогла заставить себя прикоснуться к нему, взять за руку, сказать что-то настоящее, единственно правильное... Вовсе необязательное ныне упоминание о Козыреве немедленно навеяло дурацкую песенку, которую Полина однажды мельком выцепила из какого-то российского фильма девяностых и с тех пор частенько напевала в минуты душевной депрессии: «Мама, мама, я пропала, меня любят кто попало...»

Вот с такими, не очень-то веселыми мыслями Полина и вошла под руку с Ладониным в сверкающий холл модного ресторана «Палкинъ», погрузившись в то, что одни называют суетой, другие – понтами, а третьи – настоящей жизнью.

Глава третья

Вот так и жили, что называется, душа в душу: она заваривала кашу, а он ее расхлебывал.

ЛН

Козырев вел машину уверенно-резво, но при этом без особого фанатизма, не нарушая. Вернее сказать – почти не нарушая. К примеру, на Токсовском шоссе загородное направление оставалось довольно плотно забитым, так что пару раз все-таки пришлось злоупотребить, выскочив на встречу. Между тем из полученных от руководства новых вводных отнюдь не вытекало однозначное указание непременно заниматься «членовредительством». Посему рвать в служебном рвении жилы и шины не собирались ни Козырев, ни сидевший на первой парте бригадир. Сто к одному – подобного подвига с их стороны все равно бы никто не заметил и не оценил.

Комфортно развалившиеся на задней парте «грузчики» Юра Хыжняк и Леня Стрепетов по прозвищу Балтика-три насупленно разглядывали несущиеся навстречу окрестные пейзажи. Их лица, а в большей степени желудки, так и не познавшие сомнительной радости вкушения арабской пищи, были печальны. Минут двадцать назад оба гордо отказались от предложенных Козыревым колбасы и остатков батона, но только сейчас осознали, что явно погорячились.

Свою кличку Балтика-три Стрепетов заработал уже на вторую неделю службы. Причем заработал при весьма забавных обстоятельствах. Дело в том, что на практике милицейским «грузчикам» довольно редко удается сталкиваться по работе нос к носу со своими коллегами из конкурирующей фирмы – наружки ФСБ. Слишком уж разные у них и задачи, и клиенты. Однако Лене Стрепетову в этом смысле повезло.

В тот день «семь-три-седьмой» принял из дома объект – директора агентства недвижимости – и привычным маршрутом дотащил его до офиса в Ковенском переулке. Поскольку работали за директором уже четвертый день кряду, распорядок дня объекта «грузчикам» был примерно известен. По крайней мере каждое утро, по приезде в агентство, тот собирал в своем кабинете рабочее совещание, которое всякий раз длилось не меньше часа. И этот час запланированного простоя «грузчики» использовали для бизнес-ланча в кафешке на Маяковского: сначала на тридцать минут отлучались бригадир и механик, затем шла завтракать пехота.

По причине случившейся накануне получки Юра и Леня заказали нетипично красиво. Помимо традиционной солянки, позволили себе еще и мясо, а искуситель Стрепетов вдобавок заказал две бутылки «Балтики». Будучи заядлым пивоманом, живущим под девизом «Как это так: счастье есть, а пива нет???»), разливное он брал исключительно в проверенных, знакомых заведениях. И хотя употребление сего хмельного напитка в рабочее время реально грозило всевозможными карами и лишениями со стороны проверяющих (да и бригадир, в зависимости от настроения, мог взбрыкнуть), в ответ на вялые протесты Хыжняка Леня пообещал снабдить товарища чудодейственным препаратом «Антиполицай».

И надо ж такому случиться, что именно сегодня в размеренном поведении объекта случился сбой. Едва ребята приступили ко второму блюду, как одновременно у обоих голосом Паши Козырева заголосили станции:

– Грузчики «семь-три-седьмого», кончаем перекур. Принимаем груз. Срочно выдвигаться на склад.

– Юрка, счет проси!.. – в легкой панике подскочил Стрепетов, для которого такого рода грузчицкие стрессы пока были еще в диковинку. – Я сейчас.

– Куда?! – целиком заглывая только что принесенный официанткой кусман свиньи, прошамкал Хыжняк.

– В сортир. А то сейчас как потянем в движении. А до следующей стояночки я уже не дотерплю.

– Сдурел?! Отстегнемся ведь! На ходу отольешь.

– Не бойсь, я мигом. Расплачивайся и дуй к нашим. А я догоню.

– Это ты – дуй, – проворчал Хыжняк, сигнализируя официантке...

Когда Леня вернулся из туалета, напарника в зале не было, а столик, за которым они только что сидели, сиял девственной чистотой. Стрепетов рванулся было в сторону выхода, но вдруг, ужаленный внезапным воспоминанием, резко сменил курс и подбежал в стойке бармена:

– А как же?.. Мы ведь тут... Вот только что...

– Все нормально, не волнуйтесь. Ваш приятель расплатился за двоих и ушел.

– А ПИВО НАШЕ?! «БАЛТИКА» ГДЕ?!!

– Извините, официантка уже все убрала.

– Они ведь почти неначатые!!! – простонал Стрепетов и резко толкнул дверь, ведущую в подсобное помещение.

– Молодой человек, стойте!.. Туда нельзя посторонним!

Но Леня уже ворвался на кухню. Распугав тружениц варочного цеха, он в два прыжка очутился у огромного бака с пищевым отходами, в который девушка в стремящемся к белизне халате сваливала остатки их трапезы, прерванной «на самом интересном месте».

– А пиво? – страшным голосом спросил у нее Стрепетов.

Девушка молча показала головой. В ее глазах явственно читался ужас.

– Целехонькое, – с удовлетворением констатировал Лёня и, подмахнув готовившиеся к утилизации бутылки, кинулся на выход. Догонять своих.

Странное дело, но потрепанная вихрями и бурями бледнолицая служебная «пятерка» с характерной антенной на крыше все это время терпеливо ждала Стрепетова буквально в двух шагах от кафе, сразу за углом. Еще более странным оказался тот факт, что «командирское» место пустовало – весь народ отчего-то перебрался на заднюю парту. Но времени анализировать не было: перехватив открытые бутылки в левую руку, правой Леня рванул дверцу, упал на сиденье и, ощущая за собой легкую вину, как можно беззаботнее поинтересовался:

– Ну, чего стоим? Кого ждем?

– Да уж всяко не тебя, мил-человек, – насмешливо отозвался слева водитель, который... Который оказался не совсем Пашей Козыревым. Точнее, совсем не Пашей.

Стрепетов удивленно повернул голову на максимальные сто двадцать: сзади сидели трое. Все – молодые, все – незнакомые, вдобавок один из троих – женского полу. «Как же так? – впадая в ступор, лихорадочно соображал Леня. – Куда делись все?.. И что ЭТИ делают в НАШЕЙ машине?.. Это ведь стопудово наша тачка – и цвет, и антенна, и вообще... Блин, а может, нас захватили?!»

– Слышь, черт безрукый. Ты у меня щас на Фонтанку побежишь.

– Зачем? – машинально спросил Леня.

– Коврики стирать! Гляди, пиво льешь!

– Ой! Извините!

– Скорее, караул!

В этот момент из-под стрепетовской футболки загрохотало на весь салон: «Грузчик „семь-три-седьмого“, твою мать! Где тебя черти носят?»

– Ой! – снова вырвалось у Стрепетова.

– А вот теперь точно – караул! – усмехнулся водитель.

– Ты чего, парень, от своих отстегнулся? – догадалась девушка.

Леня промолчал, памятуя о том, что его принадлежность к негласной службе милиции есть серьезная государственная тайна.

– Володя, сейчас *уголок* по Ковенскому проскочил. Не видел случайно, куда свернули?

– Вроде направо ушли, на Лиговский.

– Попробуй догнать, пока Алексеич не вернулся, – попросила девушка. – Надо помочь человеку.

– Вот еще! Буду я казенный петролеум за просто так на ментов переводить.

– Почему за просто так? – подал голос один из парней. – В знак благодарности коллега поделится с нами пивом. Ведь так?

– Ведь, – подтвердил вконец обалдевший от происходящего Леня и передал назад одну из бутылок.

– Ага, вам, значит, пиво, а мне, как всегда, кукиш на палочке? – продолжал ворчать водила.

– Володька, не будь занудой. Слышишь, как человека склоняют? – Стрепетовская станция действительно продолжала надрываться матами Каргина, а Леня с перепугу напрочь позабыл, как ее перевести в положение вибровывоза. – Давай так: если нагоним, я тебя поцелую.

– Ладно уж, Лидка. Только ради тебя, – согласился водитель Володя и втопил.

«Семь-три-седьмого» они догнали на Лиговке, в районе Перцева дома. Все это время с координатами определялись по настроечке, которую, вперемежку с матюгами, обреченно засылал в молчание радиоэфира Эдик Каргин.

– Так, паря, сейчас мы твоих чутка обгоним и на следующем перекрестке тебя высадим... Во, давай здесь, пока помидор... Все, страус пошел.

– Спасибо, – проямлил Стрепетов, вылезая. – А хотите... Хотите, я вам вторую бутылку тоже отдам?

– Не надо, – засмеялась девушка. – Оставь себе.

– Тем более, чует мое сердце, одной у тебя сегодня явно не обойдется, – хохотнул водитель.

– Почему?

– Да потому что вздрючат тебя сейчас по первое число. И пойдешь ты вечером, после работы, в ближайший кабак стресс запивать, слезою закусывать...

Лихо и явно куражась, «клон» оперативной машины, заложив вираж, перескочил на встречу и помчался в обратную сторону. Оставив стоящего под светофором Леню один на один с мучительным вопросом: «Что это было?»

Меж тем продемонстрированные «летучим голландцем» чудеса на лиговских виражах не могли не привлечь внимания идущего сзади «семь-три-седьмого»:

– Ни фиги себе! Бригадир, видал? Неужели кто-то из наших?

– Не, Паш, это не наши, – внимательно всмотревшись, оценил Каргин. – Это комитетовские развлекаются. Зуб даю.

– А как ты догадался?

– Во-первых, по антенне. Во-вторых, больно борзые. В-третьих... Погоди-погоди... Ну-ка, Паш, притормози немного, только не сильно отпускай...

– Торможу, а чего стряслось-то?

– А вон, зырь, случаем не наш деятель на перекрестке отсвечивает?

– Точно! Ленька! – обрадованно завопил Хыжняк. – Гудните ему. А то он нас не видит.
– Я вот сейчас кому-то так гудну!.. Паш, давай, травы помалу. Подбирай это сокровище.

Только аккуратно – груз из поля зрения не выпускай.

Операция по спасению с одинокой льдины одинокого «челюскинца» завершилась успешно. Стрепетов практически на ходу запрыгнул на заднее сиденье и, захлопнув дверцу, обреченно выдохнул, готовясь к предсказанной неминуемой экзекуции.

– Паша, теперь постарайся подтянуться поближе, а то ни хрена не видать, – приказал бригадир, после чего обернулся к Стрепетову: – Ну и как это прикажете называть, господин грузчик?

– «Балтика», – чуть слышно пискнул Леня, продолжая сжимать в руках злополучную бутылку.

– Какая «Балтика»? – не понял Эдик.

– Три. «Балтика-три». Пиво такое.

– Паш, по-моему, он издевается. Хорошо, разжевываю и сплевываю специально для юннатов. Первое: что у тебя со станцией? Второе: куда ты подевался? И три... тьфу ты... и третье: как ты оказался на Лиговке раньше нас?.. Или в Питере начали варить специальное пиво для спринтеров?

– Я... В общем, я... Короче...

– Стоп! Отвечать четко, кратко и по пунктам: первое-второе-третье. Уяснил?

– Уяснил. Первое – со станцией ничего. Второе – я отстал, а потом немного заблудился.

Третье – меня сюда подвезли.

– Ты что, частника поймал?

– Нет. Меня наши подвезли.

– Какие «наши»?

– Ну наши – «семерошники». На точно такой же машине, как у нас.

– Допустим. И где они сейчас?

– Обрато поехали. Развернулись там, на перекрестке, и поехали. Им, вообще-то, в другую сторону нужно было.

– Ой, мамочка, роди меня обратно!.. Паша, ты слышишь? Этот юный пионер тормознул наружку ФСБ!!!

– А я тебе всегда говорил, что Леня далеко пойдет.

– Ну-ну. Надеюсь, что лично я к тому времени уже успею получить государеву пенсию и этой его пешей прогулки не увижу... Нет, погоди, я все-таки не врубаюсь... То есть ты, Стрепетов, хочешь сказать, что вот так вот, запросто, тормознул оперативный транспорт комитетовской наружки и тебя, за красивые глаза и за здорово живешь, чекисты прокатили с ветерком и с песнями до указанного тобою столба?

– Почему за глаза? – пожал плечами Стрепетов. – За пиво.

– Какое пиво?

– Как какое?! «Балтика-три»! За какого-нибудь там «Степана Разина» или «Толстяка» фиг бы они повезли.

– Леньк, думаешь, чекистам не все равно, что сосать? Тем более на халяву? – поинтересовался Юра.

– Да ты чего?! Одно дело – «Балтика»! А другое... Короче, все остальное.

– Остальное, по-твоему, не пиво, что ли?

– Остальное тоже пиво. Чистейшей воды...

Немая сцена. Под торжественные раскаты симфонической коды занавес медленно опускается. В зале слышатся бурные и продолжительные аплодисменты. Отныне и на веки веков за Стрепетовым закрепляется персональная подпольная кличка Балтика-три. За короткий срок эта байка облетела все Управление. Отныне любой «грузчик» знал: глотнув

«Фанты», согласно рекламе, теоретически можно остановить поезд. А вот отхлебнув «Балтики», вполне можно тормознуть оперативный транспорт ФСБ.

«Нет, сынок, это – не фантастика!»

* * *

– ...Может, по дороге заскочим на озеро, искупаемся? – осторожно закинул удочку Хыжняк, попробовав извлечь хоть какую-то выгоду из крайне незавидного, по мнению оголодавших пехотинцев, положения.

– А может, для тебя еще и девочку на трассе подхватить? – не поворачивая головы, поинтересовался Эдик. – Ты как, «Балтика», поддерживаешь идею с девочками?

– Не, у меня на девочек денег не хватит, – простодушно отозвался Стрепетов.

– Да фигня-вопрос, мы это дело потом по «девятке» спишем, на оперрасходы. Кстати, Паш, неплохая легенда прикрытия для местности, в которую мы направляемся, а? Мол, здарсьте, местные ребятки, мы приехали на блядки...

– Я же серьезно, Эдуард Васильевич, – не сдавался Хыжняк. – Всего-то на пять минут. Все равно тема терпит, да и не узнает никто. А то я в этом сезоне еще ни разу не купался. Да и Ленька тоже. Обидно ведь.

– А то, что ты в этом сезоне еще ни одной связи не установил, мне, думаешь, не обидно? – мгновенно закипел бригадир. – Нет, ну ты только погляди на него, Пашка! Ему, видите ли, обидно!.. А тема, которая, заметь, связана с похищением человека, так она, по его скудоумному мнению, видите ли, «терпит»!

– Да он просто так предложил, не подумав... – попытался вступить за товарища Балтика-три.

– Ах, он «просто», он «не подумав»!!! То есть вы решили, что бригадира, которого из-за таких вот моромоев дрючат на каждом совещании, в придачу ко всему можно еще и грузить всякой бессознательной хренью?!..

Несчастный Хыжняк вжался в сиденье, проклиная себя за неосторожно выброшенную в воздух салона идею. Он не мог знать, что на самом деле и бригадир пребывал в столь же паршивом настроении, а следовательно, и ему элементарно требовалось выпустить пар. В ходе телефонного общения с руководством Каргин быстро смекнул, что новое, столь невнятно сформулированное задание было продиктовано отнюдь не соображениями целесообразности. Оно понятно, что тема серьезна и требовала немедленной оперативной отработки, – давненько в Питере не случалось преступлений, связанных с похищением людей. Вот только была это явно не их тема, не наружки. Проверить на месте одну, с колес родившуюся рабочую версию мог любой оперативник. Это – элементарно, это азбука. Тем паче у городских, в отличие от них, «нелегалов», возможностей и полномочий на порядок больше. Вот только... «Аполитично рассуждаешь, товарищ Каргин!»

Дело в том, что новый замначальника ОПУ, неприлично молодой, а потому все еще ретивый, как конь, майор Безмылов обладал особым чутьем на любые изменения «конъюнктуры рынка». Как следствие, по ключевым, с его точки зрения, вопросам он придерживался совершенно противоположного от своих подчиненных мнения. Сделав ставку на тотальный пиар якобы феноменальных возможностей Управления, Безмылов готов был, по выражению классика, «извертеться на пупе», лишь бы протолкнуться в генералитет с любой, даже самой бредовой инициативой. Понятно, что при этом он ничего не терял, так как в случае царственной отмашки исполнителями назначались совершенно другие люди, за счет которых он, Безмылов, собственно говоря, самоутверждался и невольно становился известен в не столь уж узких кругах милицейского руководства. Вообще-то, в милиции выскочек не особо жаловали, но тут ведь весь вопрос в подаче. А подать себя Андрей Сергеевич умел – не случайно

за каких-то восемь лет совершил головокружительное восхождение с рядовых «грузчиков» до должности замначальника Управления. И это притом, что в «конторе» имелось немало куда более достойных людей, как в профессиональном, так и в общечеловеческом плане. Но не зря же в народе говорят: «Порожний колос выше стоит».

Именно Безмылову, вошедшему на правах ответственного от руководства в рабочую группу по вызволению Леночки Капраловой, принадлежало авторство идеи отправить в Кавголово экипаж наружки. И так уж вышло, что географически именно «семь-три-седьмой» в этот субботний день держал самую северную, а следовательно, самую близкую к месту точку. Будучи человеком здравомыслящим, Андрей Сергеевич отдавал себе отчет, что шансы его людей на успех, мягко говоря, невелики. Но ведь всякое в этой жизни бывает. Вдруг да и... Тьфу-тьфу, чтоб не сглазить.

Естественно, ничего этого «грузчики» «семь-три-седьмого» не знали и, по определению, знать не могли. Но вот бригадир интуитивно о чем-то подобном догадывался. Потому, собственно, в данный момент и был зол. Потому, соответственно, и отругал несчастного Хыжняка. Какое, на фиг, купание?! При таких раскладах даже невинная фраза: «Паша, притормози где-нибудь у кустиков, отлить хочется – сил нет», – и та, скорее всего, сработала бы в качестве детонатора. Это в обычное время в ответ на подобную реплику Каргин обязательно процитировал бы свою любимую прибаутку: «Пейте дети молоко – туалет недалеко», – но только не теперь. Нет, похоже, не врут в газетах астрологи-уфологи – солнечная активность нынче как-то по-особенному активна.

Между тем Эдик продолжал живодерствовать:

– Значит, так, ловите ушами моих слов, господин Хыжняк. Тебя, Балтика, это тоже касается!.. Если в течение ближайшей недели каждый из вас не сделает по три уликовых и по три же опознавательных, то я лично проведу с вами семинар на тему «Удивительное рядом». И, поверьте, в таком случае у вас вообще пропадет охота открывать в текущем году купальный сезон. Потому что...

– Кавголово, бригадир, приехали, – очень вовремя разрядил грозовую ситуацию в экипаже Козырев. – Куда дальше?

– Улица 2-я Садовая, дом полста семь, – сверился с записями в блокноте Эдик.

– Это где такая?..

– А я почему знаю? Кто у нас оперативный водитель – ты или я?!

– Водитель-то я, вот только крупномасштабного плана поселка Кавголово у меня, уж извиняйте, нет. Мы с утра сюда вроде как не собирались...

– И очень плохо, что нет. Значит, тормози и определяйся с привязкой на местности у населения. Или ты считаешь, что это тоже моя работа?

Ну вот, теперь и Козырев перестал быть «белой вороной» – с этой минуты раздражение бригадира перекинулось на всех членов экипажа без исключения. Все правильно: от любви до ненависти...

– Вторая Садовая – это третий поворот направо, – подал голос Хыжняк. – Я знаю, у меня там рядом друзья дачу снимают.

– Слышал, Паша, какие у него друзья крутые? Надо бы в ОСБ сообщить, пусть поинтересуются, – немного успокаиваясь, шуткнул Каргин. – Ладно, давай за вторым направо уходи. Проверим версию нашего «краевода»...

Версия «краевода» оказалась состоятельной. Тем самым Юра слегка подчистил свою карму, еще недавно упавшую ниже плохо приклеенного плитуса.

Искомый дом, сокрытый с парадной стороны улицы неслабым двухметровым забором, оказался на местной street последним. Что само по себе, с «рабочей» точки зрения, было

очень даже неплохо. Далее дорога уводила в глубь куцей березовой рощицы, что, опять-таки с позиций наружки, было очень даже кстати.

Именно сюда в режиме «самый-малый-стоп» Паша и зарулил, углубившись в рощицу метров на пятьдесят. Здесь он прижался к тому, что на серьезных трассах называют обочиной, и заглушил мотор.

– Ша, народ, приехали. Просьба провожающим освободить вагоны, а пассажирам занять свои места.

– Значит, так, орлы! – скомандовал Каргин. – Установка такова: по оперативной информации (особо подчеркиваю – по оперативной) в данный момент в доме № 57 может удерживаться Елена Капралова, семнадцати лет от роду, которую накануне похитили неизвестные. Наша задача – организовать наблюдение за домом и в случае обнаружения фактов, указывающих на присутствие девушки в доме, сигнализировать руководству и продолжать наблюдение вплоть до прибытия оперативной группы либо сменного экипажа. Вопросы?

– А как она выглядит? Фотка или хотя бы словесный портрет есть? – деловито осведомился Хыжняк.

– Юра, твою мать! Мы работаем срочную, какая, на фиг, фотка, где я тебе ее раздобуду, а? Русским языком объяснил: семнадцать лет! Ты что, не можешь отличить тетку или старуху от девицы? Короче, еще раз: наблюдаем, фиксируем что-то похожее, запоминаем приметы, передаем. Там согласовывают, сличают. В случае портретной схожести – продолжаем наблюдение за домом. Ясно?

– Ясно, – покорно кивнул Юра. – Только как наблюдать-то? Забор под два метра, со стороны разве что один чердак и видно.

– Знаю, на зрение пока не жалуюсь. Посему ты устраиваешь наблюдательный пункт во-он там, на дереве.

– Где?!

– На дереве, Юрий, на сосне. Но если лично тебе больше нравятся, к примеру, березы, то принципиальных возражений с моей стороны не будет. Ну а мы с Балтикой пройдемся по задворкам. Чем черт не шутит, может, с тыльной стороны у этой крепости найдутся какие-то бреши. Все, двинули... Паша, развернись, передай настроечку и будь постоянно на связи. Если с Центра поступят какие-то уточнения, передавай немедленно.

Синхронно испутив многозначительный тяжелый вздох, молодежь вылезла из салона.

– Юрка, ты, на ветвях сидючи, замаскируйся как-то, что ли, – напутствовал Хыжняк Козырев. – Вдруг у них там контрнаблюдение со снайпером выставлено? Получится как в «Бумбараше»: «Не в тебя я стреляю, а во вредное донесение, которое в тебе».

– Ты мне личный состав не пугай, – одернул его Эдик. – А то не ровен час грохнется с перепугу. Юрец, надеюсь, высоты не боишься?

– Я ничего не боюсь, – насупленно отозвался Хыжняк.

– Вот я и говорю, орел. Вернее, кукушечка ты наша...

Каргин вернулся к машине минут через пятнадцать. Он достал из-под сиденья бутылку минералки и в один присест отпил больше половины.

– Ну как там? – поинтересовался Паша.

– Дохляк полный! Вот ведь научились, собаки, заборы ставить. Штакетник так плотно сбит, что ни малейшего просвета – между досок даже спичку не просунуть.

– Значит, есть что прятать от посторонних глаз.

– Или просто денег у людей до хрена. Знаешь, сколько такая доска стоит? Семь тысяч рублей куб. А они ее на забор пустили, да еще и сплошняком. Видел бы мой тесть – точно инфарктей хватил... Но, между прочим, в доме кто-то есть.

– С чего ты взял?

– Там, рядом с домом, в низинке, земля до сих пор сырая. Так следы протектора, ведущие во двор, есть, а обратно – нет.

– Ну, ты прям Зоркий Сокол!.. Шерлок Холмс!..

– Ага, Херлок... Кстати, о тачках. Хыжняк-то на ветвях сидит?

– Сидит. Вон он торчит, видишь, где береза с кривым стволом?

– Вижу. Именно что торчит.

Эдик нажал тангенту радиостанции:

– «Семь-девятый», «семь-девятый», кукушечка, что там у тебя на линии огня деется?

Доложи обстановочку.

– Говорит «семь-девятый». Все тихо, Эдуард Васильевич, во дворе все это время никто не появлялся. Дверь в дом закрыта, на окнах первого этажа ставни, тоже закрыты. Правда, запахнута форточка в окне чердака. Короче, никакой движухи. Пока все.

– А все ли? Ты хорошо посмотрел?

– Ах да, еще машина во дворе стоит, синий «Пежо».

– Ну наконец-то. Соизволил увидеть и родить. Давай-ка выпиши квитанцию этой самой «Пежо», да чтобы контейнера потом можно было нормально опознать, а не как в прошлый раз, с микроскопом.

– Ой, а я не могу сфотогра... вернее, квитанцию выписать – мне нечем. Я сейчас спущусь и возьму.

– Ты что там, без длиннофокусной?

– Но вы же не говорили, что надо будет с дерева снимать.

– А ты сам, своими бараньими мозгами дотумкать не мог? – завопил Каргин. – На хрен ты тогда вообще туда полез?

– Так это... наблюдать, – после некоторых раздумий выдал «семь-девятый».

– Блин, Козырев, нет, ну ты видишь, с кем приходится работать?! Слушай, дай сигарету, пока я не взорвался, как триста тонн тротила.

Паша протянул пачку, и бригадир нервно закурил, предварительно сломав о коробок пару спичек.

– Так мне слезать? – «Сидящий на ветвях» Хыжняк явно не понимал, чего от него хотят.

– Ты у меня там теперь до заката просидишь. «Семь-девятый», как понял?

– Понял, сидеть до заката.

– Паша, будь другом, запроси настроечку Балтики, а то у меня в этих лесах что-то прием хреновый. Ни черта не слышу – одни всхлипы.

– А может, это Хыжняк на дереве плачет? – усмехнулся Козырев и принялся сканировать эфир. – «Семь-восьмой», «семь-восьмой», ответ «семь-три-седьмому». Твоя настроечка?..

– Я в районе полста первого дома, рядом с водоколонкой, на качелях. Со склада никто не выходил.

– Та-ак, замечательно, – прокомментировал услышанное Эдик. – Один на дереве, другой на качелях. А что, нормально устроились ребята, а?

Он отшвырнул скуренный до фильтра бычок и тщательно втоптал его в песок.

– Всё, эта тема меня уже задрала. Как говорится, не вынесла душа поэта сначала то, потом вот это. Придется перейти к активным действиям, а для этого в очередной раз оставить законную супругу без законного подарка.

– В смысле?

– В том смысле, что у нас сегодня семейное торжество. Типа девять лет совместной жизни строгого режима. Да и ладно, не жизнь и была...

Произнеся эту загадочную фразу, Каргин наклонился в салон, достал с заднего сиденья свою сумку и вытащил из нее маленькую коробочку. Судя по окраске, ее содержимое

было явно парфюмерно-гигиенического назначения. Он сунул коробочку в карман, зачем-то взлохматил волосы, повесил на плечо рабочую сумку с фотомоделью и, ничего не объясняя, снова отправился в поселок.

На подходе к неприступному дому бригадир срисовал взглядом Балтику-три, который и вправду старательно качался на качелях неподалеку от склада. По-видимому, играл легенду «беззаботный дачник». «Н-да, детский сад на выезде, – недобро констатировал Эдик. – Хоть бы кто из местных высунулся да наkostenял тебе по шее за эксплуатацию дитячьего имущества. Всяко впрямь наука».

Каргин вразвалочку подошел к железной, наглухо закрытой калитке и, чутка потоптавшись перед ней, нажал кнопку звонка. Прислушался и, убедившись, что трель сигнала добралась и услышана в доме, позвонил снова. На сей раз более решительно, типа по-свойски.

«Ну же, черти, подайте голос! Пообщайтесь с папочкой, что вам стоит?» – раздраженно бормотал Эдик, давя на кнопку звонка в третий, в четвертый, в пятый раз...

Наконец, покровителю оперативно-поисковых служб Двудликому Янусу угодно было услышать стенания бригадира. Дверь в доме открылась, о чем Каргину немедленно сигнализировал возбужденный, хриловато-далекий голос «семь-девятого»:

– Эдуард Васильевич! Выходит, мужик из дома выходит! К вам идет!!!

– Понял тебя. Теперь – заткнись, пожалуйста. Ша, народ, всем в эфире – молчать! – прошипел Эдик и для подстраховки перевел носимую станцию в режим вызова.

Шаги во дворе зазвучали отчетливее. Похоже, мужик сдался и все-таки решил поинтересоваться, кого там черти принесли. Опять же – слишком настырно трезвонят. А нервы, они, чай, не казенные.

– Кто там? – Вопрос с той стороны калитки был задан, мягко говоря, недружелюбно.

– Слышь, сосед, открой, дело есть.

– Чего надо?

– Дело, говорю, есть. На сто рублей. Шучу – всего на полтинник. Выручай, по-соседски, а?

Щелкнул замок, калитка с легким скрипом приоткрылась, и в образовавшуюся щель осторожно выглянул молодой брюнетистый парень. Из всей одежды на нем были лишь цветастые бермуды, резиновые шлепанцы и цепочка желтого металла с подвеской в виде черепашки с костями.

– Ну?!

– Слушай, братан, выручай. Трубы горят, мочи нет. Короче, сам понимаешь... Вот, купи своей бабе, а? Вещь классная! – Эдик сунул руку в карман и едва не вытащил на свет божий вместе с цветной коробочкой тангенту радиостанции.

– Это чё за фигня?

– Эта «фигня», между прочим, в магазине четыреста рублей стоит. Парфюм, французский.

– Как же, французский. Небось в местном сельпо разливают.

– Сосед, да ты чё? Читать умеешь? Видишь, написано: «Ланкоме». Товар запечатан, даже чек есть.

Возмущение мнимого соседа было настолько искренним, что парень невольно заколебался. Увидев, что тот дал слаbinу, Каргин пошел на окончательный штурм:

– Меня Семеном зовут, меня все Кавголово знает. Хочешь, пойдем в любой дом, на твой выбор, и сам спросишь, было ли такое, чтоб Семен кому-нибудь фуфло втюхал. А ну пошли!..

С этими словами бригадир схватил парня за рукав, но тот брезгливо высвободился:

– Отвали. Никуда я не пойду.

– Братан, всего полтинник прошу. Если денег нет, могу бутылкой взять. Выручай, по-соседски. Если когда понадобится баньку срубить, колодец выкопать, я ж всегда... Ты ко мне по-человечески, и я к тебе по-человечески. Выручай!

– Ладно, давай сюда свой парфюм. Пойду узнаю.

– Не-а, сосед, ты уж извини. Семен никогда никого не обманывал, но вот его в жизни сплошь и рядом кидали. Давай бутылку в залог и нюхай сколько влезет.

Окончательно сообразив, что назойливый сосед все равно по добру не отстанет, парень сплюнул, дал команду ждать и захлопнул перед носом Каргина железную калитку. Прикинув, когда тот отойдет на достаточное расстояние, бригадир снова включил станцию:

– «Семь-девятый», Юра, кукушечка, что там у нас происходит?

– Возвращается в дом, Эдуард Васильевич... Поднимается на крыльцо, заходит в дом...

– Дверь за собой закрыл?

– Что? Дверь? Нет, не закрыл... Выходят, Эдуард Васильевич, двое выходят. Он и девка молодая. В вашу сторону идут.

– Понял. Всё, молчим дальше. Отбой связи...

Снова скрипнула калитка, и пред очами местного жителя Семена предстали двое – давешний парень в прикрывающих муды бермудах и девица в измятой мужской рубашке до колен. Беглого взгляда было достаточно, чтобы понять – девица очень даже в масть. В смысле – возраст, рост, цвет волос. Вот только на удерживаемую в застенках заложницу никак не тянула. Девица держалась уверенно, по-свойски развязно и производила впечатление человека, только-только сдернутого с постели. По крайней мере просвечивающие сквозь полупрозрачную ткань рубашки первичные половые признаки свидетельствовали об отсутствии на юном девичьем теле нижнего белья.

Однако особо анализировать было некогда. Каргин придал своему лицу умиленно-добродушное выражение, закосив под пейзажника-идиота, и вымученно закашлялся, оттеняя тем самым характерный звук щелчка затвора микрофотоаппарата.

– Чем торгуешь, дядя? «Красной Москвой»? Или «Пахучим горшочком»? – насмешливо прокурлыкала девица и явно дразняще томно повела плечиком. Мол, цени момент, мужик, когда еще такое увидишь?

«Издевается, сучка», – зло подумал Эдик. Но вида не подал и интонацию подхватил:

– Не, племяшка, ни «Москвы», ни «Горшочка» сегодня нет. Очень быстро разбирают. Но если сильно надо, персонально для тебя могу достать.

– Слышь, мужик, ты не борзей, в натуре! – Оскорбленный кавалер грозно сдвинул на переносице бровки, добившись тем самым прямо противоположного результата.

– Да ладно тебе, братан. Вы пошутили – я пошутил. Что ты, в самом деле? – виновато затараторил Каргин, еле сдерживаясь, чтобы не рассмеяться. – Вот, «Ланком», новье, все запечатано. Всего полтинник прошу.

Девица брезгливо взяла протянутую ей коробочку, повертела в руках и ковырнула наманикюренным ноготком целлофановую упаковку.

– Э-э, аккуратнее, слышь! – шагнул в ее сторону бригадир. Парень, уловив движение, мгновенно перегородил ему дорогу:

– Не суетись, мужик.

– Так ведь товарный вид портит!

– Главное, чтоб тебе товарный вид не испортили. Лапы не тyani и стой где стоишь.

Каргин покорно отступил и в эту самую секунду боковым зрением углядел, как метрах в десяти, беспечно болтая по мобильнику, профланировал Балтика-три. «Бля, куда его черти понесли? Засветился, зараза! Убью! Честное слово, убью!»

Девица извлекла из футляра прозрачный флакончик, пшикнула на запястье, повела вздернутым носиком и рассмеялась:

– Накололи тебя, дядя.

– Как это?!

– Да так это. Никакой это не Lancome – чистой воды Польша. Причем наполовину вода, а наполовину Польша.

– Не может быть, я же в магазине... – заблажил бригадир. – У меня и чек есть, четыреста рублей...

– Не в те магазины ходишь, мужик, – покровительственно-сочувственно хлопнул его по плечу молодой телок. – Ты сам говорил, что Семена по жизни сплошь и рядом кидают. Вот тебя снова и кинули.

Распираемый от собственного остроумия, парень заржал, а бригадир машинально стиснул кулаки, борясь с соблазном захватить ему по физиономии. «Вот ведь стерва», – пронеслось в голове. При этом Каргин сам до конца не осознал, к кому в большей степени был обращен сей пассаж: то ли к стоящей перед ним лолите, то ли к продавщице из парфюмерного на Загородном, которая накануне втюхала ему этот флакончик за четыреста полновесных тугриков, клятвенно уверяя в благородном парижском происхождении «аромата сезона».

Тем не менее начатую игру следовало довести до логического завершения.

– Так чего, может, хоть за тридцатку возьмете?

– Не, дядя, спасибо. Мы еще не в том возрасте. Ты их маме своей подари. Всяко оценит, – заржала девка.

– А лучше – сам выпей. Вот и будет тебе опохмел, – посоветовал парень и, приобняв за плечи лолиту, дал понять, что аудиенция закончена.

– Ну смотрите, соседи. Я с вами по-хорошему, но ведь могу и как-то иначе, – вполголоса произнес Эдик и нехорошо так посмотрел на приобнявшуюся парочку.

– Вали отсюда, Семен. И мой тебе совет: завязывай с бухлом, а то до Сочинской олимпиады не дотянешь.

Железная калитка перед носом Каргина захлопнулась во второй раз.

«Ладно, сосед. Бог не фраер, троицу любит. Авось еще свидимся сегодня», – проговорил про себя бригадир и побрел в сторону рощицы, заранее предвкушая как отыграется на Стрепетове, который в нарушение приказа позволил себе бездарно светануться на глазах у объекта.

А Балтика-три как ни в чем не бывало беспечно стоял, привалившись к оперативной машине, и, поглощая бутерброд с колбасой, увлеченно беседовал с Козыревым. Никаких угрызений совести при этом он явно не испытывал.

– Какого хрена бросил пост? – с ходу начал Каргин. – За выходом Пушкин за тебя смотреть будет? Или Мандельштам?

– Так все равно Юрке с дерева всю поляну видно. А мне стремно было столько времени на одном месте торчать. А другой привязки нет. Вот сейчас доем и пойду, Юрку сменю.

– То есть ты принял решение?

– Так ведь у нас в инструкции что написано? Ориентируйся с обстановкой, разведчик должен...

– Мой юный друг! Открою тебе страшную тайну – я тоже имею первую форму допуска, а посему знаю, что написано в инструкции. Кстати, там написано еще и то, что схему организации постов скрытого наблюдения разрабатывает старший смены. И он же расставляет людей по прибытии на местность. А теперь скажи мне, многоуважаемый полиглот, я давал тебе команду возвращаться к машине?

– Нет. Но...

– Стоп! Первое – верно, второе – лишнее. Итак, подобной команды от меня не поступало. Но ты самостоятельно решил, что больше тебе там делать нечего. Так?

– Но ведь все равно...

– Блин, Балтика, запомни и заруби себе на носу. Одна из заповедей «грузчика» гласит: «Коли все равно – так делай по-моему». В данном случае ключевое слово «по-моему». Ясно?

– Ясно, – насупился Леня.

– Замечательно. Идем дальше. Если уж ты решил пойти перекусить, почему это нужно было делать именно в тот момент, когда я вынужденно вступил в непосредственный контакт с объектом? Вспомни, что по этому поводу можно прочесть в цитируемой тобой инструкции? Запомнил?.. А то, что в сухом остатке мы теперь имеем двух выбывших из игры по причине засветки «грузчиков». И отныне нам ничего не остается, как присоединиться на соседние ветки к Хыжняку. Старательно работая легенду «токующие тетерева». Нормальный ход?

– Я просто хотел сделать опознавательный снимок.

– Похвальное желание. Вот только, если не ошибаюсь, в тот момент фотомодели при тебе, равно как у нашего забывчивого друга, не было.

– Так я... Я на мобильник снимал.

– Ах, вот как? Даешь передовые технологии на службу отечественному сыску? И что же, как снимочки?

– Да классно получилось, – встрял в пикировку старого да малого Козырев. – Вполне опознаваемо, девка так вообще зашибись. Надо будет себе скачать, на память. Там есть на что посмотреть.

– Ну давай, показывай, папарацци, чего ты там нателефонил, – смилостивился Эдик.

Снимки, сделанные шустрим Балтикой, и вправду оказались презентабельными. Более того, Леня исхитрился щелкнуть стоящую у калитки парочку под таким ракурсом, что сам бригадир попал в кадр лишь единожды, да и то со спины. Дело в том, что по своей инициативе выходить на непосредственный контакт с объектом, а уж тем более попадать с ним в один кадр, «грузчикам» строжайше воспрещалось. Так что в этом смысле фотоработы Балтики-три вполне отвечали букве инструкции. А потому теоретически могли быть без проблем переданы заказчику.

– Согласен, в целом недурственно, – вынужден был признать Каргин. – Черт с тобой, на первый раз оставим инициативу ненаказуемой. Но учти – только на первый!.. Ладно, народец, займемся делом: пора звонить на Центр и передавать приметы этой девицы. Ты, Леняк, кстати, послушай. Если что забуду – подскажешь.

– Эдуард Васильевич, а зачем диктовать приметы? Если есть какой-то доступный адрес, мы можем скачать им фотки – и все.

– В смысле – скачать? – не врубился Эдик.

– А прямо с телефона. У меня на трубе включена функция отправки MMS-файлов, – заметив недоумение на лице бригадира, Балтика-три пояснил: – Через Интернет можно отправить эти фотки на любой электронный адрес.

– Однако!.. – Каргин поскреб пятерней мощный затылок. – Н-да, бросай свой плуг – садись на трактор... А я, признаться, думал, что ты только в пиве и разбираешься... Может, и мне такой мобильник по случаю прикупить? И на хрена нам тогда будут все эти дедовские аксессуары времен хрущевской оттепели?.. Говоришь, можно прямо по Интернету отправить?.. Щас, позвоню поинтересуюсь, я один у нас в конторе такой дурак остался. Или, может, еще кто в MMS-ах не шарит...

* * *

– Ну же, Виктор Васильевич, давайте, колитесь! Как вы его вычислили?

– Дедукция, мадам, исключительно дедукция.

– Между прочим, мадемуазель. Нет, ну правда! Почему вы решили, что Борис может быть причастен к истории с похищением? Вы же знаете, я все равно не отстану...

Служебная машина везла Смолова и Катю в Кавголово той же самой дорогой, по которой несколько часов назад проезжал «семь-три-седьмой» экипаж. Принимать непосредственное участие в операции по освобождению заложника сотрудникам службы «Р» было совсем необязательно. Однако на этот раз захотелось своими глазами посмотреть на «маски-шоу», в сценарий которого их скромный тандем внес весомый вклад. Так, знаете ли, из чисто человеческого любопытства. Тем более что нынешний день, в его классическом, «выходном» качестве, все равно был безвозвратно потерян.

– Слушай, Катерина, ты ведь сама сказала, что чаще всего на этой неделе Лена болтала по мобильнику со своей подругой. Как бишь ее?..

– Оля Клюева.

– Точно. А также с некоей Риммой Сергеевной Афанасьевой. К примеру, вчера они общались целых три раза. Причем последним был входящий от этой самой Риммы Сергеевны, который состоялся в 20:08. То бишь ровно через семь минут после этого Лена позвонила домой и сказала, что идет в клуб «Росси». Так?.. А теперь скажи мне, какие-такие общие дела могут быть у семнадцатилетней девчонки с теткой, которая на тридцать лет ее старше?

– Ну мало ли какие...

– Вот именно что «мало», посему танцуем дальше. У Афанасьевой есть сын Борис, двадцати двух лет от роду. Улавливаешь тему про «чумовую любовь»? И про голос звонившего. Который не молодой, но и не старый?

– Вы хотите сказать, что трубка зарегистрирована на мать, но пользуется ею сын? А к чему такие сложности? Взрослый мальчик, паспорт имеет. На фига ему шифроваться?

– А почему обязательно шифроваться? Я проверил по базе – этот мобильный номер был зарегистрирован четыре года назад. Причем аккуратно за двое суток до дня рождения Бориса. Могла заботливая мамаша сделать сыну такой подарок – подарить ему новую трубку вместе с новой сим-картой? Да запросто. Ну а когда ты сказала, что сегодня абонент Афанасьева также недоступна, я попросил Левку уточнить, примерно в каком районе она может обретаться. Уточнили, оказалось в масть. Ну а дальше ты уже знаешь: Травкин выяснил, что у Афанасьевых действительно есть загородный дом в Кавголово, после чего «опушники» как раз там эту сладкую парочку весьма оперативно и срисовали. За что, собственно, честь им и хвала. Тем более что в последнее время работают они крайне паршиво.

– Шеф, так я не понял, – отреагировал на рассказ Смолова дежурный водитель Женя, – весь Главк просто на ушах стоял, а, выходит, никакого похищения и не было?

– Выходит, что не было. Просто молодежь развлекается.

– Ни хрена себе – развлекается! Если б моя старшая такое устроила, даже не представляю, что бы я с ней сделал!..

– Да ничего б ты не сделал – в семнадцать лет пороть поздно, все равно не в коня корм. А вот папаше ее, дабы замять сей шкандаль, чую, придется пожертвовать энную сумму в фонд бескорыстных друзей ГУВД. Жаль только, что мы не состоим в его пайщиках.

– Во-во. Одних вечно хвалят: «Ишь!» – а другим все кажут шиш.

– Какая-то идиотская история, ей-богу, – проворчала Катя. – Неужели и правда решили пошутить? Ведь не дети же сопливые. А может, в клубе с экстази переборщили?

– Да нет, Катюша. Думаю, здесь другое. Похоже, девочка неплохо разбирается в прикладной психологии и в какой-то момент сообразила, что не может быть так плохо, чтобы не могло стать еще хуже.

– Не поняла. Это как?

– Ты же сама раскопала, что у девочки наличествует серьезная проблема. Со дня на день родители должны были узнать, что институт, по крайней мере в этом году, ей не све-

тит по причине отсутствия аттестата. Следовательно, чтобы смягчить удар, срочно требуется заполучить куда более серьезную проблему. Согласись, когда речь идет о жизни или смерти, школьные двойки на этом фоне – все равно что детский лепет на лужайке.

– Версия достаточно циничная, но допустим. Вот только Борис этот, по-вашему, не понимал, куда вписывается? Между прочим, за такие виртуальные дела можно получить вполне реальный срок.

– Ну, это уже не ко мне вопросы. Вы ж, бабы, как в МУРе, хитры со своими подходами. Кстати, нечто подобное у нас случилось. Женька, помнишь восьмиклассницу, которая якобы стала жертвой маньяка?

– Это когда в Выборгском районе Шипова ловили? Помню, конечно, та еще штучка была.

– Ой, зато я не помню, – наострила ушки Катя, которая очень любила разные байки служивых людей.

– А ты и не можешь, это еще до твоего прихода было. Ух и подзадолбались мы тогда! Практически весь районный эфир несколько месяцев слушали. Сутками, без выходных...

– Как интересно, расскажите. Обожаю истории про маньяков.

– Да там не так интересен сам Шипов, как эта девчонка. Уж не помню, исполнилось ей на тот момент четырнадцать или еще нет. Ну да не суть – в общем, восьмиклассница. Но при этом, чисто внешне, развитая настолько, что на вид меньше восемнадцати ни за что не дашь.

– Да уж, грудь у нее была зашибись. Пожалуй, даже побольше, чем у тебя, Катька, – мечтательно ударился в воспоминания водитель.

– У меня, между прочим, третий номер. – Катя сделала вид, что обиделась. – Виктор Васильевич, так чего эта восьмиклассница натворила?

– В какой-то момент залетела девка. Что само по себе неудивительно – парней вокруг нее пропасть крутилась. Она даже толком не знала, от кого. Поначалу думала: авось обойдется. Однако само почему-то не рассосалось... Женька, следи за дорогой, поворот не пропусти... Так вот. А времена на дворе стояли хотя уже и смутные, но еще не до такой степени, как сейчас. Короче, аборта без согласия родителей не сделать. А предки у нее, помнится, были зело крутые и суровые. И тут как раз в их районе Шипов объявился. Только после пяти эпизодов удалось составить более-менее сносный фоторобот, который по телевизору показали и в нескольких газетах напечатали. Примерно через пару недель после этого в Сосновском лесопарке его «на живца» и взяли. Об этой истории даже специальный сюжет в «ТСБ» выходил.

– А вот теперь я, кажется, что-то такое припоминаю. Это тот сосновский маньяк, который женщин насиловал, а потом ножом им на ягодицах свою метку оставлял?

– Он самый. В общем, посмотрела девка этот сюжет, скальпелем себе задницу надрезала да через пару дней родичам в ножки и бухнулась. Так, мол, и так: жертва я невинная маньяка подлого, надругался он надо мной, когда я, дитя неразумное, в тенистой аллейке на скамеечке сидела да к экзамену по химии готовилась. Стыдно мне было вам в таком позоре признаться, да уж теперь ничего не поделаешь – каюсь, понесла от семени его поганого. Так что ведите меня, дорогие родители, к специальному дохтуру, а вот в милицию об этом сообщать не следует, потому как начнут трепать по углам мое честное девичье имя.

– Да, грамотная девочка, ничего не скажешь. Все учла.

– Ага, все, кроме одного. Папаша ее, едва от валидола отошедший, на следующий день все равно приперся в РУВД, устроил там форменный дебош и накатал телегу о безобразной работе ментов, которые, дескать, не уберегли драгоценной чистоты его дочери. После этого, естественно, начали Шипова крутить на дополнительный эпизод. А тот уперся – и ни в какую! Двенадцать эпизодов признал, в том числе те, по которым заявлений не было,

а вот тринадцатый – ни фига. Еще и глумится, сволочь: мол, я бы такую вкусную девку обязательно запомнил. Проверили – действительно не сходится. На тот день у Шипова алиби стопудовое: его не то что в Сосновке, вообще в городе в тот день не было. Тогда решили заняться самой девицей. Сначала через школьных друзей установили, что моральный облик, мягко говоря, далек от идеального, а потом...

– Шрам? – догадалась Катерина.

– Точно. Тонкий шрам на любимой попе был слишком свеж, да и не столь глубок, как у шитовских жертв. Короче, спецэффекты подкачали. Вот такая, понимаешь, загогулина... Так, Женя, сейчас направо. Катерина, какой номер дома?

– Сейчас посмотрю...

– Да чего там смотреть, вон, в конце улицы машин немерено. Явно все наши.

– Точно, похоже, опоздали мы. А жаль, хотелось на штурм посмотреть.

– Так они что, и СОБР заказывали? – удивилась Катя.

– А как ты хотела? Как ни крути, а похищение человека, хотя бы и инсценированное. Так что все по-взрослому. Во, Травкин там чего-то разруливает... Женя, прижмись где-нибудь в сторонке, чтобы нам высокому начальству особо глаза не мозолить. Ага, так хорошо... Ребята, вы меня тут подождите-покурите, я пойду поинтересуюсь, что и как.

Смолов ушел в народ и пропал. Через какое-то время Катерине наскучило бесцельное сидение в машине, и она, невзирая на запрет шефа, вылезла наружу – подышать и размяться. В скором времени к ней присоединился и водитель Женя.

– Где Василич-то?

– Вроде в дом пошел.

– Интересно, он там надолго застрянет? Дело-то к ночи. Пока до города доберемся, совсем стемнеет.

– Не бойсь, вряд ли надолго. Вон, народ потихоньку разъезжается. А вот интересно, подтвердилась версия шефа или нет?

– Судя по умиротворенным лицам – вполне. В противном случае нервняка было бы на порядок больше. Ща, узнаем. Вон, похоже, по нашу душу парень идет. У него и спросим, что да как тут было.

– А с чего ты решил, что он из нашенских?

– Черт его знает! Просто вижу, и все. Больно уверенно держится. По-свойски...

Профессиональное чутье Женю не подвело. А возможно, в данном случае просто сработало житейское «рыбак рыбака видит издалека». В смысле: оперативный водитель оперативного водителя.

– Вечер добрый, коллеги, – протянул Паша руку водителю, одновременно пожирая глазами его пассажирку. В данный момент Козыреву требовалась небольшая техническая помощь, о которой, в принципе, он мог попросить здесь любого другого – на небольшом пяточке перед домом собралось с десятков служебных машин. Но симпатичная девушка, да к тому же своя, окрест была только одна. Потому Паша остановил свой выбор именно на их машине.

– И тебе не хворать. Из чьих будешь?

– Да так, отставной козы барабанщики, – уклончиво ответил Паша, ибо сей невинный вопрос требовал деликатности: мало ли какую службу могут представлять новые знакомые. Вдруг, не дай бог, штабные или УСБ. Короче, сначала требовалось провести разведку.

– А вы, я смотрю, тоже жертвы вселенского шухера?

– Ага, что-то типа того. Говорящую собачку приехали посмотреть.

– Ну, эта собачка теперь не скоро заговорит...

– Что? Жестко парня брали?

– Я бы даже сказал «жестоко». Но сам виноват – мало того, что людям нервы потрепал, так еще и такой выходной испортил.

– То есть подтвердилось? Самострел?

– Точно так. Ромео и Джульетта переполошили семейство Капулетти, а сами уединились на загородной вилле Монтеки. Но итальянских карабинеров на мякине не проведешь.

– А у вас все барабанщики такие начитанные? – улыбнувшись, поинтересовалась Катя.

– Вообще-то, строго через одного, но как раз мне повезло. А у вас в подразделении все девушки такие симпатичные?

– Ей тоже повезло, – подхватил интонацию Женя.

Все трое дружно расхохотались. Немудреная система распознавания «свой-чужой» выдала положительный результат. Теперь можно было и в ножки бухнуться, и помощи попросить – эти ребята, судя по всему, не должны отказать.

– Слушай, коллега, а как у тебя насчет прикурить?

– Без фильтра устроит?

– Да нет, ты не понял. У нас тут маленькое ЧП приключилось – аккумулятор, зараза, сдох.

– А, так что ж ты, брат, за город собрался, а коня покормить забыл?

– Так конь-то не мой, незнакомый. С утра в гараже подмену дали, пока моему ходовые копыта перебирают. В общем, роман «Убить пересменщика».

– Тема знакомая. Как шутят наши механики: «Продаю нервную систему, в хорошем состоянии, заводится с пол-оборота...» Щас, подожди, пойду гляну, потому как точно не уверен, с собой ли у меня «крокодилы».

Женя полез в багажник, а Козырев, улучив минуту «без свидетелей», немедленно приступил к легкому флирту:

– А меня, кстати, Павлом зовут. А вас?

– Ну, если вы и вправду считаете, что это кстати, тогда Екатерина.

– А все-таки, какая служба?

– Ну вы ведь тоже не представились.

– Я не могу, – в общем-то, честно признался Козырев. – Мы жутко секретные.

– Вот и мы такие же, – не менее честно заметила Катя.

– Да уж, ситуация, как в фильме «Мистер и миссис Смитт». Смотрели?

– Смотрела. Однако особого сходства не вижу.

– Наверное, потому что мы еще плохо знакомы.

– А что вы подразумеваете под словом «еще»?

Паша собрался с духом и уже намеревался было произнести весьма колкую и одновременно смелую фразу, однако в этот момент крайне не вовремя вернулся Женя.

– Катька, кончай глазки строить представителю союзников, давай мухой в машину. Подскочим, мужикам подмогнем, пока шеф лясы точит. Надеюсь, вы не у железнодорожной станции зачалились?

– Да нет, тут рядышком совсем. Вон там, в рощице.

– Ну давай, садись, за штурмана будешь. Только поживее, братцы. Ежели Василич нас на месте не обнаружит, чую, громко крыльями хлопать станет. А мне, с моим повышенным артериальным давлением, это вредно...

Минут через двадцать экипаж «семь-три-седьмого», пригорев в общей сложности на час с хвостиком, взял курс на центральную базу. Впрочем, сегодня традиционного роптания по поводу очередной переработки не наблюдалось: все ж не зря страдали – и дело сде-

лали, и сделали его грамотно. Короче, выслужились. Тут если не премией, то отпущением былых прегрешений пахнет явственно.

Проезжая мимо до сих пор не отбывшей машины «добрых самаритян», Козырев с грустью бросил взгляд на фигурку Катерины, которая стояла, прислонившись к открытой двери, и о чем-то беседовала с незнакомым мужиком в штатском.

– Пашка, ну-ка гудни! – попросил Каргин.

– На фига?

– Просто знакомого поприветствовать.

Козырев просигналил. Мужик обернулся и, всмотревшись, помахал Эдику рукой.

– Тормозим? – как бы безразлично поинтересовался Паша.

– Не, в другой раз. С Василичем если языком зацепишься, так это еще на два часа минимум. Поехали, а то меня сегодня жена вообще домой не пустит.

– А кто это? – задал с заднего сиденья вопрос Стрепетов, немного опередив таким образом Козырева.

– Витька Смолетт, начальник отдела из Управления «Р». Мировой мужик.

– А чем они занимаются?

– Тоже негласники, вроде нас. Вся только разница в том, что мы подглядываем, а они подслушивают. Ну и плюс образование, конечно. Там ведь все больше интеллектуалы работают. И дураков, в отличие от нас, не держат.

«Вот и не верь отныне в тезис о мировой тесноте! Значит, не соврала Катя, действительно „секретная“, – подумалось Паше. – Э-эх, как же это я не успел телефончиком разжиться?! А ведь, похоже, классная девчонка. И, похоже, снова мимо меня».

Забавно, но примерно в таком же ключе рассуждала сейчас и Екатерина. После того как Смоллов пояснил, что знакомая им машина принадлежит наружке, она поняла, что немного поторопилась причислить этого парня к разряду милицейских пустобрехов. Катя вспомнила, что с самого начала он приглянулся ей чисто внешне, что называется, по бабьи. А теперь и вовсе прониклась к нему какой-то странной симпатией, опять же в невольном сравнении со своим утренним ухажером Виталей. Ну да что теперь говорить? Проехали. Случайно встретились – случайно разошлись.

«В конце концов мне с этим „опушником“ на танцы не ходить и детей не крестить», – мысленно подвела черту Катерина. Вспомнив, что скоро три часа, как она элементарно не смотрелась в зеркало, она активно взялась наводить марафет.

Как-никак в город возвращаются.

* * *

Козырев вернулся домой только в начале первого ночи. Пока сдались-отписались, пока поставил машину в гараж, пока раскатали с Каргиным пару кружек пива за удачно проведенную контртеррористическую операцию... Короче, только после этого наступило: «Пока?» – «Да, бригадир, все, пока».

Укладываясь, Паша снова вспомнил про Катю. А, вспомнив, решил прибегнуть к испытанному средству-тесту. С некоторых пор в его комнате висела мишень от детского дартса, к которой был прикреплен фоторобот заклятого врага – вора в законе Ребуса, год назад ставшего прямым виновником гибели очень близкого Козыреву человека. Нехитрый Пашин тест в данном случае заключался в следующем: следовало всего лишь загадать желание, после чего метнуть дротик в мишень. Если снаряд втыкался в голову Ребуса – считай, дело выгорит. Если же в «молоко» – то, извиняйте, попробуйте как-нибудь позднее.

Козырев отошел на заданную дистанцию, размахнулся и...

В общем, шансы на то, что сегодня у него была не последняя встреча с Катериной, оказались достаточно велики – иголка вошла Ребусу точно под левый глаз.

«Эй, одноглазый, ну-ка спой мне песню про Чикаго...»

Глава четвертая

Если в клиенте проснется самое высокое, мы потеряем клиента, это знает любой маркетолог.

В. Пелевин. Священная книга оборотня

Марбелья, Испания Примерно за восемь месяцев до вышеописываемых событий

По дороге к небольшой апельсиновой рощице, разросшейся в каких-то нескольких сотнях метров от знаменитой Milla de Oro («Золотая миля»), на естественной каменистой террасе примостилась изящная двухэтажная вилла ослепительно-молочного цвета. Невысокая по нашим национальным меркам ограда позволяла любопытствующему взору разглядеть небольшой сад с тропическими растениями и деревьями, вычурную беседку для пикников а-ля малый Парфенон, паутинку вымощенных мраморными плитами дорожек, сходящихся у открытого бассейна перед домом. И собственно само здание, выстроенное в стиле «долче вита прагматик». На первый взгляд архитектурное решение казалось простым и отчасти даже банальным. Между тем в этой самой простоте и заключались особые «шик, блеск, красота», которые наделяли сам дом и прилегающее к нему пространство особой растворенной в воздухе аурой. Причем индивидуальной настолько, что повторить замысел неведомого проектировщика, формально скопировав планировку и ландшафтные изыски вокруг, едва ли было возможным. Словом, сравнивать этот дом с подмосковными краснокирпичными замками новых русских – это все равно что столкнуть лбами Бартоломео Растрелли и архитектора Бурдина, разработавшего проект панельного жилого дома серии К-7 (в простонародье – «хрущевка»). Разве что есть смысл потягаться в цене, поскольку в свое время вилла была приобретена нынешним ее владельцем всего за неполный миллион баксов, что по меркам дня сегодняшнего более чем скромно.

А все потому, что дом этот был предусмотрительно куплен еще до того момента, как оголтелые русские в малиновых пиджаках и с грудастыми девицами под мышками кинулись скупать элитную недвижимость в неофициальной столице южного побережья Испании. В результате некогда заурядная испанская деревня Марбелья, в силу своего географического местоположения пользовавшаяся популярностью разве что у контрабандистов, превратилась в самый фешенебельный курорт Андалусии. И теперь уже не понять, что было первым – яйцо или курица? В смысле, это наши, охреневшие от безумных денег новоиспеченные российские аристократы возжелали стать соседями Шона Коннери, Антонио Бандераса, Хулио Иглесиаса вкупе с разномастными арабскими шейхами. Либо, наоборот, те, попавшись на «слабо», решили посоперничать с крутыми русскими парнями?

Говорят, что все началось с Хилья. Нет, не с того, который знал, «как провожают пароходы», и пел про «ледяной потолок со скрипучей дверью». В 1991 году мэром Марбельи стал некий Хесус Хиль-и-Хиль. За одиннадцать лет его мэрствования провинциальное испанское захолустье стало жемчужиной Коста-дель-Соль. Поговаривают, что Хиль испытывал непонятную слабость именно к русским денежным мешкам, обеспечивая им режим наибольшего благоприятствования: будь то выдача разрешений на застройку в санитарной зоне, будь то открытие нового кабака, казино или отеля. Любовь оказалась взаимной, и вскоре некогда тихий испанский городок оккупировали не только русские олигархи, но и русские братки. Гостеприимная Марбелья стала как местом ведения бизнеса, основанного на отмывании денежных средств, так и тихой гаванью временно-вынужденной эмиграции. История повторяется: сто лет назад Ленин и прочие видные партийцы спасались от преследования

властей в Цюрихе и в Париже, а ныне Владимир Гусинский и глава харизматичных питерских «малышевских» Александр Иванович свет Малышев отсиживались на собственных виллах в Марбелье.

Мэр Хиль, судя по всему, был именно «наш человек». По крайней мере на закате властвования в отношении этого градоначальника завели под сотню уголовных дел, включая обвинения в связях с мафией и присвоении бюджетных средств на несколько миллионов евро. Вот уж воистину: подобное тянется к подобному... Ну да ныне один Бог ему судья, ибо Хесус Хиль так и не дождался вердиктов судебных разбирательств, скончавшись от сердечного приступа в 2004 году. Но так уж сложилось, что именно после сего прискорбного случая шедшие строго в гору дела «наших» в их Марбелье резко сменили вектор на противоположный. Вследствие чего сразу и вдруг сделалось как-то непривычно тоскливо.

Летом 2005 года испанская полиция словно с цепи сорвалась. После масштабных спецопераций «Оса» и «Белый кит» у наших соотечественников «укушенные места» чешутся до сих пор. Это ведь только на исторической родине всякие там «Циклоны», «Допинги», «Антикриминалы» и «Арсеналы» страшны исключительно своими названиями. А здесь за каких-то пару дней одних только банковских счетов арестовали под тысячу. А если добавить сюда задержание двух десятков подозреваемых в коррупции местных чиновников, принудительную депортацию нескольких сотен «рашен мафиози» и арест самого Шакро Молодого, становится понятным, почему многие «эмигранты» в спешном порядке принялись распродавать свою испанскую элитную недвижимость. Да ну ее к черту, эту Коста-дель-Корве, – на земном шарике найдется немало других уголков, где можно спокойно встретить старость.

По счастливой случайности революционные марбельские вихри описываемого нами дома не коснулись. Его владелец, который раньше появлялся здесь лишь наездами, поселился на вилле с год назад и все это время вел тихую жизнь затворника. По крайней мере так считали его соседи. Насмотревшись на эксцентричные выходы и шумные загулы русской братии, они были приятно удивлены тишиной и спокойствием, разлитыми вокруг этого дома, и даже не подозревали, что в охране этого странного русского схимника состоит восемь человек, посменно несущих круглосуточное боевое дежурство.

Нельзя сказать, что хозяин дома по натуре своей был эдаким пуританином и аскетом. Очень даже наоборот. Однако без особой нужды предпочитал не светиться на дышащих пороком и праздностью городских улочках и пляжах, памятуя о том, что Марбелья – город маленький. А посему от нежелательных встреч незастрахованный. В тех же случаях, когда хозяину требовалось отдохнуть от дел праведных, достаточно было дать отмашку, и сорок – пятьдесят минут спустя персональный лимузин доставлял его в аэропорт Малаги. И далее, в соответствии с настроением: либо казино в Палм-Бич, либо очередной матч английской премьер-лиги, либо элитные бордели столицы незалежной Украины. В общем, куда душе угодно.

Вот только в Россию пока было нельзя. Скажем так: до поры до времени нельзя. По данным ГИЦ МВД РФ, российский подданный господин Сурин (он же Ребус, он же Кардинал) числился в федеральном розыске по подозрению в совершении целого ряда преступлений: начиная от покушения на убийство и заканчивая такой, в общем-то, невинной шалостью, как подделка документов.

При этом связей с родиной Ребус не прерывал. И о том, что сейчас творится на бывшей одной шестой части суши, был осведомлен не хуже (а в отдельных аспектах еще и лучше) средней руки российского министра. В отличие от высокопоставленных чиновников, к решению насущных проблем Ребус относился творчески, с огоньком, будучи способным увидеть большое в малом, а малое в большом. Не зря его вторым прозвищем было погоняло Карди-

нал: он всегда умел мыслить стратегически, по-государственному, с перспективой на будущее. Не то что нынешние временщики от власти, все мысли которых заняты, в первую очередь, как поскорее нахапать побольше, а потом вовремя, а главное безболезненно, соскочить.

Связи с родиной осуществлялись по разным каналам и разными способами. В том числе через непосредственное общение с соотечественниками. Гости из России на вилле появлялись регулярно. Естественно, это были люди проверенные, из ближнего круга, что называется, «вхожие». Вот и сегодня вечером в гости к Ребусу заехал старый знакомый Семен Аронович Плущер, бывший ленинградский искусствовед, дважды судимый в советское время за контрабанду произведений искусств. Во второй половине «ревущих девяностых» он превратился в уважаемого бизнесмена, став владельцем двух антикварных магазинов в центре города. Сетью это можно было назвать с натяжкой, ну да при грамотном подходе даже двух специфических магазинчиков вполне хватало для более чем безбедного существования.

Плущер приехал в Марбелью напрямик из Бильбао, где на днях завершился ежегодный традиционный аукцион мебели, искусства и антиквариата. И хотя для этого ему пришлось сделать небольшого кругая, он не мог возвратиться в Россию, не засвидетельствовав своего почтения Ребусу. Тем более что тот уже давно зазывал его к себе.

Как и большинство российских провинциалов, в смутные времена сколотивших себе бешеное состояние и вознесшихся на вершину бандитского олимпа, Сурин испытывал патологическое влечение к коллекционированию предметов старины и шедевров искусства. В первую очередь – искусства ювелирного. Должным образованием, равно как соответствующим художественным вкусом, он не обладал, а потому собирал свою коллекцию, руководствуясь в первую очередь стоимостью предмета: чем дороже – тем лучше. Как говорится, «нам, татарам, все едино – что водка, что пулемет. Лишь бы с ног валило».

Семен Аронович познакомился с Ребусом при весьма пикантных обстоятельствах. В 1997-м Плущер поехал по своим коммерческим делам в славный город Иркутск, где в первый же день стал жертвой заурядного уличного гоп-стопа. Оно понятно: все под Богом ходим, и от случайных встреч с уличными беспредельщиками никто не застрахован. Вот только сумма, которой в одночасье лишился Семен Аронович, оказалась столь велика, что списывать ее на форс-мажорные обстоятельства было бы неуместным гусарством.

Перед отъездом на берега Ангары сведущие люди, позиционирующие себя как «малышевская» братва, прочитали Плущеру небольшую политинформацию о нравах и умонастроениях, царящих среди коренного населения. А также в общих чертах посвятили его в непростую систему сдержек и противовесов, на коей в ту пору держался местный криминальный мир. Из этой лекции, изобилующей ненормативной лексикой и малопонятными бизнес-интеллигентному Плущеру аргоизмами, он почерпнул одно: на данный момент самый главный по тарелочкам у них Ребус. Вот к нему, попав в столь затруднительную ситуацию, Семен Аронович и направил свои стопы. Благо координатами законника его предусмотрительно снабдили.

Попасть на прием к хозяину земли сибирской оказалось гораздо проще, нежели можно было предположить. Ребус принял Плущера в казино «Ветра Байкала»: внимательно выслушал, задал несколько уточняющих вопросов, после чего, извинившись, вышел, оставив питерца на попечение угрюмой охраны. Сидеть в окружении двух молчаливых гориллообразных шкафчиков было не шибко приятно. Тем более что происходили они явно не из бывших спортсменов, как это принято по питерской моде, а из типичных профессиональных уголовников. К «синим» же Семен Аронович испытывал недоверие и брезгливость еще со времен своей первой отсидки.

Ребус вернулся минут через двадцать. За это время он умудрился собрать сведения о свалившемся как снег на голову госте, сделав пару контрольных звонков питерским эрудитам, а также выяснил, что в отношении Плущкера борщила бригада Двинятова по кличке Дупло. Еще через полчаса, не без удовольствия проведенных за шашлычком из байкальского омуля, Семену Ароновичу были принесены официальные извинения и возвращена похищенная наличность за вычетом некоторой суммы, отнесенной к разряду «оперативных расходов». После этого растроганный Плущкер понял, что с таким человеком вполне можно иметь дело. Не прошло и года, как они встретились снова – теперь уже на невской земле. И теперь уже Семен Аронович, расстаравшись для нового сибирского приятеля, оказал тому посильную профессиональную помощь, распознав подделку в некоем маринистском пейзаже. Незадачливого продавца, который, скорее, по незнанию, нежели по злему умыслу попытался толкнуть фальшивку Ребусу, вскоре выловили из Обводного канала. А Плущкер положил в карман весомое вспоможение за «научную консультацию». Так, на почве взаимной любви к деньгам и искусству, они и сошлись.

– ...И как там Бильбао? Для меня что-нибудь интересное было?

– Скорее нет, чем да. Как любит говорить мой старинный приятель Моня Поташинский, «все уже украдено до нас». К тому же в Европе снова в моде авангард, до которого, если память вслед за моей супругой мне не изменяет, вы не большой охотник.

В данный момент они сидели в удобных соломенных креслах на увитой плющом террасе. Лениво попивая прохладный martini, Семен Аронович близоруко щурил глаза, наблюдая за скользящими вдали яхтами. Ребус же, в лучших традициях киногероев Аль Пачино и провинциальной иркутской братвы, традиционно общался с собеседником не снимая своих изящных темных очков в позолоченной оправе.

На разделявшем их небольшом мраморном столике стояла вычурная коринфская ваза с благоухающими орхидеями. Ребус равнодушно относился к цветам, так что в данный момент эта старинная ваза в большей степени несла сугубо функциональную нагрузку: к ее днищу был прикреплен миниатюрный диктофон. Хозяин дома имел привычку по возможности записывать все свои деловые разговоры. Даже невзирая на то, что не столь давно эта его слабость обернулась для Ребуса очень серьезными проблемами.

– На хрен мне эти квадратные головы и треугольные ноги? А что-нибудь более приличное? Наше, типа Айвазовского?..

– Кое-что было. Но цены совершенно нереальные. Сейчас все более-менее известные дореволюционные художники стоят безумно дорого. И Айвазовский в первую очередь. А ведь я помню благословенные времена, когда на аукционах его картины стоили двенадцать – максимум пятнадцать тысяч долларов.

– А сейчас?

– Что теперь говорить «за сейчас»? В наши дни Айвазовский уходит под два миллиона. Причем не долларов, а евро. И уходит со свистом. А что делать? В России стало неприлично много неприлично богатых людей. Наши делают всю погоду на ихнем хуторе, поэтому скоро я вообще перестану себя нервировать посещением подобных мероприятий. Русские скупают русских художников. На аукционах поднимают цену, потому что знают: всё равно приедут из России и купят. Вот раньше безумных денег стоили голландцы. А теперь они никому не нужны. Все гоняются за русскими художниками, при этом никто не дает стопроцентной гарантии подлинности. Вот в этот раз Виктор Феликсович приобрел два небольших театральных эскиза Коровина. Отдал за них что-то около семи тысяч евро. Допустим, для него это так, семечки. Но кто может поручиться, что это наброски именно Константина великого Алексеевича? А не, к примеру, его однофамильца Эдика Коровина, которого я прекрасно

знаю еще по Русскому музею и который мог бы делать хорошие деньги на копиях, если б не пылкая дружба с Бахусом.

– Виктор Феликсович?..

– Да-да, тот самый уважаемый человек, который купил в гипермаркете «Форбс» двадцатка яиц Фаберже. Безумный, на мой взгляд, поступок. Берусь объяснить его лишь тем обстоятельством, что патриотизм – вообще очень дорогая штука. А патриотизм взаимовыгодный – уже две дорогих штуки.

– В нашей беспокойной жизни спокойный сон вполне стоит таких денег, – заметил Ребус и поморщился, ибо произнесенной фразой сам себе невольно наступил на большую мозоль. – Да и чего бы не выбросить бабки на воздух, если заранее знаешь, что в этот момент ветер все равно будет дуть в твою сторону?

– Вполне справедливо. Впрочем, неблагодарное это занятие – считать деньги в чужих карманах. Почему-то чужие всякий раз округляешь в большую сторону, а свои – в меньшую. Парадокс. Помнится, когда меня арестовали по делу о рисунках Филонова, один штопаный погонями гондон в чине майора как-то заявил мне на утреннем допросе: «Семен Аронович, мы вчера на обыске у вас столько ценностей изъяли. Я потом всю ночь не спал, думал, сколько же у вас еще осталось?»

– И что ты ему ответил?

– Я ему сказал: «Гражданин начальник, вы лежите в постели с молодой, красивой женой и при этом всю ночь думаете о моих деньгах. Как вам не стыдно?»

– Смешно.

– Это сейчас смешно, а тогда сей невинный вопрос стоил мне переднего зуба. Впрочем, я все равно с ностальгией вспоминаю те времена, когда наша доблестная милиция была укомплектована в основном представителями рабоче-крестьянской прослойки. Нет, конечно, и среди них встречались люди с непомерными амбициями и такими же запросами, но в целом... В целом тогда каждый все-таки занимался своим делом и, как говорил наш, не к ночи будет помянутый, генеральный прокурор Устинов, задача у всех была, в общем-то, одна – «сделать людей счастливыми». Естественно, в меру своих способностей и своих возможностей. А сейчас? Наша опять-таки доблестная милиция такова, что я ежедневно рискую самим фактом своего существования.

– Что, сильно прессуют?

– Здесь просится немного другой глагол, но, к сожалению, у меня со школьных лет всегда была проблема с подобрать синонимы. Во всяком случае, каждый раз, когда в Петербурге кто-то имеет неосторожность своими грязными лапами прикоснуться к прекрасному, меня тут же волокут в приснопамятный антикварный отдел и начинают вести душещипательные беседы. Словно бы я состою у них в штате в качестве консультанта на общественных началах.

– Погоди-ка... В связи с «антикварщиками» фамилия Некрасов тебе ни о чем не говорит?

– Х-ха, знаю ли я Некрасова! С тех пор как этого штымпа перевели в двенадцатый отдел на должность важняка, мы с ним имели неудовольствие общаться целых три раза. Причем всякий раз он ведет себя так, как будто держит меня за идиота. А у самого в голове явно не хватает клепки. И боюсь, что не одной. Не далее как в октябре он пригласил меня в свой кабинет, выставил холст маслом, изъятый у каких-то залетных гостей из Бобруйска, и попросил, чтобы я дал письменное заключение – новодел это или нет? На что я ему ответил: «Уважаемый гражданин начальник, однофамилец великого русского поэта. Когда я в благословенные времена еще работал в Эрмитаже, покойный Орбели мне сказал: „Знаешь, Сёма, если искусствовед посмотрит на картину и с одного взгляда скажет, что он все про нее знает, то это бред. Чтобы понять, настоящая она или фальшивка, надо провести химический ана-

лиз, надо досконально знать почерк этого художника и еще много всего прочего». Ну и кто после этого из нас идиот? Мы с Орбели или этот напыщенный павлин, не могущий отличить Стасова от Саврасова?

– Ладно, не кипятись. На этот счет можешь больше не дергаться. Если Некрасов как-нибудь решит к тебе обратиться, ты узнаешь об этом от меня, и первым. Надеюсь, до сих пор у тебя не было повода усомниться, что я держу слово?

– Упаси бог! Кстати сказать, я совсем не против контактов с кем бы то ни было. Я готов поговорить с этим доблестным правоохранителем о женщинах, о политике. Я даже готов обсудить с ним непростой еврейский вопрос... Вот только об искусстве – увольте! Я очень уважаю людей, работающих в антикварном отделе ленинградского, пардон, петербургского уголовного розыска, многих знаю давно и лично... Но раз уж у вас есть такая возможность: передайте им, что в антиквариате и во всем, что с этим связано, ихний Некрасов разбирается так же, как я в их наглядной агитации. Кстати, вам не доводилось видеть милицейский плакат – определитель типов национальности? Сильная вещь, на мой взгляд вполне достойная висеть где-нибудь у поста охраны на Иорданской лестнице. Да, кстати, об Эрмитаже...

Семен Аронович по-хозяйски взял со столика бутылку и добавил себе благородного напитка примерно на два пальца.

– Так вот. С позапрошлой весны, хотя не берусь судить наверняка, было ли это впервые, в мой магазинчик на Малой Конюшенной, она же бывшая памяти бойфренда Софы Перовской, повадился захаживать один интересный клиент. Не то чтобы он делал это часто, но, скажем так, не без некоторого постоянства.

– И чем же он интересен?

– Сам по себе абсолютно непримечательная, я бы даже сказал бесцветная, личность. Но вот вещицы, которые он сдавал на комиссию, всякий раз были не лишены занимательности. Более того, довольно редкие вещицы. Не побоюсь этого слова – штучный товар, поскольку...

– Что за вещицы?

– В основном эмали. Реже – посуда, часы, кубки. Помнится, была еще парочка икон... ну да суть не в этом. Все вещи – восемнадцатый, девятнадцатый век, редко позднее. При этом все без исключения – очень высокого качества. Но что самое удивительное: клиент никогда не торговался, никогда не брал аванса в ожидании экспертизы или факта продажи. Сразу соглашался с предложенной ценой, брал деньги – и до новых встреч.

– А предлагаемая цена, насколько я понимаю...

– А что делать? У нас, извините, немного не то учреждение. Мы не собес. Тем более что с нашими накладными расходами и нездоровым интересом к нашему магазинчику людей, состоящих на государственной службе (шоб им подняли зарплату!), делать приличный гешефт – это все равно что... вы меня извините... все равно что писать на оголенный провод. Да, я готов делать дела с умными людьми. Поверьте, я не столь кровожаден, как «Тампакс», как это может показаться на первый взгляд. Здесь я имею в виду некоторое внешнее сходство – а что делать? Годы... В некоторых случаях я даже готов пойти на некоторые уступки, выливающиеся в некоторые издержки... Но если человек категорически не желает торговаться и говорить свою цену, почему я должен чинить ему в этом препятствия? Он имеет вещь, в которой понимает ровно столько, сколько вспомнутый вами опер Некрасов, и при этом испытывает потребность в наличных деньгах. Вполне логично, что он приносит эту вещь мне, после чего мы расстаемся, вполне удовлетворенные друг другом. Если это не есть проявление человеколюбия, то, пожалуйста, подберите здесь другое слово...

– То, что ты, Ароныч, великий еврейский гуманист нашего времени, я понял уже давно. Вот только я не догоняю: где здесь, во всей этой истории, Эрмитаж?

– Так я же о том и говорю – вещицы в высшей степени занимательные. Я привык к тому, что любая более-менее сносная вещь, попадающая в мой магазинчик, имеет происхождение исключительно из бабушкиного наследства. Но когда один и тот же человек с завидным постоянством приносит качественный предмет и при этом никогда не торгуется, я задаюсь резонным вопросом: откуда в этом почтенном семействе такое количество бабушек, и почему в этом, даже не високосном, году они, прошу прощения, мрут как мухи?

– Ты хочешь сказать, что...

– Я хочу сказать, что этот человек, похоже, очень плотно присосался к некоему живительному источнику. И, судя по оценке моих личных экспертов, таковым вполне могут быть кладовые весьма уважаемого мною музея. Которые, я здесь имею в виду кладовые, выгодно отличаются своей бездонностью и, в какой-то мере, неисчерпаемостью. При разумном, естественно, подходе.

– Короче, из Эрмитажа крадут?

– Ну, я бы не стал расставлять акценты столь жестко. Опять же, как любил говорить мой покойный папа, «когда от многого берут немножко, это не кража, а просто дележка». Нынче крадут везде. Другое дело, что красть надо с умом. И в этом смысле наш клиент, в здравомыслии которого касательно очень многих пунктов я только что вынужден был высказать некоторое сомнение, тем не менее в главном не ошибается. Эмали, посуда, наконец вся эта вычурная дворцовая фурнитура – все это вещи не из основных фондов. И это логично. Но с другой стороны... Вы меня извините, но если бы обстоятельства принудили меня воровать из Эрмитажа, то для начала я бы очень крепко подумал. А, подумав, скорее всего, отказался бы от этого предприятия. Даже будучи крайне стесненным в средствах.

– Почему? Страшно спалиться?

– Ну, мне-то гореть синим пламенем не привыкать. Был бы смысл. В краже из Эрмитажа, безусловно, такой смысл имеется, однако все равно дело это очень неблагоприятное. Ибо такие вещи покупают либо с целью перепродажи, либо из честолюбия. Говоря доступным языком – похвастаться. А еще более доступным – пардон, выебнуться. Так что в любом случае все это дело в конце концов всплывает на поверхность. Кто может дать вам гарантию, что никогда не станет выставлять подобный товар на всеобщее обозрение?

– Но ты же берешь у него эти вещи.

– А на них, извините, музейного штампа нет. И соответствующей бирочки к ручке или ножке не привязано. Я ведь о том и толкую: дабы жить долго и счастливо, имеет смысл брать исключительно из запасников, и исключительно то, что не имеет фотофиксации.

– Не имеет чего? – Поспешность и интонация, с которой Ребус перебил Плущкера и задал уточняющий вопрос, не оставляли сомнений в том, что тема его крайне заинтересовала.

– Не имеет четкого описания и серьезной биографии, – пояснил «искусствовед». – То бишь не имеет документально оформленной истории поступления.

– И как много, по твоим прикидкам, в эрмитажных подвалах подобного добра?

– Думаю, что и на наш, и на век наших внуков, шоб они были здоровы и вообще были, хватит. Опять же, учитывая, что эрмитажное руководство отнюдь не торопится с фотофиксацией своих коллекций, в теме этой темы находимся не только мы с вами. Притом что мы-то с вами, заметьте, от темы далеки. Кстати, все забываю поинтересоваться: вам не режет слух, что в моей речи имеет место быть элемент тавтологии?

– Твоя служба проверяла этого клиента? – проигнорировал риторику собеседника Ребус. – Что он? Кто он? Какое отношение может иметь к Эрмитажу?

– Вы же знаете, я не настолько богат, чтобы иметь к своим услугам филиал Большого дома. А так называемая крыша, заботящаяся о моем благополучии с легкой руки вашего соседа Александра Ивановича Малышева, обладая всегда восхищавшим меня умением с раз-

ворота попасть левым ботинком в правый глаз, к моему глубокому сожалению, напрочь лишена минимальных аналитических способностей. Но я не в претензиях, вовсе нет. Бить по клавишам за триста баксов в месяц может любой закосивший от армии студент, а вот за те же деньги напрочь отбить печень – это, я вам скажу, тоже своего рода искусство... Но вы поймите, элемент недоверия в нашей нервной работе только вредит делу. Если некая курица регулярно поставляет золотые яйца по цене аналогичных производства фабрики Синявино, зачем мне терзаться вопросами ее родословной? Разве не так?..

– Так, так, все так. – Ребус в задумчивости побарабанил толстыми пальцами по мраморной столешнице и до дна опростал стакан с мартини. – Вспомни, когда этот мужик появлялся у тебя в последний раз?

– Примерно с месяц назад. Правда, принес не бог весть какой экземпляр. Серебряный кубок в виде дерева с золоченой чашей внутри. Судя по клейму – середина девятнадцатого века. Но вот сколько мы ему заплатили... Хоть убей, надо поднять бухгалтерию.

– Кубок уже ушел?

– Насколько я помню, еще нет. По крайней мере до моего отъезда.

– Хорошо. Оставишь эту вещь за мной.

– О чем разговор! Я даже предоставлю вам скидку как постоянному клиенту.

– Знаю я твои скидки, – проворчал Ребус. – Теперь далее. Согласен, тема довольно интересная, а посему мы поступим так: когда в следующий раз этот клиент принесет тебе на реализацию очередную вещь, ты под любым предлогом удержишь его в своем магазине, а сам тем временем позвонишь по телефону, который я тебе скажу.

– Да, но мне бы не хотелось...

– Не ссы, Аронич. Ничего с твоим клиентом не случится. Просто мои люди подъедут и со стороны немножко за ним понаблюдают, дабы понять, что это за фраер такой. В конце концов, тебе самому спокойнее будет. А вдруг он – прокладка ментовская? Может, менты таким образом на тебя копают.

– Если бы это была ментовка, боюсь, что сейчас я бы смотрел на закат немного в другом микроклимате, – скептически заметил Плущер. Но, спохватившись, добавил: – Но за заботу большое вам человеческое спасибо! И если так нужно для общего дела, я обязательно позвоню. Вступлю, так сказать, в сотовую связь. Тем более что в любом случае, рано или поздно, он все равно плохо кончит. И тогда, боюсь, на него навесят и много других, куда как менее невинных, шалостей. Включая сделавшего ноги Жана-Леона Жерома³. Случись беда – все на него свалят.

– Значит, будем считать, что договорились. Еще выпьешь?

– Скорее да, чем нет, – облизнулся Плущер, происходивший из той породы людей, которым на халяву и алебастр – творог.

Он в очередной раз бросил мечтательный взгляд на фланирующие по лазуревой морской глади яхты и с уловимым оттенком грусти констатировал:

– Таки да. Здешний микроклимат к моему здоровью подходит гораздо больше. А может, и мне при случае прикупить здесь небольшой домик в деревне? Будем ходить друг к другу в гости по-соседски и пить чай с малиновым вареньем. Кстати, я правильно обратил внимание, что неподалеку отсюда, сразу за поворотом, где такой сиреневый домик с башенкой, висит табличка «SALE»?

– Ты правильно заметил, – хмыкнул Ребус, улыбаясь своим мыслям. – Это вилла бывшего зампрефекта московского Восточного административного округа Краснянского.

---

³ Речь идет о похищенной из Эрмитажа в 2001 году картине «Бассейн в гареме».

– Недурно. Вы случайно не знаете, сколько он хочет за этот полурайский уголок? Я намеренно произношу именно такой эпитет, поскольку крыша, похоже, требует серьезного ремонта.

– Начнем с того, что хочет не он, а его вдова.

– Мой бог! – картинно всплеснул руками Плущер. – А ведь еще совсем нестарый человек! Наверное, сердце? Впрочем, я его хорошо понимаю: расстаться с такой должностью – это очень болезненно.

– В данном случае не столько сердце, сколько автоматная пуля в нем. Его прошлым летом измайловские братки замочили.

– Что? Прямо в Москве?

– Отчего же? Прямо здесь, на вилле. Кстати, я имею честь немного знать его вдову. Вернее, имел честь ее иметь, – произнося эти слова, Ребус похотливо улыбнулся, вспомнив, что на сегодняшнюю ночь у него запланирована очередная случка со специально выписанной из Москвы стриптизершей. – Но имел ее, как ты говоришь, исключительно по-соседски.

Плущер дежурно улыбнулся. Сальная шутка хозяина задела его, всколыхнув воспоминания о собственных семейных неурядицах.

Два года назад Семен Аронович женился в третий раз, опрометчиво поддавшись очарованию молодости своей избранницы, выгодно сочетавшейся с изысканностью в любовных утехах. Не прошло и пары месяцев, как бывшая представительница эскорт-услуг, а ныне мадам Плущер, с головой погрузилась в мир богемы. То бишь стала давать направо и налево. Отныне рога на голове Семена Ароновича пышно колосились зимой и летом, а на сердце поселилась непролазная тоска, подтверждающая нехитрый тезис о том, что маразм и оргазм – это действительно две большие разницы.

– О чем задумался, Ароныч? – вывел его из забытья насмешливый голос Ребуса. – Небось о бабах?

– Увы. Всего лишь о бренности бытия.

– А хрена ли нам с тобой о таких вещах задумываться? Наливай да пей. А случится непруха – расчехляй «Муху». Так что насчет сиреневого домика? Поинтересоваться у вдовушки при случае?

– О нет, спасибо, при таких раскладах не стоит. Я, знаете ли, с детства боюсь всех этих историй с привидениями.

– Человека, Ароныч, человека! Вот кого надо по-настоящему бояться! Привидение, оно ведь только пугает, а вот человек... Тот не пугает, тот обычно сразу действует.

– Согласен, человек – существо столь же малосимпатичное. Зато с ним всегда остается хотя бы маленький, но шанс договориться. Но как и о чем можно договориться с призраком?..

Как только телохранитель Ребуса отвез Плущера в аэропорт и вернулся обратно на виллу, хозяин немедленно затребовал его к себе.

Дима Сазонов с немудреным прозвищем Сазан ходил под Ребусом уже восьмой год. Уцелев в многочисленных локальных конфликтах и широкомасштабных общевойсковых операциях братских, он предсказуемо поднялся по иерархической лестнице, проделав путь от рядового бойца до одного из трех персональных телохранителей самого «Кардинала земли сибирской». Ребус высоко ценил его за столь редкую в наши дни «душевную гармонию». И то сказать – граничащее с отморозенностью бесстрашие Сазана в сочетании с исключительным здравомыслием и особым чутьем на опасность не раз выручали в самых, казалось бы, безнадежных ситуациях. Сошлись они и на общей «идеологической платформе»: телохранитель, равно как и его хозяин, на дух не переносили «черных».

Детство и отрочество Сазана прошли в маленьком городке на Псковщине, всего лишь в часе езды от знаменитых Пушкинских Гор. И хотя бывший хранитель этих мест знамени-

тый Семен Михайлович Гейченко в благостном порыве называл их не иначе как «сакральными», никакого священного смысла в том, чтобы всю жизнь проторчать в этой дыре, выпускник местной средней школы-развалюхи Сазонов не видел. Было ему на малой родине «и кюхельбекерно, и тошно». А поскольку профессиональной литературе Сазан всегда предпочитал профессиональный бокс, то, вымучив, в принципе, не самый ужасный аттестат, он подался в Ленинград, в Институт физкультуры имени Лесгафта. Поступить не поступил, но зато на абитуре сошелся со своими земляками. Они-то, по достоинству оценив его коронный правый прямой в туловище, и дали Сазану необходимую рекомендацию для вступления в обосновавшуюся на берегах Невы «партию великолукских».

В самом скором времени Сазонов, попавший в бригаду Анджея, принял свое первое боевое крещение, поучаствовав в знаменитой разборке с «чехами». Тогда все началось с того, что Серега Череп схлестнулся на Галере с залетными чеченами, оскорбившими его подругу Катю. Стрелу забили возле Зимнего стадиона. На нее вместе с великолукскими приехали тамбовские VIPы, а к тем в свою очередь примкнули малышевские. Чеченцы, узнав о такой солянке, прихватили с собой дагестанцев и азербайджанцев. Что само по себе ненаказуемо.

Перед Черепом была поставлена боевая задача: прицепиться к любому неловкому слову и хлестануть первому. Выступавший чеченец по прозвищу Мага поначалу пытался смикшировать злые интонации, ссылаясь на подъехавших сотрудников милиции. Однако Череп уперто шел на конфликт и предложил отъехать за город для более предметного выяснения отношений. Мага ехидно заявил: «С тобой, что ли?» И этого было вполне достаточно, чтобы Череп его срубил ударом в челюсть. Известный боксер по прозвищу Постник запрограммированно крикнул: «Бей зверей!» – и понеслось.

Оппонентов пенделями гнали по улице Толмачева. Милиционеры попытались пресечь безобразия, но тут же оказались заняты собиранием своих сбитых фуражек, разлетевшихся в разные стороны. Возле дома, где ныне располагается модная кофейня «ДеФе», четверо, одним из которых был Сазан, забивали ногами азербайджанского налетчика Алиева. Рядом с ними суетился кикбоксер по прозвищу Кирюша с отобранной у милиционера дубинкой и сетовал: «Дайте же жажнуть – неудобно!» Тела валялись везде, даже на Невском. Около «Елисеевского» друг Анджея Косов (позднее оба будут застрелены в Венгрии), пытаясь ударить ножкой от стола убегавшего, промахнулся и сломал ногу своему великолукскому товарищу. Бейсбольные биты в те времена достать было трудно, а посему ножки от столов откручивали в ресторане гостиницы «Октябрьская». Последних «татаро-монгол» отправили в больницу возле здания старой Думы. Короче, это была победа.

Уже через год недавнего школьника Сазана было не узнать – он купил себе комнату в малонаселенной квартирке на Третьей Советской, обзавелся золотой цепью, тачкой, длинноногой телкой и прочими необходимыми знаками отличия. От провинциальных комплексов избавился, в будущее смотрел с уверенностью. Словом, все было «чики-чики», однако досадный, совершенно необязательный инцидент в кафе «Вечер», что на Таллинской улице, на корню перечеркнул былые успехи и будущие надежды: неудачное падение приборзевшего клиента, который в результате приземления на бетонный пол получил перелом основания костей черепа, обернулся для Сазана полновесным семериком. И отнюдь не в пригородных Металлострое или Форносове, а в иркутской колонии № 3 строгого режима.

Свой срок Дима отмотал полностью. Кто знает, может, вышло оно и к лучшему, поскольку за то время, пока Сазан на своей шкуре постигал особенности континентального климата, великолукская группировка в Питере перестала существовать как класс, оставив после себя лишь легенды и мифы да несколько десятков могил. Так что в тот знаменательный день, когда он наконец покинул стены колонии, некому было оплатить фанфары с оркестром для традиционной цыганочки с выходом. Впрочем, знакомые сокамерники-сибирячки, освободившиеся чуть ранее, на прощание чиркнули Сазану адресочек в славном городе Брат-

ске. Вот туда-то, после недолгих раздумий, он свои стопы и направил. Там-то и произошло его первое знакомство с Ребусом. Ну а потом... В общем, никогда не поздно зачать жизнь заново. Тем паче, если тебе всего-то двадцать семь лет от роду.

В ожидании возвращения Сазонова из аэропорта Ребус коротал время за просмотром немецкой порнушки – настраивался на лирический лад в ожидании общения с Ангелиной. Последние несколько лет девка эта была одной из немногих, способных завести его в постели по-настоящему, именно что «по-немецки». Впрочем, за те деньги, которые ей платили (три тысячи евро за ночь, и это не считая оплаченного перелета из Москвы), можно было попробовать даже завести машину без карбюратора. Жаль только, что сегодняшняя встреча должна была стать последней: Ангелина, конечно, девочка проверенная-перепроверенная и с головой вроде как дружившая, но ведь все равно – шлюха. А лишний раз светить свое нынешнее пристанище перед хотя бы и дорогой, но шлюхой, мягко говоря, неразумно. Мало ли с кем еще она там, в столице, делит сейчас свое койко-место. Рисковать из-за баб, из-за которых даже Троя накрылась медным тазом, Ребус не собирался. Он принял решение, и сегодня ночью прекрасная Шахерезада расскажет, а вернее, покажет свою последнюю сказку.

В дверь деликатно постучали. Ребус не без сожаления обнулил раздающиеся из колонок домашнего кинотеатра сладострастные стереофонические стоны, сопровождаемые громко чавкающим хлюпаньем плоти, и позвал:

– Давай, заходи. И дверь поплотнее закрой. Сквозит откуда-то.

– Ветер поднялся, Владимир Анатольевич, – входя, пояснил Сазан. – Похоже, ночью шторм будет.

– Оно и к лучшему. На шторм девку и спишем.

– Извините, не понял...

– Неважно, это после. Жида проводил?

– Как вы и приказали – прямо до стойки регистрации. Затем дождался отлета.

– Ни с кем, никто?..

– Нет, Плущер ни с кем не встречался. Доехали, попрощались. Он прошел в зал, забрал из камеры хранения вещи, выпил в баре бокал вина, и на этом все.

– Какие вещи при нем были?

– Так... Дипломат, сумка, оформил как ручную кладь. И тубус.

– Тубус?

– Да, причем обращался с ним очень осторожно.

Ребус вполголоса выругался.

– Вот, крыса старая! Все-таки нарыл что-то на аукционе. Ладно, с ним я отдельно разберусь. Теперь так: возьми запись и особо внимательно прослушай с того момента, как Ароныч начнет звонить про Эрмитаж. Ты когда в Москву собирался?

– Послезавтра.

– Годится. Когда закончишь там дела с казино, мотанись в Питер. Разущи Завьялова. Дашь ему весь расклад по Эрмитажу и сведешь с Плущером. И как только этот мужик объявится...

– Какой мужик?

– Послушаешь запись – поймешь. Так вот: как только он объявится, пусть Завьялов берет его в оборот. Установит, поводит, пощупает. Если в помощь понадобятся люди, пусть подключает Шебу.

– Так ведь... Владимир Анатольевич, Шебу в апреле приземлили. Помните, еще нычку ему собирали?

– А, ч-черт... Совсем забыл про этого козла. Так, а кого еще мы там можем вписать? Из тех, кто не совсем на шарнирах?

– С Питером у нас, вообще-то, плохо. Разве что Дорофеев?

– Хорошо. Но один он всяко не сдюжит. Поэтому подтянешь к нему заморышей из Олешкиной бригады. Все равно тому сидеть еще долго. А им не хрен фигней страдать, кукурузу охранять. Тем более что должок остался... С этим все. Теперь вот что: Ангелина где остановилась?

– В Малаге, в отеле.

– Через час пошлешь за ней человека. Только особо проинструктируй, чтобы из номера выходили поодиночке. И вообще, чтоб вместе на людях не светились. Пусть она сначала какое-то время в баре пошивается, примелькается, и все такое. Короче, ты понял.

– Я понял. Не беспокойтесь, все будет по пять.

– Но чтоб не слишком расслаживалась. А то я от этого кина, – Ребус кивнул в сторону висящего на стене телевизора, на экране которого продолжали беззвучно совокупляться блондинки с мулатами, – скоро начну на охрану кидаться.

– Так, может, пока суть да дело, кого-то из наших на набережную отправить? На пару часиков местную привезти?

– Не надо. Сегодня обойдемся без местных. Я подожду. Так оно даже лучше будет.

– В смысле?

– В том смысле, что злее буду.

Последнюю фразу Ребус произнес таким тоном, что даже бывалому и ко всему привыкшему Сазонову стало немного не по себе. Совершив над собой некоторое усилие, он посмотрел в глаза хозяину и понял, что в этой шутке есть очень большая доля правды.

И правда эта была страшна, а самое главное – необратима.

Глава пятая

Ежели каждый начнет мыслить, надо будет распускать армию.
В. Аксенов. Вольтерьянцы и вольтерьянки

Санкт-Петербург, август 2006 года

Резкий порыв ветра, наплевав на все инструкции по недопущению посторонних в помещения центральной конспиративной квартиры (в простонародье – «КаКашки»), через открытую форточку нагло проник в служебный кабинет № 302. Здесь он всколыхнул аккуратно разложенные на столе немисливо секретные распечатки и, трансформировавшись в сквозняк, нырнул под дверь и отправился вынюхивать государственные тайны по другим кабинетам. Буквально в ту же секунду по стеклу заколотили увесистые капли дождя, оставляя на давно не мытом окне расплывающиеся грязные полосы.

Сотрудник службы технической поддержки аналитического отдела ОПУ Иван Лямин (в простонародье – Лямка) с недовольным видом оторвал взгляд от монитора, поднялся с кресла и решительно пресек дальнейшие попытки несанкционированного доступа природной стихии в свой кабинет. Дождь меж тем разошелся не на шутку. Задержавшись у окна, Лямин смотрел на моментально просевшее до самых крыш отяжелевшее питерское небо цвета давно не стиранного хаки, на ускорившихся до легкой рыси прохожих, на рвущиеся из их рук под порывами ветра зонтики и мечтал о предстоящем отпуске. За последний год он так устал от семейно-памперсной жизни, свалившейся на плечи в строгом соответствии с житейским «пришла беда, откуда не ждали», что с недавних пор жил исключительно предвкушением запланированной на следующей неделе поездки на родину. И хотя Кострома – не Хургада, в данном случае ключевые слова были: «к родителям», «целых десять дней». И самое главное – в гордом одиночестве.

Иван никогда не интересовался поэзией и, к примеру, Маяковского знал разве что по стихотворению «Что такое хорошо?». Но попадись ему теперь на глаза знаменитое «любовная лодка разбилась о быт», пожалуй, подписался не то что под каждым словом – под каждой буквой. Собственно, «лодка» даже и отчалить толком не успела – едва взяли за весла, как «распишитесь, получите». И вот он – Сашка Лямин! Нелепый, маленький, бесконечно орущий и бесконечно писающий мальчик. А вместе с ним пресловутый быт, со всеми вытекающими последствиями. Чувшь это все, что дети укрепляют брак. Может, чей-то и укрепляют, но вот их с Ирккой отношения с рождением ребенка если и не затрещали по швам, то лишь потому, что таковыми не успели обрасти в принципе.

Молодая супруга, вознамерившаяся сидеть дома с ребенком по максимуму (а чего не сидеть? – пособие платят исправно, выслуга идет, даже очередное звание набегаёт), очень быстро сделалась нервной и раздражительной. Теоретически эти трансформации объяснялись постоянной суетой, однако, по глубокому Лямкиному убеждению, во многих случаях суета эта являлась искусственной и ничем не оправданной. То есть суета ради себя самой. А если добавить сюда извечный нудеж по поводу наличия отсутствия денежных знаков да приплюсовать невероятно развившиеся в супруге чувство ревности и подозрительность на грани истерики, нетрудно догадаться, что «такой футбол» Лямину был интересен все меньше и меньше.

Нет, конечно, о разводе пока не было и речи. До сих пор их скорострельный брак продолжал держаться на двух китах – врожденной, опрометчиво привитой Лямке родителями порядочности (дескать, «это твой крест – тебе его и волохать») и... Опять же на родственниках, правда, в этом случае уже с Иркиной стороны. Сами понимаете: если родной дядя жены вдобавок ко всему является еще и твоим непосредственным начальником, да к тому же

в системе координат МВД, это не просто вешалка – виселица. Подполковником быть хорошо, но в Лямкиной ситуации под чужим генералом было бы все-таки комфортнее...

Оп-па! А вот как раз полковник из головы и вылетел! Лямка вспомнил, что с самого утра обещал зайти к Константину Евгеньевичу (ну не называть же замначальника ОПУ Фадеева «дядей Костей»?) и подкачать в его служебный лэптоп порцию новых драйверов. Порывшись на полках, проседающих под тяжестью разнокалиберного софт-барахла, он не без труда нашел искомый диск и поскакал на этаж начальственных апартаментов.

Кабинет Фадеева был закрыт. Немного поразмышляв, Лямин спустился вниз, в дежурку, и поинтересовался у помощника:

– Слушай, Фадеев в здании?

– Уехал только что. Вернее, минут пять назад.

– А куда? – чисто машинально поинтересовался Иван.

– А он что, сегодня тебе не доложил? – схохмил помдеж. Родственные связи Лямина с полковником Фадеевым до сих пор служили в Управлении темой для пересудов, равно как являли собой благодатную почву для всевозможных колкостей и шуточек.

– Просто я попросил его до одиннадцати не беспокоить, – привычно парировал Лямка.

– Вот это правильно, понедельник – день тяжелый, – оценил реакцию дежурный. – Фадеев поехал пост проверить, а оттуда сразу мотанется в Главк. Там сегодня сходняк по эрмитажным делам. Вроде как сама Матвиенко обещалась нарисоваться, виноватить будет. Так что, думаю, раньше пяти точно не объявится.

– С чего вдруг его торкнуло самолично пост проверять? Да еще в такую погоду?

– А я знаю? Чужая душа – потемки, а душа начальства – это вообще черный квадрат. Что здесь, что там – вроде фигня полная, но все делают вид, что понимают, и прутся...

– А чей экипаж проверяет?

– «Семь-три-седьмой», Эдика Каргина. Сейчас он им там устроит: «Это я, Эдичка». Читал?

– Я пидоров не читаю.

– Да какой же Лимонов пидор? Это он так, типа прикалывался. А на самом деле он этот... национал-большевик.

– На самом деле это одно и то же, – пробурчал Лямка.

Надо сказать, что активных представителей современных радикальных оппозиционных течений и партий сотрудники питерского ОПУ, в подавляющем большинстве своем, на дух не переваривали. Но ничего личного – здесь сугубо профессиональное. Дело в том, что свои публичные акции те норовили проводить исключительно в выходные дни. Соответственно, дни эти автоматически переставали быть таковыми для сотрудников Управления. Согласно всем существующим гласным и негласным инструкциям дни народной бучи опушники были обязаны проводить на рабочих местах – одни «в поле», а другие, к примеру, такие как Лямка, в кабинете за компьютером. Ибо не должно Око Саурана дремать в тот час, когда бунтуют его гоблины и орки.

– Слушай, – заинтересовался Иван, – а «семь-три-седьмой» сейчас в движении или отстаивается?

– На складе стоят. А что?

– Да так, просто любопытно. А где именно?

– Разъезжая, 9, – сверился со своей «разблюдовкой» помдеж.

– Понял. Слышь, не в дружбу, а в службу – брякни на местный, когда Фадеев появится. Хорошо?

– Не вопрос. Лямк, у нас тут чего-то «Цивилизация» на компе подвисает. Как начнешь дороги или просеки строить – сразу начинает глючить, а потом вообще из игры выбрасывает. Глянешь при случае?

– А у вас какая версия?

– А шут ее знает, вроде третья.

– Ладно, вечером, когда начальство разъедется, гляну. Все равно я сегодня до девяти зависаю.

Лямин вернулся в кабинет и набрал по мобильному Пашу Козырева.

– Здорово!

– О! Пламенный привет отцу семейства! Сколько Лен, сколько Зин!..

– Ага, как же... Это у тебя, у холостяка, сплошь «лены-зины». А у меня, сам знаешь, – зимой и летом одним цветом.

– Что, проблемы? Подсобить с юными маляршами? – съерничал Козырев. Причем прозвонено это было тоном записного Казановы. – Фотоаппараты «Аякс»: наполни свою жизнь цветом!

– Сам справлюсь, – заносчиво отреагировал на его предложение Лямка. – А проблемы в данную минуту как раз у вас.

– Не понял?

– К вам на пост мой дядюшка персонально выехал. Типа, с проверкой.

– Оп-паньки! И давно?..

– Минут семь – десять назад.

– Понял тебя, Ваню. Большое человеческое спасибо. Слушай, в таком разе мы тут сейчас скоренько проведем ряд организационных мероприятий, а потом я тебе перезвоню. Ага? Тем более что я и сам сегодня хотел тебя найти. По одному дельцу.

– А что за дельце?

– Лямка, давай не сейчас. Я перезвоню, лады?

– Лады, – согласился Иван и отключился.

Вот чем хороша постоянная работа на Центре? А вот, к примеру, тем, что поделился со знакомыми людьми вроде бы ничего не стоящей информацией, но тем самым сделал им приятное. Причем особо не напрягаясь. А все потому, что мало в жизни «грузчиков» радостей. Посему им любое лыко – в строку.

Пока не случился предупредительный звонок Лямина, экипаж «семь-три-седьмого» полным боекомплектом благополучно пересидел непогоду в салоне оперативной машины. Козырев удачно приткнулся в «карман» у самого перекрестка Разъезжей и Правды, откуда интересующий их подъезд просматривался как на ладони. Тонированные стекла вкупе с плотнейшей ливневной завесой, окрасившей зримое глазу окружающее пространство в мрачно-серые тона, делали сидящий в машине народ практически невидимыми. Разве что легкий сигаретный дымок, сочащийся сквозь опущенное на полпальца стекло, сигнализировал о том, что в салоне теплится какая-то жизнь. Впрочем, спасающимся от дождя редким прохожим всматриваться в подобные вещи было недосуг.

Между тем в данный момент в салоне автомобиля имела место быть довольно шумная перепалка, спровоцированная тематикой полученных на утреннем инструктаже вводных. Молодняк, в лице Юры и Балтики, твердо стоял на «пацифистской платформе» и пытался убедить «ястреба» Каргина в том, что совершаемые ими действия суть незаконны, а главное – аморальны. Бригадир в силу своего возраста и внутренних убеждений считал перпендикулярно. Козырев же, который в принципе разделял точку зрения Эдика, предпочел не ввязываться в этот эмоциональный диспут по весьма уважительной причине – ему было лень.

– ...да потому что 99,99 процента гражданских мужичков делают все возможное и невозможное, чтобы отмазать своих сыновей от армии! – горячился бригадир. – И сами, по доброй воле, хрен пойдут на военные сборы. Только под конвоем. В результате над такой армией смеются. И себя, кстати сказать, я зачисляю туда же. В общем, «адмирал, горит твоя эскадра – адмирал и бровью не ведет...».

– Вот видите, Эдуард Васильевич, сами себя сейчас и выдали, – рассудительно заметил Хыжняк.

– Чем же это?

– А тем, что сами смеетесь над армией. И почему тогда молодежь, та, которая нормальная и с мозгами, должна гробить два года на службу в цирке? Вот если война начнется, тогда – да. Тогда совсем другое дело...

– Да? И много среди твоих знакомых нормальных и с мозгами? Сделай одолжение, назови хоть одного, черкани адресочек. Я как-нибудь на досуге прокачусь, посмотрю на это лохнесское диво-дивное. А вообще – нормальная уловка. Этот, – Каргин кивнул в сторону Балтики, – дескать, больной. Поэтому ему в армию нельзя, но в ментовку почему-то можно. И пиво галлонами тянуть можно. С таким вот хроническим недугом.

– Так у меня ж обмен веществ! – обиделся Стрепетов. – Мне даже рекомендовано пиво-то... Особенно «Балтику-три».

– Ага, в пропорциях: одна аскорбинка на два бокала пенной жидкости. Гарантированно выводим шлаки из организма, а окружающих коллег – из себя. В общем, один хроник, другой... допустим, ладно, типа с военной кафедрой. Но тоже не дурак – служить не пошел. Лучше уж так: за зарплату да за выслугу год за полтора. Не бог вещь что, но все-таки не за голое спасибо. Но если придет война, то якобы все как один... ВРАНЬЕ!

– Это почему? – хором обиделась молодежь.

– Да по стакану. Потому что сила России держится не на штыках и экономике, а на тех, кто держит эти штыки. И абсолютное вранье, когда говорят о том, что если бы... БЫ! Не сможешь заехать в рыло хаму в трамвае – не сможешь и в бою. Это таблица умножения. Кстати, вот ты, Юрец, 22 февраля на банкет, который наши бабы собирали, ходил? Носки в подарок получил? Водку халявную от спонсоров трескал?

– Ну ходил, – буркнул Хыжняк, не понимая, куда клонит бригадир.

– А что за праздник-то тогда был?

– День защитника Отечества. Только чего вы сразу на меня наезжаете? Я что, один там был? Все ходили.

– Знаю, что не один. И наезжаю я, как ты выражаешься, не персонально на тебя, а на всех, кто вместе с тобой в тот день выпивал-закусывал и принимал банальности от женщин. А тебе никогда не приходило в голову: это ж как настоящие офицеры должны смотреть на это шоу пиджаков! И какие чувства при этом испытывать? Ты не задумывался, что в то самое время, когда вы за столами пьянели и флиртовали с дамами, десятки тысяч истинных защитников Отечества выполняли поставленную перед ними боевую задачу где-нибудь в Баренцевом море или на границе с Грузией? И при этом не им, не их семьям никто из нас пирожное не подарил.

– А я не виноват, что государство вовремя с пирожными не подсуетилось. К тому же мы, между прочим, тоже не на продуктовой базе подьедаемся. И каждый день, между прочим, тоже... – здесь Юра немного запнулся, подыскивая нужное слово, – ...исполняем свой долг перед Родиной.

– Ни фигя себе! Сильно! – загоготал Каргин. – Слышь, Пашка, а ведь я сколько раз его предупреждал: не ходи на квартальные совещания, тебя там дурному научат. Хорошо, он еще не сказал, что мы тут ежечасно ходим по лезвию бритвы и стоим на линии огня... Ты, Юрка, на меня не обижайся. Ты парень грамотный, перспективный, опять же фильмы

правильные цитируешь. В общем, толк из тебя безусловно выйдет. Но вот бестолочь, возможно, так и останется. Пойми, не в пирожных дело, эти парни без них как-нибудь переживут, хотя иногда и хочется себя побаловать. Но вот без уважения к их профессии... Понимаешь, пока мы не будем уважать их, они не будут любить нас. А придет война, они нам скажут: «Странно, добровольцев должно было быть на пять десятков миллионов больше!» И сплунут. И пойдут воевать. Дай Бог. А вот недостающие пять миллионов со всех ног ломанутся сюда, в этот вот, будь он неладен, подъезд, на который мы второй час пялимся. И вот тогда это будет шоу. Прикинь, какая ходынка начнется.

– И все равно это неправильно, – пришел на помощь заметно сдувшемуся Юрке настырный Балтика. – Мы не имеем права работать по таким темам. Во-первых, это подведомственность военной прокуратуры, а, во-вторых, само задание явно «левое». Я сам видел, в бланке половина граф не заполнена. И я, кажется, догадываюсь, почему.

– А не засунул бы ты свои догадки в межъягодичное пространство, а? – всерьез разозлился бригадир. – Вздумало, понимаешь, яйцо курице нотации читать. Притом что ты, Балтика, со своим цыплячьим сроком службы даже не яйцо – эмбрион. Сгусток спермы с не вполне ясным будущим. Ты, когда клювик свой в бланк задания засунул, резолюцию Нечаева разборчиво прочитал? Так вот непосредственно к нему со своими догадками и предположениями обращайся. Во внерабочее время, разумеется. И там тебе доступно объяснят: в каких случаях наше дело правое, а в каких – левое. И вот тогда...

– Ша, народ! Будьте так любезны – пожуйте «Твикс». У меня мобильный, – обратился к спорщикам Козырев.

Он кинул взгляд на подсветившийся дисплей и подумал, что в последнее время Лямка объявляется хотя и редко, но метко. На его практике уже бывали случаи, когда такие вот жаркие дискуссии в конечном итоге заканчивались несчастным случаем на производстве. «Грузчик» на посту, он ведь как собака во дворе: сама по себе не злая, вот только нервы слабые...

– Господа, пренеприятнейшее известие: к нам едет ревизор! – почти торжественно объявил Паша, закончив свой разговор с Лямкой.

– Фамилия?

– Фадеев.

– Блин, почетно. А как узнал?

– Донесли персональные хорошо информированные источники.

– Ты, наверное, хотел сказать: хорошо декольтированные? – хмыкнул Каргин, недвусмысленно намекая на Светку Лебедеву.

– Это Лямка звонил. Так что попрошу без этих ваших грязных намеков.

– А, звездный мальчик! И сколько у нас времени?

– Если не застрянет в пробках на Литейном, то фактически нет.

– Понял. Значит, так: Балтика-три берет ноги в руки, дует в парадную восьмого дома (в смысле бежит, а не отливает пиво) и там старательно работает легенду «укрывшийся от дождя прохожий».

– Там кодовый замок на двери, мы с Юркой так и не смогли подобрать.

– А мне это, знаешь ли, по барабану. Не можешь открыть, входи на плечах. Ну а мы с Хыжняком выдвигаемся на Разъезжую, 6, в эту... как, бишь, ее?

– Legoga, – подсказал Паша.

– Точно, в «Легугу», где за чашечкой кофе продолжим нашу дискуссию о первоочередных задачах российских вооруженных сил. Всё, разбежались по одному.

– Конечно, как кофе пить – так это всегда Юрка, а как в обоссанных подъездах тусоваться... – проворчал Балтика-три, открывая дверцу. Дождь стоял стеной, и вылезать на улицу ой как не хотелось.

– А не фиг было начальство злить, – рассудительно ответил Эдик и достал из-под сиденья складной зонт. В отличие от ленивой молодежи, он постоянно таскал «на линию» зонтик, дабы использовать его либо по прямому назначению, либо в качестве предмета дополнительной маскировки. В общем, старой школы был человек – не чета нынешним.

Буквально через несколько минут персональный водитель Фадеева запросил точную настройку «семь-три-седьмого». И едва Паша успел продублировать свои координаты, как в водительское окошко настойчиво постучали начальственные персты. Матерый волк Фадеев, который за время службы сам отходил ногами не менее десятка лет, а посему прекрасно знал все уловки и приемчики «грузчиков», решил проявить стратегическую хитрость, обойдя оперативную машину с тыла. Ну да не прокатило: предупрежденная, а следовательно, вооруженная смена успела рассредоточиться и занять соответствующие оперативной обстановке позиции. Как говорят французские полицейские: «Nous arrivons toujours trop tard»⁴.

* * *

Желание самолично проверить расстановку сил и средств именно на этой точке возникло у Константина Евгеньевича отнюдь не на пустом месте. И дело было вовсе не в пресловутых вожжах и мантии. Как ни странно, но начинающий «грузчик» Стрепетов догадался абсолютно правильно: нынешнее задание на наружку было если не откровенно левым, то со смещенным центром. Так что при неправильном подходе к снаряду серьезную головную боль мог обрести не только персонально Фадеев, но и еще несколько высокопоставленных милицейских и армейских чинов, в данном случае бывших в теме. А все потому, что объектом задания являлась далеко не рядовая сотрудница общественной организации «Комитет солдатских матерей». А фирма эта, как известно, обладает феноменальной способностью поднимать вселенский хай, переходящий в неменьших масштабов «лехаим». Причем со всеми вытекающими отсюда... подследственными.

Со столь деликатной темой к начальнику питерского Главка обратился замполит Н-ской части, расквартированной в самом центре Петербурга, а потому достаточно элитной. Обратился исключительно в приватном порядке, но обстоятельства того требовали.

А все началось с того, что городские правозащитные конторы всех мастей и толков, которые, казалось бы, окончательно и бесповоротно вступили в климактериальный период, с некоторых пор вдруг дружно воспылали страстью к Вооруженным силам. Естественно, то была любовь без взаимности. И возникла она, как нетрудно догадаться, с подачи пресловутых «солдатских матерей». Как результат – вокруг руководства Ленинградского военного округа сложилось густое и дурно пахнущее информационное поле. В последние месяцы отцы-командиры, окончательно позабыв о своих непосредственных служебных обязанностях, только и делали, что отбивались от свор журналистов, науськиваемых профессиональными борцами за справедливость и мир во всем мире. В свою очередь последних на бой со своей армией вели материнский инстинкт и, как утверждали злые языки, щедрые гранты западных коллег.

Расклад сил и средств оказался явно не на стороне звездопогонных, и армия была вынуждена временно отступить. Однако не сдавалась, готовясь отыграться на предстоящем осеннем призыве. Тем временем руководство той самой энской части получило инсайдер-

---

⁴ Мы прибываем всегда слишком поздно (*фр.*).

скую информацию о том, что в штабе противника царит небывалое оживление: по донесению агентуры, со дня на день «матери» готовят в отношении них некий шкандаль.

Информация эта свалилась на фуражки с кокардами, как снежный ком, и стала неприятным дополнением к уже имевшемуся ЧП, которое произошло буквально накануне, – из части сбежал солдат-срочник. Ну да не зря говорят, что омут потому и кажется тих, что в нем никто глубоко не копал. Каково же было удивление замполита, назначенного ответственным за организацию поисков беглеца, когда выяснилось, что обе неприятности суть звенья одной цепи. Оказалось, что в родной части процветает самое натуральное, извините, блядство. И сбежавший солдат-первогодок стал одной из жертв старослужащих, цинично сдававших «духов» в почасовую аренду штатским ценителям однополрой любви.

Не трудно догадаться, что доведенный до отчаяния дезертир, вырвавшись на волю, ломанулся напрямик на Разъезжую. Там его приняли с распростертыми объятиями и, выслушав исповедь, изобилующую фактурой самого скабрёзного содержания, смекнули: тема тянет на правозащитный «Тэффи». Посему «солдатские матери» спешно принялись за подготовку релизов и брифинга, а пока, от греха подальше, спрятали солдатика в собственной «комнате матери и ребенка». В качестве таковой использовалась небольшая комнатка в коммунальной квартире, которую на благо общего дела пожертвовала «матерям» сердобольная вдовушка с активной жизненной позицией. С приснопамятных лет она возглавляла попечительский совет организации. Сиречь работала мытарем на общественных началах.

О существовании засекреченного пристанища беглых рекрутов в штабе ЛенВО, скорее всего, знали. Не могли не знать, так как в структуре Минобороны есть свое особое спецподразделение, заточенное на сыск. И работает оно не менее профессионально, нежели та же комитетская наружка, не говоря о милицейской. Но... тссс! Ее существование – тайна с тремя нулями, так что не будем. Иное дело, что руководство энской части в данный момент не горело желанием обращаться за помощью в генералитет, поскольку о неожиданно выросшей на их территории «горбатой горе» в штаб округа на Дворцовую площадь еще не докладывали. А вот что именно, как и под каким соусом докладывать наверх, теперь во многом зависело от того, успеет ли беглый солдатик открыть свой рот перед телекамерами или же нет. Такой вот замкнутый круг. Выражаясь армейским языком – загогулина.

Поскольку второй вариант во всех отношениях смотрелся предпочтительнее, замполит (назовем его «по-семейному» полковник Энский) вызвался полюбовно порешать вопрос с начальником питерского ГУВД, с которым случайно познакомился в Таиланде во время очередного отпуска. Тактический ход, конечно, небесспорный, но в данной ситуации допустимый. В конце концов, менты армейским – практически братья. Если и не по оружию, то по нападкам общественности точно.

– ...Нет, ну вот ты скажи мне, Владислав Юрьевич, я похож на садиста? Я, отец двоих сыновей, у меня внуку третий год пошел, так вот – я похож на человека, который будет поощрять зверства? Или, скажем, прикрывать их?

Начальник криминальной милиции питерского ГУВД в ответ лишь неопределенно пожал плечами. Этот его жест можно было трактовать двояко. То ли: «Да нет, вроде не похож». То ли: «А шут тебя знает, мы с тобой детей не крестили». Что же до «прикрывать», то, к примеру, сам Владислав Юрьевич не видел в подобном телодвижении ничего ужасающего. За годы службы, находясь на самых разных должностях, ему регулярно доводилось и прикрывать, и покрывать свое подчиненное зверье. И, между прочим, это еще большой вопрос – чье зверье зверее. Их армейское или родное милицейское.

Впрочем, распаленного животрепещущей темой и первой, оприходованной влет, бутылкой «Наири» армейского полковника красноречивое молчание «главного по криминалу» вполне устроило. Жестом заправского фокусника он выудил из рыжего пузатого порт-

феля вторую бутылку, профессионально скovyрнул пробку и, разлив по стаканам светло-коричневую влагу, лаконично изрек: «За службу!»

Закусив миниатюрным кусочком шоколадки, он продолжил:

– Это я тебя к чему спрашиваю? – На «ты» полковник перешел давно, не дожидаясь брудершафта. – Да к тому, что мы с тобой с трудом найдем человека, который будет поощрять зверства. Это вещь абсолютно бесспорная и понятная: садизм и тупая жестокость никогда и никем, кто хоть немного соображает, не приветствуются, и говорить на эту тему дальше вроде бы бессмысленно. Но!.. Объясни мне, почему к обсуждению и решению наших проблем (а они есть, я не отрицаю) у нас постоянно пытаются подключиться и подключаются те, кто армию не знают и не хотят знать? Эти деятели просто не в курсе, на каких принципах армия основана и зачем такие принципы вообще нужны. Да, и в обозах всегда есть передовики. Но почему их становится все больше и больше? И почему мнение обозных превалирует, а тех, кто на передовой, не учитывается вовсе?.. Ну да что я тебе прописные истины толкаю! У вас в ментуре наверняка точно такой же геморрой. Если не хуже.

Здесь Владислав Юрьевич вежливо кивнул, ибо с последним постулатом трудно было не согласиться.

– Понимаешь, Юрьич, мы все почему-то боимся сказать, что армия – это прежде всего машина для убийств. Она в первую очередь предназначена для того, чтобы успешно воевать с противником, нанося ему максимальный урон. То бишь уничтожать живую силу и технику противника. И каждый, создавая для себя образ защитника, представляет такого абстрактного «Рэмбо» – крутого парня с решительным взглядом, готового «порвать всех плохих» ради спасения «хорошего». Так?

– Ну, где-то так, – вынужден был согласиться Владислав Юрьевич, хотя на самом деле он не слишком жаловал боевики, предпочитая им гангстерские саги Копполы, Скорсезе и Серджио Леоне. Начальник КМ сделал вид, что потянулся за лимончиком, и ненароком бросил взгляд на часы: распитие спиртных напитков с армейским полковником в планы его выходного дня ну никак не входило. Однако приказ принять, выслушать и по возможности оказать содействие был отдан непосредственно начальником Главка. Так что волей-неволей приходилось соответствовать.

– Но почему-то никто не думает о том, что, качая мускулы и тренируясь в рукопашном бою, можно вырастить максимум неплохого спортсмена. Потому что для того, чтобы солдат мог воевать – то есть убивать, он должен аккумулировать агрессию, злость. Это и есть боевой дух – способность совершить насилие. Это дух, который солдату нужно долго и методично прививать, который следует непрерывно в нем культивировать. А добиться этого, не обижая солдата во время его подготовки, практически невозможно – не обижая, даже хорошего спортсмена воспитать очень тяжело. Офицер же обязан за два года перевоспитать восемнадцатилетнего лентяя или хама, который пришел в армию, и, чаще всего, не по своей воле. Сделать это путем взывания к совести или поиска отзывчивых струн в душе, как ты догадываешься, просто нереально. Это все равно что пытаться говорить о любви с пьяной в хлам проституткой. Есть такое дело?

– Есть, – рассеянно согласился начальник КМ, среагировав на вопросительную интонацию собеседника. При желании он и сам мог бы по полной загрузить полковника не менее наболевшей и даже более эмоциональной софистикой, однако не видел в этом никакого практического смысла. Не говоря уже о здравом. Да и не каждый философ пристрастен к цыкуте. Так что Владислав Юрьевич предпочитал отмалчиваться и с профессиональным терпением ждал, когда же армейский чин заговорит о главненьком. Ведь не просто поплакаться он сюда пришел.

– Для аналогии приведу тебе простой пример: если уважаемые, интеллигентные, милые люди хотят завести друга семьи, они заводят мопса. Но как только возникает необ-

ходимость охраны, самые разумные возьмут кавказскую овчарку, у которой, кроме мощного экстерьера, высокая агрессивность. Из-за которой, если она сорвется с поводка, будут неприятности с соседями – если она загрызет их собаку или покусает кого-то. Но зато это защитник. И если в дом ворвутся какие-то злые люди, то он успеет одного-двух загрызть, прежде чем его зарежут. Так вот все эти приверженцы полной демократии, все эти солдатские мамочки и бабушки, в охапку с газетными пустобрехами, хотят невозможного – чтобы одна и та же собака в разных ситуациях вела себя по-разному: в боевой обстановке – как охранник, а в мирной – как мопс. Но ведь это химера!

– Ну и пошлите их к чертям собачьим, – миролюбиво посоветовал Владислав Юрьевич. – На всех угождать – самому в дураках сидеть.

Лукавил, ой как лукавил господин начальник криминальной милиции. Или в данную минуту просто запямятовал о том, сколь раздражительно и нервно всякий раз реагировал на любую, даже самую пустячную газетную заметочку, в коей усматривал малейший оттенок иронии по отношению к его ведомству.

– Раньше и посылали, а теперь... Дерьмократы так засрали мозги народу, что у большинства населения в головах уже не каша, а именно что дерьмо. И как мне прикажешь после этого добиться понимания от тех мальчиков, которые все-таки принимают присягу? Что мне, тоже лекции им читать?! Я сейчас скажу тебе, Владислав Юрьевич, такую вещь, которую публично, на людях, стараюсь не произносить. Потому что если эти мои слова попадут в печать, то толпа меня, как минимум, колесует. Так вот: в неуставных отношениях, которые возникают сразу, как только человек приходит служить, есть польза.

– Н-да, довольно неожиданная версия. И какая, по-вашему, здесь польза? – заинтересовался начальник КМ. Проблемы армейской дедовщины занимали его разве что в сугубо этнографическом плане. Поскольку сам он в армии не служил (после института с военной кафедрой сразу пошел по милицейской стезе), а дети его, по счастью, были женского пола.

– Объясняю. Дедовщина – это очень сложный комплекс, который включает в себя отнюдь не только зверства старослужащих по отношению к молодым. Это еще и принятая обществом со времен первобытного строя методика, с помощью которой добиваются эффективной исполнительности. Если говорить кратко – это методика силы. И внутренний смысл лишения при подготовке бойцов – он из глубины веков. Но, заметь, здесь опять-таки не идет речь о тех проявлениях садизма и жестокости, которые доводят до крайности, – уголовщина к тому, о чем я говорю, не имеет никакого отношения.

– А мне казалось, что насильственная ломка и жесткое подавление индивидуальности приводят к совершенно противоположному результату. Озлобленность еще не означает силы. Скорее, наоборот. И даже если с некоторой натяжкой принять ее за таковую, то все равно сила эта непредсказуемая и плохо управляемая.

– Я понимаю, о чем ты хочешь сказать. Да, в становлении новобранца как бойца и защитника в немалой степени играет и то психологическое давление, которое обрушивается на человека в армии. Потому что для того, чтобы быть боеспособной, армия должна быть, помимо многого другого, и четко дисциплинированной. И в подразделениях утверждение и завоевание авторитета командира происходит с позиции силы. От этого отнекиваются многие военные, чтобы их не записали в какие-то «ястребы», «бурбоны». Но иного пути нет.

– По-вашему, не пройдя школу армии, мужчиной стать нельзя в принципе?

– Можно! Можно стать мужчиной и на гражданке. Но только не бойцом, не защитником. Понимаешь, Юрьич, ты пытаешься рассуждать логически. Причем рассуждаешь с позиций гражданского человека, хотя и сам носишь погоны. При этом все норовишь соскочить в плоскость перехлестов, но, уверяю тебя, они, перехлесты эти, идут не от системы... Да-да, не усмехайся, я вовсе не оголтелый радетель чистоты мундира... Я толкую о том, что не стоит делать из пришедших по призыву агнцев. Традиции дурной дедовщины пришли

в армию прежде всего из зон – о тамошних нравах ты знаешь гораздо лучше меня. И вот когда в одной казарме сходятся тупые садисты и имевшие опыт общения на уровне уголовников, там и происходят так называемые зверства дедовщины.

– То есть ваши проблемы – это наши недоработки?

– Конечно, нет. Не помню, кто сказал: «Человеческая глупость дает представление о бесконечности». Так вот моменты, о которых ты говоришь, это проявление глупости абсолютной, поскольку большинство подобных случаев не остаются безнаказанными. А те, кто получает за них хотя бы и условные сроки, даже не понимают, что сломали себе жизнь. Так, знаешь ли, насрать – и розами засыпать. Но их реакция – это уже дело десятое. Здесь главное, что «не остаются». Вот, возьмем, к примеру, наш последний случай. Собственно, из-за него я к тебе и пришел...

Владислав Юрьевич слегка поднапрягся. До этого их разговор, хотя и не был лишен занимательности, но все же носил характер теоретической прелюдии. А начальник КМ по натуре своей был практиком.

– В общем, получили мы сигнал о том, что некоторые солдаты нашей части оказывают, скажем так, нетрадиционные сексуальные услуги. Проверили – оказалось, правда. Подобное паскудство действительно имеет место быть. Причем поставлено на широкую ногу.

– На «широкую» – это как?

– А вот так. Старослужащие регулярно требовали молодых принести им по тысяче рублей и сами же предлагали способ заработать – встать раком. Регулярные отлучки оформлялись как увольнения – незаполненные увольнительные с печатями были на руках у «дедов», а телефоны клиентов передавались от «поколения» к «поколению». Как тебе такая «голубая луна»?

– Н-да, хреновая тема... Вам не позавидуешь, – искренне посочувствовал Владислав Юрьевич. При этом он отметил, что, пожалуй, следовало бы дать задание УСБ провести мониторинг личного состава Главка на предмет выявления скрытой гомосексуальности. Уж лучше перестраховаться, чем вляпаться в похожее дерьмо. Пронюхает пресса – замучаешься отстирывать.

– Пойми, мы вовсе не собирались замотать эту историю. Однако нужно было какое-то время, чтобы распутать клубок и установить всех причастных к этому блядству. Но тут совсем некстати сбежал начитавшийся газет солдатик, который, естественно, первым делом слил информацию «солдатским матушкам». Те, ясен пень, завизжали от восторга, солдатика схоронили и теперь готовят нам в подарок от общественности большой, трехведерный клистир.

– И чем мы можем быть полезны в этой ситуации? Прислать ОМОН и разогнать к чертям прессуху и ее организаторов? Или что они там готовят?..

– Ну зачем так радикально... От вас требуется всего лишь помочь установить квартиру, на которой люди тонкой душевной организации укрывают пацана, чудом вырвавшегося из лап солдафонов-педофилов.

– «Всего лишь», – усмехнулся Владислав Юрьевич. – Ну, допустим, установим – и что? Шваркнете в окно из «Мухи»?

– Моя б воля, Юрьич, честно тебе скажу, шваркнул бы – даже не задумался. Но, сам понимаешь... В общем, как только вы устанавливаете, мы посылаем туда военный патруль и...

– Изымаете ценного свидетеля?

– В первую очередь, мы, как ты выражаешься, изымаем дезертира. И пока «матушки» будут спешно менять тактику, нанесем упреждающий удар, собрав свою, альтернативную, пресс-конференцию. На которой честно и открыто признаемся: дескать, да, имел место столь позорный и прискорбный факт, в коем мы, заметьте, нашли мужество признаться. Мол,

начато расследование, результаты которого в обязательном порядке будут сообщены широкой общественности. И прочая подобная муть... Ты же сам знаешь принципы этой игры: кто первый прокукарекал, тот и солист.

– У нас говорят: кто первый добежал до оперчасти, у того и правда, – усмехнулся Владислав Юрьевич.

– Вот видишь, в целом направление главного удара – правильное. Ну так как, возьмесь подсобить? Только работать надо максимально срочно. Представляешь, какой скандал можно раздуть из этого дерьма?

Начальник КМ кивнул. Масштабы возможного скандала он представлял неплохо. Равно как имел представление о том, какой службе поручит это дело. Ну а поскольку Владислав Юрьевич по жизни был практиком, то в данную минуту он отчетливо представлял себе и то, чем в результате должен завершиться давно длящийся спор двух хозяйствующих субъектов во Всеволожском районе. Одну из сторон в котором доселе активно поддерживало Министерство обороны...

Действиями «семь-три-седьмого» экипажа, ведущего скрытое наблюдение за офисом на Разъезжей, Константин Евгеньевич, в принципе, остался доволен. Расстановка сил, привязка «грузчиков» на местности, неплохой сектор для маневра отстаивающейся оперативной машине – словом, все по уму. Полковник Фадеев в принципе доверял бригадире Каргину как одному из наиболее опытных сотрудников наружки. Однако: доверяя – проверяй. Особенно когда речь идет о столь щекотливых делах. Подписывая задание на НН Фадеев надеялся, что «грузчики», приняв утром объект от дверей квартиры в Рыбцаком, потащат его напрямик к искомому лежбищу беглого бойца. Ведь надо же его чем-то кормить. А выходить за продуктами в город самостоятельно солдатику в его положении совсем не улыбалось.

Но вышло иначе: «семь-три-седьмой», успешно взяв под наблюдение объект с оперативным псевдонимом «мать Тереза», дотянул его до метро, после чего успешно сопроводил на «Достоевскую». Стало очевидным, что объект направляется на работу. А учитывая, что по дороге в офис «мать Тереза» заскочила в парикмахерскую, где сделала себе укладку, вытанцовывалось худшее: похоже, что подготовка к скандальной пресс-конференции вступает в финальную фазу.

А вот отстаиваться в непосредственной близости от штаб-квартиры объекта было довольно рискованно. Фадеев не исключал наличия в офисе внешних видеокамер и прочих элементов контрнаблюдения, тем более что случаи провокационных мероприятий в отношении попившей армейской кровушки конторы случались и раньше. Так что, если бы ретивые «матушки» сегодня ненароком запалили милицейскую наружку, провоцируемый ими «шкандаль» неминуемо сделался бы двухактовым. А такого рода акты никак не входили в планы руководства ГУВД.

Собственно, для досконального разъяснения всей важности текущего «политического момента» Фадеев и подорвался на точку отстоя «семь-три-седьмого». Информация была сугубо конфиденциальной, для озвучки на общем инструктаже не предназначалась, а пообщаться с глазу на глаз с бригадиром он просто не успел. Короче, нюансы удалось обговорить только теперь (с этой целью недопившего свой кофе Хыжняка бесцеремонно отправили отсиживаться в машину). Оценив расклад и прикинув самые разные варианты дальнейшего развития событий, стратеги сообщая пришли к выводу, что в случае появления на горизонте малейшего форс-мажорчика объекта надо бросать, списывая сей прокол на традиционно сложную транспортную обстановку. Дружба дружбой, но свое реноме дороже. Каргин, понятное дело, не возражал.

Тем временем стрелка часов неумолимо приблизилась к двенадцати, и это означало, что Константину Евгеньевичу следовало выдвигаться в Главк. Оперативное совещание

по «краже века» из Эрмитажа не сулило ничего, кроме «приложения сверхусилий» и «бросания всех сил и средств на раскрытие этого дерзкого преступления». Как правило, за такими фразами неминуемо следовала долгоиграющая показушная суета, а посему Фадеев загодя пребывал в самом скверном расположении духа. В отличие от майора Безмылова, который ходил в замах начальника ОПУ относительно недавно, Константин Евгеньевич физически не переваривал главковские посиделки в расширенном составе. Он даже рта на них, в отличие от того же Безмылова, старался не раскрывать, а оригинальных решений и версий тем более не предлагать. В последнем, собственно, и заключается главное отличие опытного офицера от молодого: опытный офицер знает, что ему же и придется их выполнять.

* * *

Известный российский философ Виктор Степанович Черномырдин, подаривший миру сотни крылатых изречений, был абсолютно прав, утверждая, что «лучше водки хуже нет». В справедливости этого постулата пришлось убедиться и авторитетному питерскому бизнесмену Игорю Ладонину, который нынешним утром испытал на себе все тяготы и лишения, сопутствующие состоянию абстинентного синдрома. То бишь похмелья.

Субботняя вечеринка в «Палкине» прошла под знаком помпезного официоза, который лишь под занавес слегка оживила порядком поднабравшаяся эскорт-леди. Вспомнив о своем истинном призвании, она попыталась влезть на стол, дабы исполнить перед собравшейся публикой зажигательный стриптиз. Сидевшая рядом мадам взялась ее урезонить, за что и поплатилась... Со словами «не хватай меня за ноги, дура старая, чулки порвешь» девица дотянулась до фужера с шампанским и метко опрокинула его содержимое в не по возрасту откровенное декольте. А мадам, между прочим, была супругой чиновника городской администрации... Когда пытавшуюся сопротивляться девицу выводили на улицу, Ладонин, уловив момент, сунул охраннику мятую сотку с просьбой отблагодарить несостоявшуюся «бизнес-бледи» за доставленное удовольствие.

Зато на следующий день, собравшись узким дружеским кругом в загородном доме Ладонина в Репино, посидели изрядно и в высшей степени душевно. Последние несколько лет Игорь практически не употреблял спиртного, позволяя себе под соответствующее настроение разве что бокал-другой своего любимого «Шато Лафит». Однако на этот раз, к немалому удивлению друзей, он вдруг резво налег на водку и очень быстро дошел до близкого к просветлению состояния. В какой-то момент Полине, а в этой веселой и шумной компании она была единственной представительницей прекрасного пола, опостылело созерцательное участие в профессиональном запое. Кстати сказать, она впервые видела Ладонина в подобном состоянии, и зрелище сие особой радости ей не доставило. Но и мешать своему благоверному веселиться, равно как высказывать малейшее неудовольствие, Полина не могла – на такие вещи в их союзе с самого первого дня было наложено жесточайшее табу. Так что нравится – не нравится, сиди, терпи, красавица... Вот до поры до времени она и терпела, а потом махнула рукой, вызвала водителя и попросила отвезти ее домой, на городскую квартиру. Самое обидное, что вплоть до окончания попойки, завершившейся далеко за полночь, ее отсутствия Игорь так и не заметил. А потом еще и отругал водителя за такое вот, непонятно чье, «самоволие».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.